

М е д и т а т и в н а я п р о з а

Владимир Храмцов

Э Н И О ,

или Чертовски невероятные приключения ролевиков в
городе Ру

медитативный роман

Рассказы

Электронная версия

Приобрести печатный экземпляр можно по адресу:

<http://my-shop.ru/shop/books/1273489.html?partner=5063>

Электронный вариант книги **распространяется бесплатно** только с блога <http://hramcov.blogspot.com> , при условии сохранения авторских прав. **У вас нет прав для дальнейшего распространения любых элементов данного файла!**

Вы можете поддержать автора, перечислив всего **1 доллар** или любую другую сумму на любой из следующих счетов:

На карту Visa:

Счет №29246800007135 в ПАТ “КБ “Надра”, МФО 304193, ЕГРПОУ 20165528
Назначение платежа: Пополнение поточного счета №80611566, Храмцов Владимир

На расчетный счет в платежной системе Яндекс.Деньги:

р/с 4100178883828

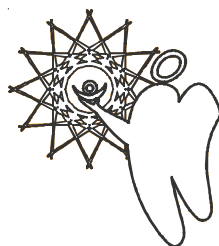
На любой из нижеуказанных счетов в платежной системе WebMoney:

E685376317379

U180703529722

R228760566897

Z301910443557

АЛАМАН
2012

ББК 84(2=Рус)
УДК 82-313.2

Все права зарезервированы.

© **Владимир Храмцов, 2012**

© **Иллюстрация. Сергей Гречаный, 2012**

Никакая часть настоящего издания ни в каких целях не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая распространение через Интернет, фотокопирование и запись на магнитный носитель, если на это нет письменного разрешения правообладателя.

Оригинал-макет оформлен и изготовлен автором.
Иллюстрация к роману Сергея Гречаного

Храмцов В. А.

Энио, или Чертовски невероятные приключения ролевиков в городе Ру: медитативный роман. Рассказы. – Владимир Храмцов. – М: Аламан, 2012. – 187с. – (Медитативная проза).

*Книга распространяется Интернет-магазином **My-shop.ru**:
<http://my-shop.ru/shop/books/1273489.html?partner=5063>*

ISBN 978-5-499-00226-1 (Издательство “Букстрим”, <http://bookstream.ru>)

Главная героиня романа, вооружившись мечом и облачившись в доспехи, участвует в полевой ролевой игре. Но происходит ряд событий, благодаря которым она обретает способность видеть существ тонкой энергетической природы. И тут выясняется, что кроме ангельских созданий и пугливых лесных духов этот мир кишит необузданной нечистью. Существа из нижних слоев захватывают руководящие посты и грозят распространиться по всей планете. Хорошо, что у нашей героини есть Энио – смелая, любопытная, отчаянная джива, внешне напоминающая ребенка.

Энио реальна. Такая джива живет в каждом из нас. Она управляет драконами наших страстей; она побуждает нас пройти по раскаленным углям и устремиться к небесам; она влечет нас в неведомые миры и подвигает на смелые поступки; она учит нас дружить и любить, бороться и побеждать; она мудрее и чище нас, ибо пережила сотни воплощений. Джива – это наша душа...

В книгу также вошли три рассказа, которые, как и роман, относятся к популярному направлению современной литературы. Это не хоррор и не фэнтези. Это – медитативная проза, цель которой вызвать у читателя положительные эмоции, пробудить его воображение, открыть перед ним двери в его собственные миры – вечные, бескрайние и многоликие.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭНИО, или Чертовски невероятные приключения ролевиков в городе Ру, медитативный роман:

I. Корова	5
II. Лорем Ипсум	10
III. Античные воины	12
IV. Партия	15
V. Анахроничный Илион	19
VI. Испытание Париса	28
VII. Храм Мандалы	33
VIII. Лесная феерия	41
IX. RGB	47
X. Ахиллесова пята	50
XI. Маскарад	58
XII. Нашествие	67
XIII. Конквистадоры	78
XIV. Особенности «Барабас ОС»	85
XV. Охота: тра-та-та-та	98
XVI. Осиновые стрелы, серебряные пули	103
XVII. Воины Света	112
XVIII. Ирония любви	122
XIX. Тройной удар	125
XX. Мактуб	136
XXI. Дно	141
XXII. Хранилище душ	152
XXIII. Воздушные пираты	156
XXIV. Эпилог	161

Рассказы:

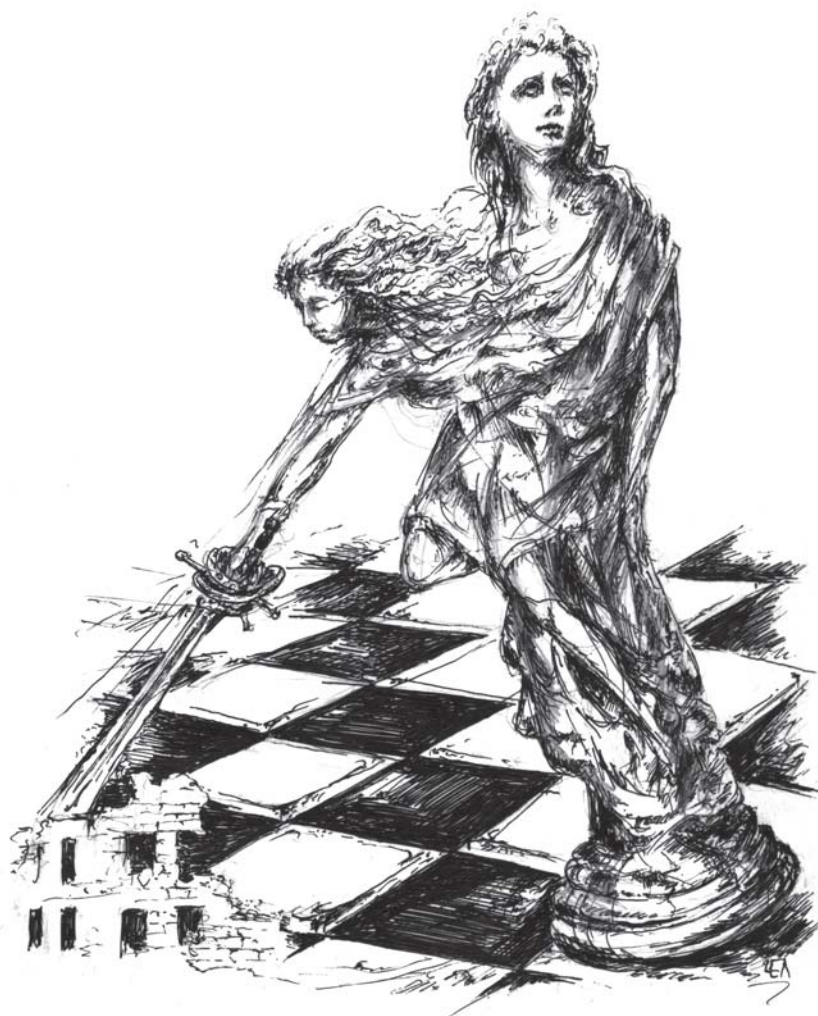
ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ	163
ТАЙНА	167
ХУДОЖНИК СОЛНЦА	173

ЭНИО,

ИЛИ
ЧЕРТОВСКИ НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОЛЕВИКОВ В
ГОРОДЕ РУ

медитативный роман

*Памяти мамочки,
моей первой сказочницы и учителя*

I. Корова

На ухоженные могилы церковного кладбища изредка падали усопшие кленовые листья. Откуда-то с неба доносился голос песнопевца: «Отче наш, иже еси на небесех...». Дедушка лет восьмидесяти – тощий, седой, неуклюжий по старости – не спеша сгребал листья граблями и вторил песнопевцу дрожащим старческим баритоном. Как вдруг, совершенно неожиданно с неба повалил снег, застилая все вокруг ярко-белым покрывалом, и через миг над кладбищем уже завывала метель, ломая обледеневшие ветки кленов.

– Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя... – доносилось сквозь пургу.

Метель прекратилась также внезапно, как и началась. Земля вмиг почернела. На проталинах пробились подснежники, на деревьях в долю мгновения выросли молодые листья, и вскоре наступило лето.

Там, где заканчивалось кладбище, начинался лес. Ровными рядами выстроились сосны. Пахло хвоей. С другой стороны церковного двора была видна асфальтовая дорога, а за ней – широкий луг. За спиной дедушки высились золотые купола православной церкви.

Старик устало перевел дух, обернулся к храму и трижды перекрестился: «Яко есть царство и сила, и слава Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Молитва смолкла, и стало слышно, как поют птицы, как шелестит молодой листвой кладбищенских кленов завораживающий ветер... Как вдруг, раздалось выразительное коровье мычание и иные звуки замерли. На мгновение стало тихо до звона в ушах. Дедушка подозрительно сморщил брови и напряг свой взор.

Переминаясь с ноги на ногу, медленно, опасливо оглядываясь по сторонам, из храма божьего вышло рыжее рогатое создание. Корова мирно сошла по паперти и снова выразительно промычала.

– Ах ты, окаянная, – вознегодовал старик, – а ну, ступай назад!

Корова измеряла его туманным взором, покачала головой и отвернулась, ничего не желая слышать. Кладбище и лес, видимо, не пробудили в ней интереса, а вот широкий луг за дорогой выглядел весьма привлекательно. Милку заморозила высокая сочная трава, и она ринулась к лугу с сияющими от восторга глазами.

– Ах ты, Кармина Бурана! – по-своему выругался старик, – стой! Я тебе говорю, стой, Милка!

Дедушка взмахнул граблями, как священным оружием и бросился вдогонку за неразумной божьей тварью...

Подземный тоннель, казалось, не имеет ни конца ни края. Ни одним звуком в нем не проявлялась жизнь, и только откуда-то сверху изредка срывались крупные капли вязкой влаги и лениво падали, разбавляя грязь. Попривыкнув к темноте и вглядевшись в черную даль тоннеля, можно было заметить маленькую, хотя и яркую, как звездочка, точку дневного света.

Внезапно невесть откуда донесся гул мотора, а через мгновение по под-

земной дороге черной стрелой скользнул, стремительно уносясь прочь вперед, фешенебельный лимузин. Он невообразимо быстро приближался к концу тоннеля. Точка света неумолимо росла, пока не превратилась в яркое, слепящее глаза, голубовато-белое пятно света. Водитель опустил на глаза темные очки.

У самого конца тоннеля рев мотора взбудоражил логово огромных летучих мышей. С неистовым криком они набросились на автомобиль, но, как только поняли, что не могут противостоять рукотворному монстру, сразу же ринулись вон из тоннеля. Кошмарной тучей, как грозное апокалиптическое знамение, они вылетели наружу. Сраженные губительным светом крылатые звери истошно закричали, наводя ужас на все живое в пугающем своей колдовской красотой лесу, и в панике разлетелись в разные стороны. Лимузин выехал на лесную дорогу, которая была далеко не такой прямой и гладкой, как подземная, поэтому водитель сбавил скорость.

– Ненавижу этих тварей, – сказал он и сдвинул очки обратно на лоб, – и свет в конце тоннеля ненавижу!

Маленький, лысый, с кроличьими глазками водитель глянул на пассажиров в широкое зеркало заднего вида. Не получив ожидаемой реакции на свою реплику, он стал напевать незатейливую песенку:

– Не отдам я вам и дня,
Грусть моя и скука.
Потому что у меня
Есть большая штука...

Сзади сидели двое: худосочный долговязый мужчина и молодая женщина. Мужчина выглядел деловым и серьезным, одет он был в элегантный летний костюм с бабочкой, на коленях у него лежала небольшая кривая трость. На вид ему было лет сорок.

Автомобиль шагнул колесом в глубокую рытвину, и водитель еле слышно выругался.

– Невежа, вы испортите мне прическу! – возмутилась дама. Волосы её были уложены, как доменная печь.

– Григорий, – сказал пассажир, – рули поаккуратнее.

– Пытаюсь, Адер Иванович, – ответил водитель, но снова чертыхнулся, когда колесо машины наскочило на кочку. – Как же легко вам рассуждать, попробовали бы сами порулить на этой чертовой дороге!

В разговор снова вступила пассажирка. Её можно было бы принять за сноба, не имей она вредной привычки покусывать во время разговора свои длинные, пестро размалеванные ногти.

– Гриша, я вас умоляю! – жеманно сказала она, – грессмейстеру придется и не такие ситуации разруливать, но нас при этом на кочках не подбрасывает.

Водитель глянул в зеркало на свою оппонентку с такой неприязнью, что та моментально съежилась и оробело фыркнула.

– Спасибо, Полина Сергеевна, вы настоящий секретарь, – весело сказал Адер Иванович, – дайте-ка мне ещё раз список приглашенных.

Секретарша протянула шефу папку с файлами.

– Так-так-так, – сказал гроссмейстер.

– Тук-тук-тук, – подмигнул ему в зеркало водитель.

– Не шали, Гриша!.. – строго погрозил пальцем шеф. – Игоша В. В., кто такой?

– Глава областного отделения секретного ведомства, – ответила Полина Сергеевна.

– Какого такого «секретного»?

– Ой, страшно даже говорить, – настороженно молвила секретарша и шепнула название «страшного ведомства» шефу на ухо.

– Нашли, кого бояться!.. И на что он нам?

Секретарша пожала плечами:

– Он был так настойчив! Сказал, что уже участвовал в подобных мероприятиях. Пришлось записать.

– Ну, это наглость, – встрял Гриша, – все, что делает гроссмейстер, уникально и бесподобно. Правильно, ваше великолепие?

– Григорий, следи за дорогой, – ответил шеф. – П.С., я в миллионный раз повторяю: нам нужно как можно больше людей из Ру и *только из этого* города!

– Но у него любовница... пардон, любовник вру... то есть не вру, а в Ру.

– Еще лучше! И куда я его пристрою с его нереализованным потенциалом? Такими, как он, уже весь ад переполнен... Слушайте, а может, он все-таки того... – загадочный взгляд и витиеватый жест дополнили мысль гроссмейстера.

– Голубой маг, что ли? Исключено!

– Ладно, пусть будет. Для экзотики.

– Ух ты, черт на колокольне, – в который раз чертыхнулся Гриша, – дорога, шеф! И откуда здесь дорога?

Гроссмейстер оторвался от списка приглашенных, и его взгляд в кои веки выразил удивление: впереди действительно виднелось гладкое асфальтовое шоссе.

– Не нравятся мне такие сюрпризы, – тихо произнес он.

Когда лимузин выехал на асфальт, шеф велел остановиться и вышел из машины. Он достал из футляра бриаровую трубку и закурил.

– Давай пройдемся, – сказал шеф водителю и направился в лесную чащу. Гриша недоуменно хмыкнул и последовал за ним. Они вышли на возвышенность над правым берегом реки, а в долине на левом берегу перед ними раскинулся небольшой город.

– Ру, – констатировал Гриша, – как хорошо его отсюда видно!

– Да уж, слишком хорошо. И это ужасно, – молвил шеф. Он видел совершенно не то, что Гриша, картину: не десятки производственных труб, не урбанистический пейзаж, уродливо въевшийся в край горизонта, но столб яркого света, в котором сиял сказочно красивый *светлый град*.

– Поехали уже, Адер Иванович, так хочется выспаться перед завтрашним праздником, – запричитал водитель, – такое впечатление, что вы Ру

впервые видите.

– Да, Гриша, таким я его вижу впервые.

– Хм, город как город.

– Ты видишь настоящее. А я – будущее!.. Ладно, едем.

Милка нехотя шла в направлении церкви, а дедушка, подгоняя её, неустанно ворчал:

– Вот ты неразумная, у тебя, сколько травы дома, а?

Корова глянула на деда искоса и угрюмо промычала.

– Не надо мне рассказывать, – продолжал старик, – трава там точно такая же.

Милка виновато опустила глаза. Дедушка вздохнул и покачал головой:

– Скучно тебе со мной. Понимаю... Ладно, договорились: вернемся домой, мы хмурь твою излечим... Эй, что опять стряслось?

Корова остановилась посреди дороги и простодушно замычала.

– Ну что, хочешь мне помочь? – старик не знал, что уж и говорить. – Сам справлюсь. Хватит меня уговаривать, ступай в храм!

Но Милка не слушалась. Из-за поворота показался лимузин Барабаса, и старик сжал грабли в руках с такой решительностью, будто то был не инструмент для обработки почвы, но боевое оружие.

Гриша без стеснения давил на педаль газа, сидя вполоборота к шефу, и темпераментно витийствовал:

– Как интересно вы придумали: террикон, – он обеими руками очертил в воздухе соответствующую фигуру, – и я с бубном: так-так-так, тук-тук-тук, так-та...

– Какой ты талантливый, Гриша! Воображение, как у Пикассо, машину водишь, как Шумахер, – гроссмейстер подмигнул обоими глазами и добавил, – тебе бы еще чуток ума, танк вместо лимузина и тряпку красную, как у тореадора...

Гриша наконец-то опомнился и схватился за руль, но педаль тормоза вдавилась в пол без его участия. Автомобиль замер в нескольких сантиметрах от старика, нацелившего свои боевые грабли в лобовое стекло, прямо на водителя. Гриша выскочил из машины.

– Ах ты, старичишка хренов! – заорал он, задыхаясь от злости, – годы в тягость? Жить надоело?

Гриша вцепился в стариковы грабли, но дедушка и с места не сдвинулся. Гроссмейстер, глядя на все это, подпалил трубку, взял свою трость и неспешно вышел из машины.

– Ты не понимаешь, с кем ты связался, дед, и даже представить себе не можешь, что я с тобой сейчас сделаю, – не унимался Григорий. И вдруг, он резко смолк и опустил руки, потеряв всякий интерес и к старику, и к его граблям.

– А ну, извинись! – приказал шеф.

– Покорнейше прошу прощения, каюсь в содеянном, впредь такого не повторится, – протараторил водитель.

– Ладно, иди в машину и сиди смирно. Позже поговорим, – сказал гросмейстер.

– Ага. Только ухо отпустите, Адер Иванович.

– Ах, ухо! Конечно-конечно, друг мой грешный, если великий Атиша тебя прощает...

– Да пусть идет, он же покаялся, – сказал дедушка, и гросмейстер нехотя разжал пальцы.

– Пока-а-ялся... – перекинул Гриша старика, потирая покрасневшее ухо, и побрел в машину.

– Ну, здравствуй, Атиша! – сказал гросмейстер.

– Здравствуй, Барабас. Что это за имя ты себе придумал: Адер Иванович?

Гросмейстер махнул рукой:

– Земная жизнь вынуждает пиариться. Я ж теперь народный депутат.

– Вот ты лукавый!

– А как иначе, старик, как иначе?

Милка уже была не такой строптивой, как прежде, и послушно шла к паперти. Атиша и Барабас следовали за ней.

– Забавный у тебя друг, – молвил Атиша, – такие слова знает: «каюсь в содеянном».

Гросмейстер рассмеялся.

– Я его заставил текст извинения выучить наизусть... Этот австралопитек тебя чуть по асфальту не размазал, а ты говоришь: забавный.

– В любом человеке есть светлое начало, которое можно разжечь добрым отношением и любовью.

– В этом не разожжешь: Гриша только наполовину человек, а наполовину – инкуб*. Таких как он тысячи, а скоро будут миллионы.

– Именно об этом я и пришел с тобой поговорить.

– О, я уже догадываюсь, демиург горнего мира, сейчас ты начнешь нравоучительствовать. Нет?

Старик покачал головой:

– Не угадал. Сделку хочу тебе предложить, демиург нижних слоев.

– О, сделки я люблю!..

Гриша и Полина Сергеевна наблюдали эту картину из салона лимузина. Милка подошла к церковным воротам, те сами по себе раскрылись, дав простор вырвавшемуся изнутри свету, корова зашла внутрь храма, Атиша и Барабас последовали за ней.

– Хорошо, что я его не ударил, – почесал лысину водитель лимузина.

– Да уж, Григорий, меня иногда настолько поражает ваша глупая несдержанность.

– Ну... Импульсивный я, что тут поделаешь, – вздохнул полуинкуб.

Мощные двери храма затворились. Свет исчез. Угрюмый лес медленно погрузился в сумерки.

***Инкуб и суккуба** – (миф., от лат. *incubare*, «возлежать сверху» и *succubare* «подстилка») распутные демон и демоница.

II. Лорем Ипсум

– Вот это да! – наигранно воскликнул гроссмейстер и как бы замер у закрывшихся за его спиной храмовых ворот, – меня нелегко удивить, но ты этого добился, старик.

– Ты же знаешь, Барабас, что стариком я становлюсь только в мире людей, да и то не сразу.

– Да я не в том смысле, я же по-дружески, Атиша!

Перед демиургами от края до края горизонта простирался луг, сплошь поросший высокой сочной травой.

– Это Милкин рай, – пояснил Атиша.

– А где твоя хижина? Или ты в землянке живешь?

– Это не земля.

– Ах, ну да, значит, в небесянке.

– Что-то вроде того.

Атиша глянул на Барабаса по-детски лукаво. Грабли в его руках в ту же секунду превратились в посох, увенчанный золотистым бутонем в тысячу лепестков. Светлый демиург трижды ударил им о небесную твердь, которую Барабас посмел назвать землей; цветок засиял изнутри, лепестки его раскрылись; из торца посоха вырвался тонкий луч света, которым Атиша нарисовал на небе то ли иероглиф «аум», то ли просто цифру «3» (начертание быстро таяло и гроссмейстер с трудом мог его рассмотреть), и через несколько мгновений к ним сверху медленно опустился замок-дворец с двенадцатью башнями и широким куполом посередине, венчавшим шестнадцатиярусную пагоду*.

– Ого, шикарно! Это что, космический корабль? – пошутил Барабас, не в силах сдержать восхищение.

Замок-дворец не был похож на архитектурное сооружение. Сотворенный в дюжину ярусов, он чем-то напоминал известное всякому рядовому провидцу Дерево Жизни. Над пагодой парили херувимы, серафимы и какие-то сказочные, окутанные неземным сиянием и разноцветными радужными ореолами существа. Если бы их описывал какой-нибудь наделенный духовным зрением поэт или писатель, он, возможно, сказал бы, что то были мифические птицы, фантастические крылатые звери или звероподобные ангелы. Но ни одно, ни другое, ни третье действительности бы не соответствовало, ибо нельзя описать то, что не должно иметь описания.

– Ограниченное у тебя воображение, Барабас. Тебя всегда тянуло к технике, и ты теперь во всем необычном видишь летающие тарелки. Этот дворец или, как ты изволил выразиться, небесянка, живой! Хм, надо ж придумать: космический корабль... Поздоровайся с ним.

– Здравствуй, замок-дворец! – поклонился Барабас.

– Его зовут Lorem Ipsum Dolor Sit Amet, Consectetur Adipiscing Elit. Duis Pretium Justo In Enim Semper Hendrerit. Fusce Dolor Orci...

– А покороче имя у него есть?

**Пагода – «башня сокровищ», буддийское или индуистское сооружение культового характера. Здесь – многоярусная башня в форме усеченного конуса.*

– Но я и так договорил не до конца. Я зову его просто Лорем. Тебе же советую обращаться к замку-дворцу Лорем Ипсум, пока не познакомишься с ним поближе.

– Здравствуй, Лорем Ипсум! – поздоровался гроссмейстер и прошептал, – что, опять кланяться?

– Это у вас под землей все друг другу то кланяются, то поклоняются, а здесь это называется приветствием.

– Где-то я уже слышал это имя.

– О, ты прав, имя замка-дворца начертано на стольких скрижалях!

Лорем Ипсум завис в нескольких метрах над «Милкиным раем», но не опускался на небесную твердь, видимо, чтоб не помять траву. От ворот замка простерлась движущаяся световая дорожка.

– Трап, – заключил Барабас.

– Прошу! – пригласил его в обитель Атиша, и гость осторожно ступил на дорожку, приговаривая:

– Чтоб я так жил!.. Слушай, любопытная у тебя палица. Подари!

– У тебя своя есть.

– Твоя круче, Атиша! Давай махнемся.

– На твой корявый сучок? Ты в каком дремучем лесу его подобрал?

– Эх, жадный ты, демиург горнего мира!

– Куда мне до тебя, Барабас! Ладно, подыщу тебе что-нибудь стоящее из своей коллекции. А то без посоха до демиурга ты не дотягиваешь.

Пока они поднимались по дорожке, Атиша молодец на глазах.

Над воротами висела большая табличка, на которой было начертано полное имя замка-дворца.

– Сыграем в шахматы? – предложил горний демиург, когда они подошли к пагоде.

– Вообще-то я карты предпочитаю. Но ради нескольких минут беседы с тобой, с радостью соглашусь и на шахматы.

– Ты, я вижу, заметно поднаторел в искусстве лести.

– О, да! Если интересуешься, могу преподать тебе мастер-класс.

– Спасибо, попробую как-нибудь прожить без этого фимиама.

Демиурги стали подниматься по вычурной винтовой лестнице – такой же живой, как и сам замок – на широкую, поросшую вьющейся зеленью террасу, внешней стороной выходящую наружу Лорема, со статуями мраморных ангелочков в самом верху естественно выросшего здесь парапета. Статуи, увидев в замке-дворце Барабаса, удивленно переглянулись, а одна даже пожалала плечами, мол, что теперь на небе творится, даже в кино нельзя показывать, ибо происходящее идет вразрез со всеми небесными канонами.

Внизу, во фруктовом саду, играли в прятки на первый взгляд абсолютно беспризорные ангельские дети. Неподалеку от них в ветвях тысячелетних дубов и ягодных тисов суетились около десяти мелких и крупных дятлов, соловьи, дрозды, иволги, щеглы и другие певчие и, на первый взгляд, совершенно не певчие райские птички. Один из дятлов махнул крылом, и остальные птицы тут же заняли позиции на ветвях вековых деревьев; второй взмах

крыла – и пернатые начали насвистывать и отстукивать «Музыкальный момент №3» Франца Шуберта. На третьей цифре щеглы явно зафальшивили, и маэстро пришлось остановить исполнение, простучав по дереву «отбой». Он что-то настойчиво прошебетал, взмахнул другим крылом, и через какой-то момент музыкальное произведение зазвучало с новой силой и без фальши.

Над демиургами несколько раз прокружил веселый пчелиный рой. Любопытные насекомые иногда забывали об этикете и проявляли к Барабасу чрезмерное внимание.

Чуть поодаль от парапета заливались чудным пением с десятков белых ворон, над главным куполом Лорем Ипсума сияла неземная радуга в девяносто девять цветов, были во дворце и другие привлекательные моменты.

– Какой импозантный замок! – восхитился гроссмейстер. – Кстати, а моя клюка весьма импонирует стилю твоего мира, Атиша.

– Понравилось? Оставайся. Погостишь недельку, я тебя по воде научу ходить.

– Да я уж понял, что попал... под твоё магическое влияние.

– Никакой магии. Все по небесному просто, – ответил Атиша, которому на вид сейчас было от силы лет двадцать пять, если мерить земными мерками, разумеется.

III. Античные войны

Тьма-тьмушая и поднявшийся от реки туман, казалось, полностью поглотили лес. Полуинкуб Гриша и полусуккуба Полина Сергеевна, которую даже Барабас называл исключительно по имени и отчеству, нередко, правда, их аббревиатируя, сидели в машине без света: он демонам был без надобности.

– Сколько можно болтать с этим старикашкой, – нервничал Гриша.

– Мне тоже это остохорошело, – согласилась секретарша гроссмейстера, пересаживаясь на переднее сидение.

– Как бабы!

– Это ещё мягко сказано... Гриш, ты не против? Одной в салоне так скучно, – извинительно сказала П.С., захлопывая дверь, но водитель не обратил на её передислокацию особого внимания, ибо узрел на дороге нечто, не поддающееся его логике.

– Глянь-ка, кто это там? – сказал он, тыча пальцем в тьму-тьмушую. Гришины глаза полыхнули дьявольским огнем.

Секретарша тоже напрягла взор, её зрачки налились кроваво-красной магмой. Тьма расступилась, и Полина Сергеевна стала видеть почти как днем, будто у неё появился прибор ночного видения, правда, не с зеленоватым, а опять-таки с кроваво-красным оттенком.

– Рыцари, – сказала она и глупо улыбнулась.

– Да вижу, – ответил Гриша, – но откуда они здесь? Мы что, переместились в средние века?

– Э-э-э... это не рыцари!

Бывшие какие-то десять минут назад недругами, они переглянулись и почти прильнули друг к дружке, в один голос прошептав:

– Это античные воины!

Троянцы шли по дороге вразброд.

– Ты точно знаешь дорогу, Парис? – сказал воин в дорогих кожаных латах, обращаясь к лучнику, одетому в дорогой, вышитый драгоценным бисером и золотом, хитон.

– Да, Гектор! Только не пойму, откуда здесь асфальт.

– Так и говори: «Дороги я не знаю».

За братьями по пятам шагала сестра – высокая и крупная дочь Приама Кассандра, которую нередко называли «женщиной-горой», и семенили две другие принцессы – Елена и Брисеида, заморенные жаждой и долгим блужданием по лесу.

– Пить хочу, – сказала одна из них сиплым, жалостливым, еле слышным голоском.

– Правильно, Брисеида, переходим на шепот. Не забывайте, девчонки, что ночью идет маньячка, – молвил Гектор.

– Что такое «маньячка»? – спросила Брисеида у Елены.

– Да так, ерунда, – отмахнулась подруга, – могут напасть со спины и горло перерезать.

– Зима, Гектор: ночь по игре – это зима, – поправила брата Кассандра.

– Предлагаю срезать путь через... перевал, – сказала дочь Брисея.

– А в каком он у нас направлении, овцевод?.. Парис, я тебя спрашиваю! – стал нервничать Гектор.

– Я не овцевод, а пастух. Бывший, кстати... Не знаю. Сейчас посмотрим по карте, – ответил брат брату.

– У тебя карта есть? И ты молчал?

– Так ты ж не спрашивал!

– Эх ты, кузя! – в один голос сказали дамы, слово «кузя», по всей видимости, было нарицательно-ругательным именем для всех, кто совершает глупые поступки.

– Ой, девчонки, надо ж по игре, – спохватилась Елена Прекрасная. – Три-четыре...

– Эх, Парис! – крикнули принцессы хором и, насколько хватило сил, рассмеялись. Их охрипшие голоса вернулись лесным эхом – жестоким и пугающим.

– Гектор, по жизни, посмотри, далеко ли ручей: жажда мучит – жуть! – взмолилась Брисеида.

– Парис, что ты возишься!.. Эй, принцессы, у кого-нибудь есть фонарь, то бишь факел?

Сыны Приама развернули карту, Гектор принял от «сестры» зажигалку, снабженную светодиодом, осветил бледно-синим лучом замусоленную карту и через секунду произнес, – а факел-то отсырел! Так, если мы здесь...

– Но здесь асфальт, а по карте – грунтовка, – возразил Парис.

– Да молчал бы уже!.. Тогда ручей, то есть река Лета, должна быть там, – и Гектор, не поднимая головы, указал пальцем в сторону лимузина.

Гриша тут же прижал Полину Сергеевну к себе и потянул вниз.

– Пусти, идиот. Это люди, они в темноте ни черта не видят, – раздался голос из-под руля.

– А вдруг – не люди и – видят? – возразил Григорий, но руки все-таки разжал. – Кстати, у них фонарь.

– Маньяк сексуальный! – сказала П.С., распрямившись.

– Ни о чем таком я даже не думал, – соврал полуинкуб.

– Судя по карте, перейдя перевал и Лету, мы сразу окажемся в Трое, – заметила Кассандра, когда друзья двинулись вперед по дороге.

– Ну вот, девочки, за одно и водички попьете, – сказал Гектор.

– Ага. Только одного ты не учел: кто сделает хоть один глоток из Леты, тот забудет все прошлые воплощения, – возразила невестка.

– А ты не по игре пей, а по жизни.

– Нет уж, играть, так играть. Я до Трои потерплю.

Античные воины вплотную подошли к лимузину, но тьма-тьмушая и туман не позволяли им увидеть автомобиль Барабаса. Гриша надвинул на глаза темные очки, а Полина Сергеевна и вовсе погасила свой демонический взор.

– Подождите! – окликнула друзей Брисеида, отставшая на несколько шагов, – да стойте же, придурки, то есть... э... благородные троянцы!

– Что ещё? – заговорил долго молчавший Парис.

– Туда гляньте!

– Только пальцем не тычь – глаз выколешь... Куда?

И тут все увидели в глубине леса мерцающий свет, который становился ярче и ярче.

– Ура! – воскликнула Елена, – праздник огня! Мастера разожгли большой костер. Лагерь там!

– Странные они какие-то. Давай-ка, Гришенька, рассмотрим этих субъектов в доспехах повнимательнее, – предложила Полина Сергеевна.

– А если гроссмейстер вернется?

– Барабас нас и в тартарары найдет, не то что в этом голимом лесу!

– Слушай, П.С., а вдруг они того... из другого измерения, и мы с тобой сейчас провалимся в пространственно-временную дыру?

– Вот и хорошо: когда вернемся – диссертацию об этом напишешь.

– Я? Диссертацию?.. Так что ж мы сидим, идем за ними!

– Да, Парис, хороший из тебя проводник, – с сарказмом молвил Гектор, когда друзья двинулись в обратном направлении.

– Причем тут я, – промышчал заблудший сын Приама.

– Слушай, Парис, скоро под Киевом игрушка будет, как раз для тебя, – хихикнула Елена.

– Да? И как же она называется?

– Как, как... «Иван Сусанин»!

Троянцы шли и хрипло хохотали, пока не углубились на пару десятков метров в чащу. И тут Елена Прекрасная не понарошку взвизгнула. Тот, кто

схватил её сзади, тут же зажал высокопоставленной троянке рот рукой.

– Бросай оружие, – прозвучал весьма строгий, но спокойный мужской бас, – не то всех порешим.

– Главное, без глупостей, воины Илиона. Нам нужны только деньги, – добавил другой голос, женский.

– Исключительно деньги, – колдовским шепотом подтвердил бас.

IV. Партия

Барабас и Атиша доигрывали шахматную партию. Они сидели в креслах-качалках и релаксировали. Атиша попивал через трубочку молочный коктейль, а гроссмейстер с необыкновенным благоговением покуривал любимую бриаровую трубку. Выпустив несколько разноформенных колец дыма, он походил ладьей.

– Так что ты говорил про коммерческую сделку, Атиша?

– Коммерческую? Отнюдь, – молвил коллега и защитился от туры конем, – просто сделку: я не ищу выгоды.

– Само по себе слово «сделка» уже предполагает выгоду. Причем, взаимную.

– Тогда назовем это предложением.

– Ну вот, как всегда: слово уже не слово, сделка уже не сделка... Умеете же вы, светлые, карты тасовать! А нас называете лукавыми.

– Да ты сначала выслушай!

– Я весь – внимание!

– Надеюсь, ты простишь мне некорректный вопрос?

– Валяй, проповедник.

– Что ты делаешь в городе Ру?

– Да так, развлекаюсь, – хитро улыбнулся гроссмейстер.

– А то, что ты собираешься вытянуть свою черную свору на поверхность земли, тоже можно назвать развлечением?

– Почему сразу «свору»? Они милые ребята.

– Ты хочешь пробить дыру в земной коре, которая станет вратами в подземное царство. И демоны будут пешком ходить из-под земли на поверхность и обратно.

– Оказывается, ты все знаешь, Атиша! – наигранно схватился за голову Барабас.

– Этого нельзя делать. Эта брешь может нарушить энергетический баланс Земли, что грозит непредсказуемыми последствиями.

– Правда? Я не знал. Я больше не буду!

– Хватит ерничать! Пойми ты, нельзя соединять несоединимое.

– Это почему же, я всегда так делаю. В том-то и состоит искусство, только так можно создать шедевр!.. А, я понял! Ты боишься, что у меня получится. Ты мне завидуешь.

– Да ты пойми, что Он совершенно не зря расслоил измерения, отделил демонов от людей, людей от ангелов, мертвых от живых, живых от вечных...

– Он? Он ничего не расслаивал, Он вообще ничего и никогда не творил.

Все за него делали мы, лепщики горшков. А славу за все наши труды Он всегда присваивал себе. Самый захудалый художник, самый бездарный поэт-борзописец сделал больше чем Он.

– Мы, демиурги, ему всего лишь сотворим, – возразил Атиша.

– Дык у тебя нет ни одного конкретного примера его творчества.

– Правильно, ибо Он есть то недвижимое начало, которое не имеет конкретного примера. Он – основа всего, ось колеса, от которой нельзя требовать движения, которую нельзя расшатывать. А иначе – колесо развалится!

– Хватит. Ты же знаешь, что это бесполезный спор... Итак, в чем твое предложение?

– Я предлагаю тебе отречься от своего плана.

– А я уж вообразил, что ты нечто дельное предложишь... И что же я скажу Великому Черному? – сарказм Барабаса стал ещё утонченнее.

– Ровным счетом ничего. Я тебе предлагаю бросить свой удушливый мир и перейти на светлую сторону, в горний демиургат.

Барабас закашлялся, погасил трубку, встал с кресла-качалки и несколько раз прошелся по террасе туда-сюда.

– Поживешь пока у меня. Здесь Великий Черный тебя не достанет.

Гроссмейстер аж прослезился от горького дыма и вытрусил пепел из курительной трубки в цветник. Вернувшись в кресло, он сунул трубку в футляр и тихо произнес:

– Табак попался крепкий. Но куда крепче твои шуточки, Атиша!

– А я не шучу. И в демиургате о тебе похлопочу. Специалист ты хороший. Придется, правда, пару сотен лет походить в стажерах, но это единственный минус.

– А рога мои, что же, прикажешь спилить?

– Нашел проблему. Рога сами отпадут. Со временем.

– Ах, Атиша! Нижние слои ничем не хуже горних. Конечно, они несколько не обустроены. Но если я уйду, кто о них позаботится; кто будет создавать в темноте беспросветной новые миры? Да и вообще, зачем ты толкаешь меня на предательство!

– Новые миры? И что же за последнее время ты создал? Все, что у вас есть, вы захватили. Вот и сейчас хотите присвоить сотворенное не вами. Я же тебе предлагаю стать настоящим демиургом, создателем непорочных вселенных, без войн, без паразитизма, без зависти, безо лжи, таких, какие ты мечтаешь создавать, Барабас.

– Откуда ты знаешь, о чем я мечтаю?.. Да и потом, я в свое время прогулял курс по принципам создания равновесия в светлых вселенных и даже не представляю, кто в них может жить.

– Этот пробел в знаниях нетрудно восполнить: в таких мирах живут светлые, мудрые сущности, которые сами находятся в равновесии.

– А что делать с темными и глупыми, с теми, кто не обуял свой мятущийся разум? Нет, Атиша, хоть ты мне и друг, я вынужден отказаться.

– Неразумно это. Твой гнусный план обречен на поражение, как и эта партия. Мат, максимум – в четыре хода! – объявил светлый демиург.

– Хе, блефуешь? У меня преимущество по фигурам и сильнее позиция в центре, – возразил Барабас, походив турой на D4.

– Отнюдь! – побил белой королевой пешку на C7 Атиша. Барабас забрал туру соперника на D7:

– Вот, что я тебе скажу, старик, предложение твое заманчивое. Более того – выигрышное. Но оно противоречит моим принципам.

– Ты рискуешь провалиться в тартар, – побил Барабасову туру офицером Атиша. – Шах!

– Низость – предать того, кому служишь, даже если это сам дьявол, – ушел королем на D5 гроссмейстер. Белая королева пошла на C6, черный король отступил на E5.

– Нужно иметь смелость вовремя свернуть с заведомо ложного пути. Так что, если передумаешь, вспомни о моем предложении. Шах и мат, – окончил партию светлый демиург, походив королевой на E6. – Правда, если ты перегнешь палку, я ничем не смогу тебе помочь.

– Не будь фаталистом, Атиша.

– Хорошо, не буду. Но эту партию ты проиграл.

Лорем Ипсум пронесся над горными долинами и песчаными дюнами, над широкими морскими просторами и усыпанными снегом степными равнинами и снова вернулся в Милкин рай.

Милка резвилась на лугу, за ней гонялся по кругу матерый буйвол. Неподалеку с наслаждением жевали траву как минимум полсотни коров и быков разных пород.

Лорем Ипсум опустил террасу к храмовым воротам, и Атиша с Барабасом снова оказались у входа в горный мир.

Барабас сделал вид, будто глубоко задумался и опустил взор.

– Сегодня я видел свет над городом Ру, – сказал он, выдержав паузу.

– Свет? – удивился Атиша.

– Да. Столб небесного света. А в этом ярком сиянии – светлый город.

– Непостижимо. Я уж было решил, что ты утратил дар видеть подобное.

– Вот я и думаю, мой друг, не замыслил ли ты против меня, какой-то коварный план, и все твои нравоучительные беседы – это просто блеф? – Барабас резко поднял глаза, что называется, впившись ими в собеседника. Атиша ответил ровным невозмутимым взглядом.

– Светлый град? Это для меня новость, – сказал он.

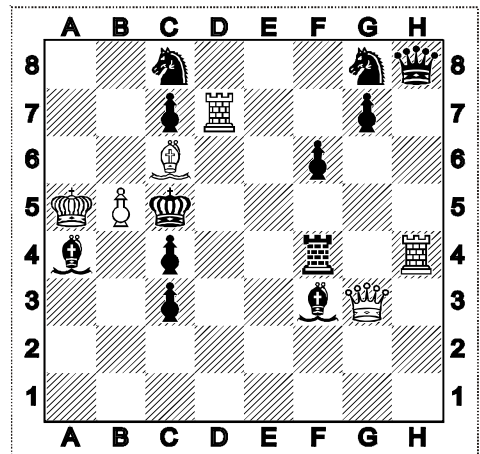
– Странно, почему я тебе верю?

– Потому что я твой друг и никогда не держал камня за спиной.

Когда врата церкви затворились, демиург темных миров риторически произнес:

– Эх, так глупо проиграть! Надо было идти на размен ферзями... И откуда он взялся, этот небесный свет?

Барабас уже почти вплотную подошел к лимузину и только теперь обна-

Шахматная партия Барабаса и Атиши (черные начинают)

ружил отсутствие свиты.

– Вот бездельники, сказал же: сидите в машине, – разругался гроссмейстер, после чего глаза его запылали адским сиянием. Барабас несколько раз подпрыгнул, с усилием набирая высоту, и его тощая фигура скоро растворилась в безрадостной и беспросветной тьме-тьмущей.

А тем временем разбойники исследовали карманы небдительных троянцев.

– По полигону ходить надо тихо, особенно в зимнее время, а вы ржете на весь лес, как обкурившиеся пегасы, ну как вас не ограбить! – пояснял паренек в костюме древнего грека, приставивший к горлу Елены Прекрасной деревянный игровой нож. Его спутница обыскивала Гектора, подсвечивая себе фонариком. Вытаскивая очередную охапку бумажек, большинство из которых были игровыми деньгами, она приговаривала:

– Ого! Удачно мы вышли погулять: на эти деньги можно нанять тридцать гоплитов*! О, а это паспорт... Эй, Патрокл, глянь-ка на их игровые ксивы, это ж высокопоставленные троянцы! Посмотри: Гектор, принц Илионский... Так мы ж такой выкуп можем срубить! А ну, глянь, что за птицу ты за хвост держишь.

– Извини, – сказал Патрокл своей пленнице, – чтобы я по карманам не шарил, достань-ка паспорт.

– Незачем, я Елена.

– О, Инка Пинцова! А я тебя не узнал... А где твой возлюбленный?

– Не Инка, а Елена Прекрасная.

Разбойница посветила фонариком Парису в лицо.

– Не в глаза, не в глаза! – взмолился тот.

– А вот и вор воров – Парис, Приамов сын. Извините, ваше высочество, сразу не признала. А ты, девочка, кто?.. О, Брисеида!

– Вот расскажу про все Ахиллу, он вам кишки выпустит, – пригрозила дочь Брисея.

– Не надо пугать меня моим же побратимом, – ответил Патрокл, – и вообще, умерьте эмоции: убивать вас никто не собирается. Мы вас за полцарства вернем Приаму.

Патрокл говорил довольно уверенно, но тут осекся.

– Ифигения, – обратился он к спутнице, – обернись!

За спиной у дочери микенского царя он видел светящиеся глаза Полины Сергеевны. Силуэт полусуккубы стал более отчетливым, когда та приблизилась к Ифигении и, склонившись над ней, как вампир, разинула пасть. Клыки П.С. засветились в темноте, как угольки тлеющего костра.

– Ифигения? Дочь Агамемнона? Тебя ж должны были в жертву принести, – сказал Парис.

– Молчи, презренный тевкр**, боги к нам благосклонны. Потому что ахейцы не варвары и жен чужих не воруют, – отвечала греческая принцесса, но на последних словах уверенности в её голосе поубавилось. За спиной у

* **Гоплит** – древнегреческий тяжёловооружённый пеший воин.

** **Тевкры** – древний народ Малой Азии, населявший Трою.

Патрокла она видела другую пару глаз – Гришиных.

– Тебя сейчас вампир укусит, – сказал Патрокл.

– Тебя тоже, – ответила Ифигения. В этот момент П.С. положила ей руку на плечо.

– Эй, ребята, хватит прикалываться, – мягко сказала дочь микенского царя, – мы отпускаем ваших дармоедов. Слышите, троянцы, вы свободны...

Когда Парис увидел Гришу, сразу же понял, что перед ним не ролевик.

– Да ну нафиг! – заорал он и в ужасе бросился бежать.

– Всем стоять! – зарычал Гриша по-дьявольски ужасающе и схватил за плечи Патрокла.

– Ой, – сказал Патрокл и с перепугу резанул игровым ножом Елене по горлу.

– Все меня убили, – сообщила троянская принцесса и, схватившись за шею, с протяжным гортанным стоном рухнула наземь.

– Ах ты, выродок данайский! – крикнул Гектор, выхватил нож и ловко перерезал горло Патроклу.

– И меня убили, – сказал грек и беспомощно пал на колени. Он тут же достал из кармана потрепанную бумажку и протянул её «убийце», – держи паспорт, Гектор.

Гриша и П.С. переглянулись: странная какая-то реакция. Вот первый пошел нормально! Гриша недоуменно пожал плечами:

– Ещё никого не убили, ребята.

– О, трепещите, тленные, пришел ваш смертный час! – проревела адским многоголосьем суккуба, извергнув изо рта огонь, а из ноздрей струйки ядовито-зеленого дыма.

– Да хватит уже, неинтересно! – сказала Кассандра.

– Переигрываете, – добавила Брисеида.

– Это ещё что за самодеятельность! – послышался еще один голос, и из тумана вышла тень чернее тьмы-тьмущей. То был Барабас.

V. Анахроничный Илион

Парис бежал на свет костра. Зловеще мелькали сосны. Спасительный свет отражался в зрачках его очумелых глаз, как дискотечный стробоскоп. Свет впереди становился все ярче. Спасение было все ближе. Но тут Парис споткнулся и кубарем полетел вниз по склону, прямо в грязь: он совсем забыл, что путь к лагерю лежит через Лету, роль которой выполнял ручей. Жадно напившись воды, ролевик снова вскочил на ноги и снова – что есть сил – побежал. Вперед, вперед, вперед!

– Вампиры. Демоны. Проклятье, – причитал он, задыхаясь от бега, и тут снова споткнулся, упал и крепко ударился лбом о сосну.

– О, Мать Божья! – прошептал Парис, и его рассудок провалился в бесконечную черную бездну...

Костер разгорелся на полную и осветил пол-леса. Даже туман отступил, и тьма-тьмущая поддалась его магической силе. Костер окружили около двух сотен ролевиков и множество зрителей. Вверху на холме стояли ещё около

десяти человек, которые зажгли обмотанные соломой деревянные «Колеса Фортуны» и бросили их катиться по склону. Рядом с костром огнеборец пускал огонь изо рта и предлагал окружающим повторить этот немудреный фокус.

Костер запылал настолько ярко, что Гектору и его спутникам в глубине леса стали хорошо видны лица Барабаса и его свиты. Однако гроссмейстер решил, что этого мало, и в руках его, как по волшебству (а на самом деле – по колдовству), засветился похожий на старинный масляный (а на самом деле – современный, с лампой дневного света) фонарь.

– Так значит, вы не ролевики? – спросила Елена Прекрасная.

– Нет, – покачали головами Гриша и П.С.

– А что ж вы тогда здесь делаете? – удивилась Брисеида.

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Гриша.

– Мы тут игру-полевку отыгрываем*.

– Про мыш-полевку много слышал, – сказал полуинкуб, – а про игру такую – в первый раз.

– Обычная ролевая игра, «Илион» называется, – ответила Елена, – о Трое слышали?.. Ну, «Илиаду» в школе проходили? Так вот мы – троянцы. Меня Инной зовут. По игре – Елена Прекрасная. Это вот Саша, по игре – Гектор, дочь царя лелегов – Брисеида, по жизни Наташа, и Лена, играет Кассандру. А тот паренек, которого вы напугали – это Парис, Андреем его зовут.

– Добавляй: в которого я влюблена, – съязвил Патрокл.

– Благородному ахейцу не к лицу вести себя, как базарная баба, – укорила его Инна.

– А эти двое, – сказала Кассандра, – нерадивые данайцы, опустившиеся до разбоя.

– Ифигения, пожизненное имя Катя, – представил разбойницу Патрокл, – а меня, как и Гектора, пожизненно Сашей зовут. По игре – Патрокл, побратим Ахилла. Только меня уже убили, зовите меня Мертвый Патрокл.

– Меня тоже убили. Вот мастера обрадуются: Троя осталась без Елены Троянской, – грустно сказала Инна.

– А я депутат, по жизни Адер Иванович Барабасов, – сказал Барабас, – а эти двое – моя свита, э... мои помощники Гриша и Полина Сергеевна.

– Просто Гриша? – уточнил Гектор.

– Да, зовите меня просто по имени, Григорием.

– А меня – не просто Полиной Сергеевной, – отпустила шутку П.С.

– А, теперь узнаю, – сказал Гектор, – мы вас по телевидению видели несколько раз.

– Да и в городе, – сказала Инна, – вы в нашем институте перед студентами выступали.

– В каком городе? – уточнил Гриша.

– В Ру, конечно же!

* **Отыгрыш** – (рол.) реализация сценария ролевой игры или отдельного е[е] эпизода, а также способ такой реализации.

- Ах, в Ру!.. А то мы по разным городам катаемся – туда-сюда.
- Ну, наконец-то, разобрались, – перебил Гришу гроссмейстер.
- А это что за фокус с вампирьими клычищами и церберовыми глазищами? – поинтересовался Гектор.
- Да так, ерунда, – ответил Гриша, вынул изо рта челюсть с клыками и положил на ладонь. Челюсть самопроизвольно несколько раз клацнула.
- Бутафория, – подтвердила Полина Сергеевна, достала свои кровавые глаза из глазниц и тоже выложила на ладонь. Глаза зашевелились зыряка то в одну, то в другую сторону, переливаясь то пурпурным цветом, то багровым.
- Видите, ничего особенного, – сказала П.С., вставляя глаза обратно в пустые глазницы.
- Круто. Нам бы такую бутафорию, – сказала Инна, – мы бы такую игрушку сделали, закачаешься!
- Пойдемте в лагерь, а то весь праздник пропустим, – предложила Брисеида, и все двинулись в направлении костра.
- И все-таки, как это вы, народный депутат с помощниками, государственный муж, в лесу оказались? – спрашивала по ходу Елена Прекрасная у Барабаса.
- Дык... – только и успел сказать тот.
- Дорогу мы строим, – встрял Гриша и тут же получил под дых от П.С.
- Мы тут с лесником договаривались. Гроссмейстер здесь дачу решил отгрохать: хорошие здесь места, – сказала полусуккуба.
- Гроссмейстер? – удивилась Брисеида, – вы ещё и шахматист?
- Дык... это мои коллеги из уважения так меня называют. Образно, так сказать, – соврал великий мастер темных дел и добавил (на этот раз от души), – на самом деле шахматы я – ненавижу!!!
- Вы, наверное, недавно народный депутат, раз без дачи? – поинтересовалась Кассандра.
- Мои друзья шутят, – рассмеялся Барабас, – здесь планируется организовать государственный заповедник. И мы приехали проконтролировать, как идут работы.
- Ах, вот почему здесь дорога: подъездные пути! – сказал догадливый Гектор.
- О, да вы по-хозяйски мыслите, молодой человек: прежде чем что-то строить, надо организовать подъездные пути.
- На экономическом учусь, – похвастался сын Приама. – Где ж это наш Парис запропастился?
- А, трус! Наверное, в лагере уже давно сидит, – предположила дочь Брисея. Инна на это лишь вздохнула.

Парис очнулся и привстал на коленях.

– Что это было? – сказал он вслух, почесывая огромную шишку на лбу, но вспомнив недавние события, тут же вскочил с колен. Прихрамывая на обе ноги, поспешно, насколько хватало сил, он поковылял в лагерь.

Неподалеку от главного костра горел другой, значительно меньший кос-

тер. На нем стоял большой котел. Здесь ролевики угостили Барабаса и его свиту горячим вином со специями. Один из мастеров игры вылил в котел очередную порцию вина и засыпал смесь из перцев и душистых трав.

– Хороший глинтвейн! – сказала П.С., держа алюминиевую кружку, как бокал с шампанским, пока не напекло руку, после чего, взяв кружку как полагается, добавила, – только слишком уж горячий.

– Эх, хорошо! – наслаждался напитком Гриша.

– Вампиры. Демоны. Засада, – раздался истошный крик. Из лесу выбежал хромающий Парис. Он добежал до главного костра и его окружили другие ролевики.

– Засада, на нас напали демоны. Реально демоны!

На миг воцарилась тишина. А затем раздался такой мощный хохот, какого этот лес ещё не слыхивал. Как минимум полторы сотни ролевиков и гостей игры держались за животы и аж захлебывались от безудержного смеха, некоторых смех разбирал настолько, что они валились с ног и катались по стерне. Казалось, не смеялся только Парис. В конце концов к нему подошла П.С. и предложила глоток горячего вина.

– Не обращай на них внимания, малыш. Они ничего не понимают, – добродушно сказала Полина Сергеевна и увела Париса подалее от насмешников.

– Давайте этих ролевиков пригласим на наш маскарад, – предложил полуинкуб гроссмейстеру, когда смех чуть поутих.

– Да ты что, Гриша, – шепотом отвечал Барабас, – тогда вся наша затея коту под хвост!

На колени его великолепия в тот же миг прыгнул черный кот и, мило мурлыкнув, начал умищиваться здесь на отдых.

– Это почему же? – спросил Гриша, озадаченно поглядывая то на кота, то на шефа.

Гроссмейстер аккуратно взял животное за загривок, чтобы убрать его с колен:

– Как бы тебе объяснить...

– Не убирайте Шмыгу, Адер Иванович, он отрицательную энергию снимает – усталость и все такое, – сказала Инна и глянула на Барабаса так душевно, что тот последовал её совету.

– Вот видишь, Гриша, здесь очень продвинутая молодежь.

– И не только молодежь, – подхватила Инна, – у нас любому возрасту дорога, вон тем пацанам – по двенадцать, есть сорокалетние, двоим за пятьдесят. Уж с ними вы точно найдете общий язык!

– Неужели я выгляжу настолько старым?

– Да нет же... извините. Просто вы сказали «продвинутая молодежь», а у нас тут все продвинутые. А вам, наверное, лет тридцать пять?

– О, вы почти угадали.

– Оставайтесь с нами, мы вам роль подыщем. Вам бы подошла роль Агамемнона – очень уж вы... м... эффектный и колоритный – но она, конечно же, занята. Это же главная роль! Но мастера что-то придумают, честное

слово, будете, например, перевозчиком душ в аиде.

Гроссмейстер чуть не поперхнулся горячим вином.

– Вы очень проницательны, – сказал он, – я всю жизнь мечтаю сыграть что-нибудь этакое.

– У нас же не чистая историчка*, а с элементами мистики, – продолжала Инна.

– И правда, вливайтесь в игру, раз уж пришли, – поддержал Инну старший мастер, – завтра будет «вынос».

– Это ещё что такое? – спросил Гриша.

– Увидите. Оставайтесь!

К костру подошел ролевик в костюме ахейца.

– Все готово к реинкарнации, – сообщил он.

– «Пионерский костер» догорел? – поинтересовался старший мастер.

– Да, почти.

– Дорожку готовите?

– Да, двое из мертвятника** давно трамбуют пепел.

– Не хотите посмотреть, как погибшие воины будут реинкарнировать из тартара? – спросил руководитель игры у гостей. – Это интересное зрелище.

– Весьма! Тартар намного ниже аида, из него не могут выбраться ни герои, ни даже боги, – заметил гроссмейстер.

– Да ну? – удивился старший мастер, – а я всегда считал, что тартар и аид – это одно и то же.

– Не страшно. Это всего лишь недостаточное знание греческой мифологии и только.

– Вот увидите, – реабилитировался мастер, – наши герои легко выберутся даже из тартара.

– Счастливики! – вздохнул на это Барабас. Тут его смартфон заиграл «Полет валькирий». Гроссмейстер извинился и ответил на звонок. «Да, в четыре вечера начало. Дык, какая может быть форма одежды? Классическая... И тебя, братец Йо-Ио, хвостом по голове!» – сказал он, отключая мобильное устройство.

– Работа, друзья, работа... Спасибо за глинтвейн и за заманчивое предложение, но, увы, нам пора возвращаться в город. Завтра у нас своя игра, – любезно сказал Барабас. И тихо добавил в сторону: «Что-то сегодня меня всюду приглашают».

– Пойдемте, – сказала Инна, снова посмотрев на Барабаса обезоруживающе душевным взглядом, и по-дружески взяла его под руку. На этот раз гроссмейстер взгляда не выдержал и стал оглядываться по сторонам.

– А где Полина Сергеевна? – спросил он у слуги.

Гриша в ответ только плечами пожал. Барабас озадачено вздохнул:

– Эта игрушка действует пагубно на её праздный рассудок... Ладно, Инночка, мы к вам присоединимся, но только в качестве зрителей...

* **Историчка** – (рол.) игра, в основу которой положены события, действительно имевшие место.

** **Мертвятник** – (рол.) игровое царство мертвых. Из мертвятника «погибший» ролевик, как правило, может выйти только в другой роли, отыграв реинкарнацию.

– Ура! – воскликнула Пинцова, подпрыгнула на радостях и захлопала в ладоши, как ребенок, – вам понравится, обещаю.

– ...и ненадолго, – добавил народный депутат.

Неподалеку от того места, где несколько минут назад пылал большой костер, огнеборец уже не пускал огонь изо рта, но ловко жонглировал горящими факелами. Два человека в костюмах противоборствующих сторон широкими совковыми лопатами выгребали угли из костра и насыпали их в строительную тачку, которую затем везли к земляной дорожке чуть больше метра шириной и около семи метров в длину. Чуть перемешав угли с землей, аккуратно разровняв и утрамбовав жар лопатами, живые мертвецы повторяли действие заново.

– Так и в шашлык недолго превратиться, – сказал один из них, – зря мы выбрали такой отыгрыш, надо было реинкарнировать, как все.

– Да ну к лешему, – был ответ, – я что, йогин с Брахмапутры, по раскаленным углям расхаживать!

– А меня что-то потянуло. Наверное, пройдусь. Может, не семь раз: из тартара-то я уже вышел.

– Не знал, что среди троянцев есть джангчубы*.

– Сам ты джангчуб! Кстати, твоя очередь везти тачку...

Ещё чуть ближе к лесу, за символической оградой из сосновых веток, располагался игровой ад, а попросту – мертвятник. Всего в мертвятнике было человек сорок. Это были погибшие по игре воины, служительницы троянских и ахейских храмов и простые жители игровой Трои. Все “мертвецы”, за исключением двух ахейцев и одной простой троянки, стали в круг, посреди которого пылал ритуальный костер; огонь костра поднимался метра на полтора. Стоявшие в коле держали в правой руке веточку на уровне груди, все они были босыми. В центре круга расхаживал ролевик в костюме римского бога Януса (в греческом пантеоне бога с подобными полномочиями мастера, по-видимому, не обнаружили). Он был в белых одеждах, с крыльями за спиной и комической маской на затылке.

– Самый главный ваш враг – это страх, – говорил бог достаточно уверенным, громким, но спокойным голосом, – ваша душа хочет получить опыт. Но ваш разум, окутанный страхом, охваченный паникой, говорит, нет – я умнее, я продвинутое, я круче, я познал этот мир, ничего у тебя не получится, душа. Но разум-то куда беднее души! Он имеет опыт всего одной жизни, да и то – прожитой не до конца. Разум подвержен страху, ибо боится смерти. Только душа способна подчинить страх, так как она бессмертна. Живите душой и никогда не доверяйте страху. Скажите сейчас: «Я не доверяю тебе, страх, уходи! Веточка лозы, заberi мой страх, пусть он выйдет в тебя до остатка».

Стоящие в кругу повторили хором слова Януса. После чего каждый из

* **Джангчуб** – здесь – упрощенное от тибетского «джанг-чуб-сем-па», что означает «очистивший пробужденное сознание», бодхисатва.

них приблизился к костру и бросил в него свою веточку. Когда все вернулись в круг, Янус подошел к одной из девушек, взял её за руки и, глядя ей в глаза, произнес:

– Я чувствую тебя. Я чувствую силу твоей прекрасной души. И я знаю, что для тебя не существует преград на этой земле. Я верю в тебя и в то, что мы пройдем вместе через все испытания, которые нам на сегодня выпали. Верь и ты в меня!

– Я верю в тебя, – ответила девушка, повернулась к человеку, стоявшему слева от неё, и произнесла те же слова, но по-своему.

Неожиданно от палатки мастеров донесся громкий голос, срывающийся на крик, который заставил девушку сделать паузу на несколько секунд, но абсолютно её не смутил.

– Это же эпоха ранней бронзы! Откуда у них кольчуги и ш-ш... шлемы с забралом? Зачем вы, м-м... мастера, допустили этих х-х... хеттов к игре? – захлебываясь слюной, неистовствовал ролевик в роскошных царских доспехах.

– Не ругайся и не кричи, Приам. Ты мешаешь ритуалу прохождения семи кругов айда, – пояснял ему старший мастер. Царь Приам оглянулся на коло, после чего стал говорить значительно сдержаннее:

– Хетты – не варвары. У них не было кольчуг, и они не участвовали в Троянской войне.

– Откуда ты знаешь, кто, в чем участвовал в бронзовом веке?

– Есть наука такая, история.

– Которая к точным наукам не относится.

– Да, но вы противоречите духу античности. У вас здесь полный анахронизм!

– Анахронизм, говоришь. Тогда я, как старший мастер, переименовываю игру. Теперь она называется не просто «Илион», а «Анахроничный Илион». Есть ещё вопросы?

– Это мастерский произвол!

– Который на этой игре узаконен. Сценарий надо было внимательней читать.

– Ты не можешь допускать хеттов к выносу!.. А, ну вас к Вакху! – махнул рукой расстроившийся илионский правитель.

– Тебе к нему полезней будет сходить: ты трезвый хуже пьяного!.. О, Прекрасная Елена, дочь Зеуса, образумь хоть ты своего свекра, – стонущим голосом сказал, уставший объяснять царю тевкров туманные правила ролевого движения, старший мастер, обращаясь к Инне.

– Я уже не Елена. Меня ж – ножом по горлу и – в мертвятник, забыл? Вот реинкарнирую в какую-нибудь гарпию или сирену, будете знать! Я вообще не понимаю, как вы без Елены собираетесь вынос Трои отыгрывать.

– Приам, давай договоримся, – подключился к спору второй мастер, – будешь мастером, сделаешь игру без анахронизмов. А сейчас прекращай

мудрствовать лукаво, не то мы тебя оштрафуем. Теперь, что касается тебя, Елена: а ну, рассказывай, кто посмел распусть слухи о твоей смерти?

– Да заманьячили меня, ножом по горлу – чик! – показала на себе Инна.

– Чик, да не брык: затем тебя отнесли к богу врачевания, который и вернул тебя к жизни.

– Кто отнес?

– А кто тебя уколошил?

– Патрокл.

– Патрокл! – заорал на весь лес второй мастер.

– Не кричи, он рядом, в аиде, – шепнул ему на ухо первый.

Коло в мертвятнике уже разомкнулось, и все прыгали через костер. Прыгнув в очередной раз, Патрокл подбежал к мастерам.

– Разрешите представиться: экс-Патрокл... экс-Патрокл, – по-шутовски раскланялся Саша.

– Где ты заманьячил Елену?

– У асфальтовой дороги.

– Здесь нет асфальтовой дороги!

– Есть! – хором крикнули Елена и Патрокл.

– Ладно. Значит так, Саша, ты не убит, а смертельно ранен. Идешь с Инной на то самое место и несешь её на руках в «пещеру раздора». Знаешь, где это?

– Там, где Парис вручил богине любви яблоко раздора.

– Да, это божье место. Передаешь Елену Асклепию*. Он её в своих небесных хороммах воскресит... А ты можешь умирать. Хорошо отыграешь – вернешься в игру без ритуала реинкарнации. Для тебя уже уготовано место в Элизиуме. А впрочем, выбирай любую роль

– На руках? Нести? Елену?.. Так это ж метров триста! Нет, я лучше по углям сто раз пройду, – возразил ахеец.

– Я тоже хочу по углям походить: всю жизнь мечтала, – сказала Инна.

– Ходите, сколько влезет, только чтоб завтра утром Елена была жива. Всё!

– А без отыгрыша нельзя? – взмолился Патрокл. – Ночью, по шишкам...

– Ты что это, не хочешь нести меня на руках?

– Не хочу. Нашла удовольствие!.. А что это ты аж подпрыгиваешь от радости?

– Любая женщина мечтает,
чтоб на руках её носили
до самой гробовой доски!

– Стихи, что ли?

– Это лирический экспромт женской души, Патрокл.

– Ладно, так уж и быть, понесу. Утром.

– А тебе самому кто глотку перерезал? – поинтересовался второй мастер.

* **Асклепий** – (миф.) греческий бог врачевания (ср. римскому Эскулапу).

- Гектор.
- Слава богам, – бросил благодарный взгляд на небо старший мастер.
- Значит так: донес Елену до хижины и там же откинул иподиматы*, понял? А я позабочусь, чтобы Ахиллу вовремя сообщили это пренеприятнейшее известие.
- Только чур, я выхожу из мертвятника богом!
- Умоляю, только не богом, у нас уже пантеон больше ахейской лиги!.. Ладно, уболтал, станешь богом, если сейчас пройдешь семь кругов ада.
- Да хоть семьдесят семь! – обрадовался Сашка.
- Тогда побежали по раскаленным углям? – радостно предложила ему Инна.
- С тобой, хоть по раскаленной лаве, Елена Прекрасная.
- Я Париса люблю, ты ж знаешь.
- Скажу по секрету, давно хочу отбить тебя у Андрюхи.
- Ах, так! Тогда иди первым в гиену огненную.
- И пойду! – сказал Саша и вприпрыжку ринулся к огненной дорожке. Он пристроился в конец длинной очереди, в которой кроме отыгрывающих прохождение семи кругов аида семикратным хождением по углям, было немало «живых» энтузиастов. Инна встала за ним.
- Саша, я верю, что ты донесешь меня на руках до хижины лекаря, – сказала она, – я верю в тебя, и мы пройдем вместе через все испытания, которые нам выпали. Верь и ты в меня!
- Я всегда в тебя верил, Пинцова, – ответил Саша, и они по очереди шагнули на рдеющую дорожку, громко выражая свое восхищение.
- Среди зрителей, наблюдавших за этим действием со стороны, Инна заметила Барабаса. Она весело помахала ему рукой. Гроссмейстер в ответ почти по-человечески улыбнулся.
- Так, П.С. ушла в блуд, – сказал он, обращаясь к слуге, – поехали домой, Гриша, пусть теперь догоняет нас своим ходом.
- Секундочку, – сказал слуга, вставляя на место вывалившийся глаз, и тут же получил от Барабаса крепкий подзатыльник, на что обидчиво проронил, – чего деретесь?
- Смещаю твою точку сборки, – пояснил гроссмейстер и отвесил слуге вторую оплеуху, после чего глаза Гришины приобрели человеческий вид.
- Так мне трудно будет лететь.
- Пешком доскачешь. Смотри, сколько здесь светлых душ: не стоит их искушать до времени.
- И тут Барабас увидел среди ролевиков Атишу, одетого в костюм простого тевкра. Светлый демиург подмигнул ему и кивком головы позвал пройтись по углям. Барабас, не отрывая глаз от Атиши, толкнул Григория взащей и тихо молвил:
- Дык, шевели копытами, летун.

* **Иподиматы** – древнегреческие сандалии, состоящие из кожаной или деревянной подошвы и нескольких ремней для крепления к ноге.

VI. Испытание Париса

Кто-кто, а Полина Сергеевна сейчас даже не помышляла возвращаться в Ру. Ей очень понравилось у ролевиков. Особенно её забавляло непосредственное участие в игре и та роль, что отыгрывал с нею сейчас юный Парис.

– Я становлюсь забывчивой в объятиях мужчины. Как, ты говоришь, тебя зовут по жизни? – спросила П.С., зажав лицо паренька своими пышными грудями.

– Андрюша, – задыхаясь, ответил тот.

– Андрюша, не робей, отыграй со мной по полной!

Едва взошедшая луна купала их силуэты в терпко-красном контражуре.

– У нас половой акт отыгрывают сгущенкой или массажем, – простонал Парис.

– О, какие вы, ролевики, интересные! – восхитилась П.С. Её глаза вновь полыхнули адским сиянием. Томно рыча, она легла на траву, влача за собой беспомощного Париса. И ночное светило зарделось от стыда, боясь представить, что будет дальше.

Когда главный костер окончательно погас, то здесь – на поляне, то там – в глубине леса, стали загораться другие небольшие костры. У каждого образовывалась своя компания. Где-то пили глинтвейн и напитки покрепче, где-то ужинали приготовленными на костре мясом и кулешом, где-то пели ролевые песни. У костров сидели те, кто устал от игры и решил пообщаться. В городах – Трое и Авлиде – игра вяло продолжалась: по улицам шныряли бродяги и воры, которые искусно подчищали карманы загулявших воинов. В тавернах пили вино и медовую брагу, в хижинах отыгрывали оргии. Лагерь ахейцев у стен Илиона был пуст: до утра, то есть на зиму, греки удалились в Авлиду. Серьезных боевых действий не предвиделось, тем не менее, на стенах обоих городов были выставлены дозоры, но так, на всякий случай.

Инна с Сашей, вдоволь найдя уголь, чувствовали себя на седьмом небе. Они шли по ночному лесу, подсвечивая путь фонариками. В руках Инны был фонарь Барабаса, забытый им у костра.

– Тоже мне, придумали квест* – найти четырехлистный клевер, – молвила Инна.

– Никогда не думал, что буду ходить с тобой по лесу в поисках символа счастья, – сказал Саша.

– Завтра, когда ты понесешь меня на руках, все будет ещё сказочней, – улыбнулась Инна. После этих слов Сашка крепко её обнял и почти уж поцеловал, но она вырвалась из его объятий.

– Саша, я люблю Париса, то есть Андрюху, – сказала Инна, как отрезала, – и по игре, и по жизни. А с тобой мы просто друзья.

– Любишь, говоришь? Тогда иди, поищи его в лесу. По игре он тебя предал, а по жизни – ещё предаст. Ты его не знаешь. Он тебя использует. Ты

* **Квест** – (рол.) индивидуальное задание по игре, выданное мастерами. Вознаграждение за отыгрыш квеста может выражаться как в денежном, так и в другом эквиваленте, например, в увеличении мощности оружия и доспехов.

ему не нужна. Ты мне нужна!

– Кто, Андрюшка? Использует? Тоже мне, нашел змея-искусителя. Да он простой, как жменя семечек. Он будет верен мне до гроба, понял!

– Тогда ищи свой символ счастья без меня. А я пошел пить глинтвейн, – сказал обидевшийся спутник и направился обратно в лагерь.

– Ты же все испортил, дурак! – крикнула Инна ему вослед, но Сашка даже не обернулся.

– Что, думаешь я без тебя не найду магический клевер? Да без проблем! – сказала она себе самой. И вдруг, действительно, в нескольких метрах впереди, на освещенной лунным светом поляне что-то сверкнуло колдовским блеском, и Инна поспешила туда. Прямо посреди поляны рос один-единешек кустик клевера, один из листьев которого оказался пятипластинчатым. Инна поставила фонарь наземь, аккуратно сорвала лист и сунула его в карман поясной кожаной сумочки.

– Вот так, даже не четырех, а пятилистный! – сказала она торжествующе и громко добавила, с разочарованием глянув в сторону лагеря, – а я-то думала, Сашка, ты за клевером со мной пошел. А ты, оказывается, не друг, а просто самец.

Но тут её монолог прервал не похожий ни на один живой звук протяжный вой. Сквозь листву засверкали какие-то странные красные огоньки. Инна вынула из ножен игровой меч и смело двинулась вперед, переключив Барабасов фонарь в режим направленного луча. Метров через десять яркий луч фонаря проявил тела двух любовников.

– Ой, извините, – сказала Инна, гася свет, – мне показалось, что здесь кому-то плохо.

– Нет, нам хорошо, – ответил знакомый мужской голос. Инна снова зажгла фонарь и остолбенела: перед нею сидел обнаженным её любимый Андрей. Рядом на траве, прикрывая рукой глаза от слепящего света, лежала совершенно нагая Полина Сергеевна.

– Да когда же ты погасишь свой дурацкий факел! – рыкнула полусуккуба раздраженно.

Гриша и Барабас удачно добрались до лимузина. Последнюю часть пути они все-таки не прошли, а пролетели. В салоне автомобиля вспыхнули четыре красных глаза.

– Пешком, пешком... я чуть копыта не сломал, – возмущался Гриша.

– Да включи ты людской свет! Пора приобретать человеческий облик и смотреть на мир их глазами. Завтра придется целый день жить по-человечьи.

Гриша включил фары и обнаружил, что шоссе под колесами как не бывало.

– Ваше великолепие, а куда подевался асфальт?

– Дык его никогда и не было.

– А как же теперь заповедник, останется без подъездных путей?

– Никак я не привыкну к тому, что ты полный дурак, Гриша... Та асфальтовая дорога была уловкой Атиши.

– Того старичишки, что ли? Да кто он вообще такой!

– Этого тебе, Григорий, лучше не знать. Заводи мотор. Пора давно убираться из этого заповедного леса... И впрямь что ли здесь заповедник сделать? Может, ролевиков станет поменьше.

– А что, прикольные ролевики, – позволил себе не согласиться с шефом Григорий.

– Давай, жми на педаль.

– А как же П.С?

– Я же сказал: догонит!

Лимузин исчез в зарослях, а в просвете просеки появился силуэт Атиши. Ему на плечо село существо похожее на птицу.

– Скажи, мудрый кьонг, почему Барабас выбрал именно этот город? – спросил демиург.

– Думаю, из-за подземных пустот, – ответило существо, эмоционально жестикулируя крыльями, – всему виной шахты.

– Ты прав, Копростасис, здесь легко проделать брешь. И все же, главная причина в том, что у города Ру нет не только демиурга, но даже защитника. На земле так много религий и так мало веры! – вздохнул силуэт светлого демиурга.

– Последний век ужасен. Кали-юга*! – согласилась с ним тень пернатого собеседника.

– Я снова постарел, мне надо отдохнуть, но утром я схожу в город Ру. Я не теряю надежды найти защитника среди горожан. А ты, кьонг, продолжай искать его среди ролевиков.

*– Уже искали. И в церквях, и в синагогах,
На узеньких тропинках и больших дорогах,
Среди магометан, евреев и христиан,
Среди буддистов и языческих славян,
Мы бродим столько лет с тобой по кругу
Защитника здесь нет. Тем паче – демиурга!*

*– Не может быть того, мой славный друг пернатый.
И верю, мы найдем его до завтра, до заката!*

На том они и разошлись, а через миг над лесом возникла другая тень – Полины Сергеевны.

– Где же лимузин, – прошипела суккуба. Сделав несколько кругов над лесом, она поняла, что её бросили.

– Вот черти, не могли меня дождаться, – обиженно сказала П.С., после чего взмыла в небо, чтобы охватить своим демоническим взором более обширную территорию. Её зоркий суккубий взгляд стал максимально пристальным.

А может, шеф с Гришей уже в городе? Ах, нет же, вот они – только что выехали с лесной дороги на трассу. П.С. снизилась до высоты ласточкиного

**Юга - (санскр. – пара) в космологии индуизма – мировой век, четвертая часть маха-юги. Восемьтысячная часть Кальпы. Кали-юга – последняя эра, после которой начинается обновление времени. Характеризуется падением нравственности. Согласно пуранам, Кали-юга началась в полночь 23 января 3102 года до н. э. по григорианскому календарю после ухода Шри Кришны и продлится ещё 430 тысяч лет.*

полета, пролетела вдоль трассы, оставляя за собой след, как реактивный самолет и, сделав необходимый для посадки маневр, влетела в лимузин Барабаса через широкий верхний люк для проветривания, поджав ноги, сидящей частью вперед.

– Ну, наконец-то! – спокойно сказал Барабас, когда она прилимузинилась в салоне и задвинула полупрозрачную крышку люка, – я думал, вы до утра в лесу останетесь с этим, как его... Андреем, кажется? Кстати, зачем вы так его напугали? У него чуть крышу не сорвало. Вампиров перед собой узрел. Хорошо, что не сообразил, кто вы на самом деле.

– Успокойтесь, он уже не опасен, – сказала П.С., восстанавливая макияж.

– Да он и не был опасен. Его серьезно никто не воспринимает. Я не пойму, зачем вообще было трогать ролевиков?

– Сами же говорили, ваше великолепие, что надо вовремя выявлять духовно зрячих людей, так как они могут представлять для нас опасность!

– Говорил. Но это надо делать ювелирно, чтоб никто ничего не заподозрил. А вы с Гришей сегодня столько шуму наделали, а так ведь и не поняли, кого именно из этой шайки лесных романтиков действительно следовало бы опасаться.

– И кого же, интересно? – удивился водитель.

– Дык хотя бы этого гуру в костюме Януса!

– Ваше великолепие, – успокоила Барабаса П.С., – завтра все они будут игру доигрывать, а послезавтра большинство из них разъедутся: среди ролевиков не так уж много местных.

– А у нас к тому времени будет целая армия нечистых, – зловещим шепотом продолжил мысль Гриша, и глаза всех троих демонов налились клокочущей магмой, сама природа которой, казалось, источала ледящий душу сардонический смех.

У «пожизненного» костра ролевики пели песню о любви:

*– Я буду солнце держать в руках,
летать, как птица буду в облаках,
и я, конечно же, вам спою
про сокровенную любовь свою...*

Здесь было около двадцати человек без доспехов и тяжелого вооружения, большинство – в греческих костюмах. Из темноты вышла Инна, и на её появление тут же отреагировали.

– О, “казус белли”, собственной персоной, – сказал кто-то.

– Ты по игре, ходячая причина войны, или по жизни пришла? – спросил парень с гитарой. Он был в костюме привилегированного ахейца и отыгрывал роль Ахилла, – если по игре – изнасилование неизбежно.

Все громко рассмеялись.

– О, да ты, я вижу, всем Ахиллам Ахилл! – сказала Инна, – вроде о сокровенной любви пел... Будешь много болтать, лишишься своего причин-

ного отростка, самец орангутанга!

– Он не самец, а вождь ахейской лиги! – расхохотались в глубине компании.

– Что ж, можем спеть и другую песню, сказал Ахиллес и без аккомпанемента затянул:

– *Ходит дурачок по лесу,
Ищет дурачок глупее себя...*

Пропев первые строки из песни, ахейский вождь уточнил: «Точнее – *ду'рочка*», – и его соплеменники снова дружно рассмеялись.

– Это песня умного человека. Поверь, она тебе не идет, – ответила обидчику Пинцова.

– Нашла свой магический цветок? – спросил Патрокл, пытаясь сменить тему.

– А ты, как думал? Нашла, и больше, чем искала, вот, смотри! – Инне доставило огромное удовольствие показать Сашке пятипластинчатый клевер, – но это совсем не то, за чем ты в лес со мной ходил, правда?

Сашка решил промолчать.

– Лучше выбрось его в костер, пять листков – не четыре, – тихо молвил ролевик, отыгрывающий Януса, – это знак несчастья, Инна!

– А мне индифферентно! Одной каплей несчастья больше, одной меньше – что изменится? – понесло Прекрасную, – а что такое, по-твоему, счастье: вкусно пожрать, с классной бабой переспать или неделю не трезветь?

– Эй, казус белли, я же предлагал тебя осчастливить, что ж ты отказалась? – вставил свои пять копеек Ахилл.

– Эх вы, ролевики! С этим-то, не вскормленным грудью*, все понятно, – кивнула Инна в сторону Ахилла, – но ты-то, Серега, маску Януса нацепил, грозный страж небесного чертога, а ты хоть понимаешь, какие ворота ты отпирал и запираешь? Такие высокие слова говорил, но сам-то понял их смысл? Душа. Страх. Опыт. Ты где-то об этом прочел? Да тебе всё это с неба пришло, а ты и не заметил!.. Да что я надрываюсь: вы же все равно толстокорые, вас не пробить.

– А ты, можно подумать, персик с тонкой кожурой, – усмехнулся ещё один представитель ахейской лиги.

– Да, Аякс, меня тоже тонкой натурой не назовешь. Потому что я с отчимом живу, таким же бесноватым, как и ваш Ахилл. Но, в отличие от некоторых, у меня хоть какие-то чувства остались, – сказала Инна и пошла прочь от насмешников.

– Лена... То есть Инна! – вскочил Сашка.

– Что, имя мое забыл? Правильно. И не вспоминай, – Пинцова вытащила меч, – и не ходи за мной. Я на капище. Сама!

Инна ушла, и у костра продолжили петь песню Егора Летова.

– Полный апофеоз! – сказал Саша, плюхнувшись на бревно.

* **Не вскормленный грудью** – по одной из версий имя Ахилл (Ахиллес) произошло от греческого «а-хилос», что переводится, как «бескормный», то есть «некормленный грудью».

– Ой, оставь её. На мою маску наехала!.. Я людей по углям провел, а что кто понял – не моя проблема, правильно?

– У каждого в голове свои потайные двери, – заметил Сашка.

– Это все пятилистный клевер, – предположил Серега.

– Нет, все дело в Андрюхе. Видел бы ты, как он сегодня...

Последнее слово Саша шепнул товарищу на ухо.

– Что, серьёзно?

– Да нет, в переносном смысле.

– А я уж подумал – в прямом... Налей-ка ещё водочки. За нас, мужиков, давай!

Из темноты вынырнул тот, о ком только что говорили, и сел на краешке бревна. Обезумевший от сладострастного коитуса, он демонически улыбался.

VII. Храм Мандалы*

Инна, довольно хорошо слышавшая слова и мелодию песни «Про дурачка», идя через смешанный лес, тихо шептала: «Ходит дурочка по лесу, ищет дурочка вчерашнюю любовь...». Когда она пришла к игровому капищу, песня уже смолкла, и только березовая листва унылым шелестом подпевала скучному ветру. И стало так грустно, что даже луна зашла за тучи.

Капище было устроено на небольшой поляне, под сенью четырех берез. По углам игрового святилища лежало четыре больших камня, а в центре – груда камней поменьше, сложенных по спирали в пирамиду высотой около метра. На самой вершине пирамиды стояла обложенная мхом глиняная чаша для жертвы. В неё Елена Прекрасная и положила клевер.

– О, прекраснейшая Афродита, верни мне Париса... – взмолилась Инна.

– Ха! Я-то думал, она действительно в магии шарит, а она Афродите молится, – сказал кто-то совсем рядом. Барабасов фонарь хорошо освещал поляну, но Инна никого ни перед собой, ни сзади не увидела.

– Замолчи, я отыгрываю очарование Париса... просила же за мной не ходить.

– А ты что же, меня слышишь?

– Слышу. И ты мне очень мешаешь. Только вот не пойму, кто ты и где спрятался.

– Я? Обычный кьюнг, Копростасис, сиюю прямо перед тобой.

– О, Господи, может, хватит фокусов на сегодня!

– Если ты меня слышишь, значит, сможешь и увидеть, – продолжал голос, – а, я понял: твое духовное зрение увязло в эмоциях.

– Как зрение может увязнуть, да ещё в эмоциях?

– Очень просто, как телега в грязи: когда грязь налипает на колесо, телега перестает двигаться. Так и зрение... Вырубай фонарь!

«При чем здесь фонарь?» – подумала Инна, гася источник искусственно-

* **Мандала** – (санскр. – “круг”, “шар”) в буддизме – живописное или графическое изображение схемы вселенной, карта космоса. Нередко изобилует геометрическими фигурами с числом граней кратным четырем, может содержать иероглифы, вселенские символы, образы божеств и т.п.

го света. Тьма-тьмушая окутала все вокруг. Но Копростасис хорошо видел Иннину ауру – еле заметное, большей частью темно-сиреневое, но изредка золотистое свечение – окружавшую фигуру девушки, как кокон.

– Где-то что-то блещет, хотя и тускловатое, – заметил кьюнг, – словом, способности есть. Попробуй нажать на кнопочку и включить тонкое зрение. Закрой глаза... Включай!

– Но где эта кнопочка?

– Большинству просветленных людей этого объяснять не надо. У остальных кнопочка автоматически срабатывает в экстремальных ситуациях. Если ты дерешься с кем-то не на жизнь, а на смерть или, например, от волков спасаешься... Представь, что за тобой гонится м... медведь.

– Представила. Какой славный мишка!

– Эх, йоксель-моксель, и почему я не гипнотизер!.. Ладно, пойдем другим путем. Сконцентрируй все свои мысли и чувства в области сердца. Что ты видишь? – сказал невидимый собеседник.

– Ничего.

– Смотри внутренним зрением. Отбрось все мысли. Не думай ни о чем. Тебе все известно. Ты когда-то уже открывала свой тонкий взор.

– Откуда ты знаешь?

– Раз ты меня слышишь, значит, способна чувствовать опосредовано, а это о многом говорит. Вспомни все!.. А, наверное, все без толку: в твоей голове слишком много мусора.

– Какого ещё мусора?

*– Претензий ко всему вокруг,
К своим врагам и тем, кто друг.
Ты недолюбливаешь Бога,
От жизни хочешь слишком много,
Самой себе нередко лжешь,
Вообще неискренне живешь.*

Прошло ещё какое-то время, и Копростасис разочарованно вздохнул. Он почти разуверился в результате, как вдруг, Инна сказала:

– Вижу облака. Сиреневые, красные, пурпурные... разноцветные. Я лечу, нет, плыву по небу.

– Наконец-то! Но это не совсем ты, это твоя душа. Не пытайся ею управлять, иначе потеряешь с ней связь. Просто задайся вопросом: а что там внизу?..

– Ой... Я подумала: “Вот бы тучи расступились!” – сказала Инна.

– И что?

– Подо мной открылся такой простор: горы, реки, цветочная долина – так красиво! – воскликнула Пинцова, как ребенок.

– Не поддавайся эмоциям, – предупредил кьюнг, – не то дракон поглотит все светлое, что в тебе есть.

– Какой ещё дракон?

– Обыкновенный. Дракон эмоций, – только и успел сказать Копростасис, как на Иннину душу налетело страшное крылатое чудовище жгуче-алого цвета, похожее на...

– Это не дракон, это клякса какая-то! – сказала Инна. – Ого, он раскрыл пасть... Ну и зубы!

Инне трудно было выразить словами то, что её душа видела в драконьем зеве. То была рдеющая бездна, мощный вихрь, проваливающийся в беспросветную прорву, черная дыра, начавшая втягивать в себя разноцветные облака и, казалось, само небо!..

– Он... жрет облака.

– Он может поглотить все. Дракона надо приручить, действуй быстрее!

*Утихомирь пожар эмоций,
твое оружие в тебе:
бесстрастие, тишина, спокойствие –
без волн и ряби на воде.*

– Поняла, – сказала Инна. Её душа устремилась к штормящему озеру, нежно и ласково погладила рукой беспокойные волны.

– Тихо, тихо! – прошептала она. «Тихо, тихо!» – услышал Копростасис и сладко зевнул от такого обворожительного убаюкивания.

Волны стихли. Рябь улеглась. И ровная озерная гладь отразила лицо ребенка.

К Инниной душе подлетел кляксовый дракон. Глаза его были огромными, выразительными и абсолютно незлыми.

– Ступай в свою пещеру и не разевай пасть без моего разрешения, – приказала душа, и дракон послушно удалился.

Копростасис уже заснул, и слышалось его сонное посапывание, когда у Инны в области сердца засветился шар белого цвета, который излучал необыкновенно яркий свет, разбудивший и ослепивший кьонга.

– Что? Ты кто? Я где? Ого! – всполошился Копростасис.

– Ты что же, спишь?

– Извини, столько работы было сегодня! Устал чуток и вздремнул... Не открывай глаза: все равно меня не увидишь.

– Так странно, я – маленькая девочка.

– Я ж сказал, это твоя душа, джива*. Она ещё юная.

– Разве мы не одно целое?

– Ты слышала что-либо о триединстве? В этой жизни она есть ты, но её природа иная. Твое тело временно, её – вечно. Когда ты умрешь, останется она и та часть тебя, которая слилась с дживой и с твоим духовным началом. Твой разум уже привык к представлениям души. Пришло время отпустить дживу. Если этого не сделать, она не сможет управлять драконами. Стань в стороне от своей души... Получилось?

– Да, я смотрю на нее откуда-то сверху, как бывает во сне.

– Это очень хорошо!.. У твоей души есть имя. Тебе оно известно? – спросил кьонг.

* **Джива** – (санскр. – живущий, живой) вечно живое существо, душа; понятие инд. философии, прежде всего джайнизма. Может находиться в двух состояниях бытия: несовершенном и совершенном. В состоянии совершенного бытия джива освобождается от материи и страдания

- Сейчас узнаю, – нашлась Инна.
- Меня зовут Энио, – ответила душа, парившая над озером.
- Энио? Спутница Ареса, богиня неистовой войны, вносящая в битву смятение? – переспросила Инна.
- Нет, просто Энио. Не знаю я ни о какой богине, – пожала плечами джива.
- Пора двигаться дальше. Что ты чувствуешь в межбровной области? – продолжил кьюнг.
- Немного ломит, будто кто-то пальцем надавил.
- Хорошо. Сконцентрируйся... Что видишь?
- Луч света, уходящий в черную даль.
- Луч прямой или наклонный?
- Немного приподнят. Энио стоит на нем.
- Пусть медленно идет вверх, пока луч не выровняется.
- Прошла, что дальше?
- Теперь луч ровный?
- Да.
- А ведь это не луч. Пусть посмотрит вниз. Что видит твоя джива?
- Две чаши, похожие на чаши весов. Одна желтая, другая – синяя. Они прикреплены к лучу.
- Во лбу у Инны запылала маленькая звездочка, и слышно было, как Коп-ростасис забил крыльями от радости:
- Все, молодец, браво-брависсимо! Это и есть весы. Синяя чаша – твой разум. Желтая – воображение.
- В них какое-то золото и драгоценные камушки.
- Это опыт предыдущих воплощений, который душа смогла накопить и сохранить.
- А дракон здесь есть?
- Ты видишь где-нибудь огонь, какое-нибудь сияние или мерцающий свет?
- Нет.
- Значит, дракон логики и воображения где-то спрятался или спит. Он не опасен. Идем дальше?
- Идем. А куда?
- Хм, куда... А ты знаешь, что у тебя не одно, а два сердца?
- Где-то я про это слышала.
- Представь, что у тебя есть сердце с правой стороны. Веди дживу туда. Только не раскачай весы!
- Энио собралась было прыгнуть вниз, но что-то её держало. Она наклонилась под острым углом, стоя на перекладине весов, но неведомая сила не отпускала её. Перекладина стала дрожать.
- Она не может прыгнуть. Мою душу кто-то держит. Это дракон?
- Да. Очередной. Он питается твоим страхом. Его надо приручить.
- Ага. Только где он?
- Дракон воли не имеет выраженной формы. Ты его не увидишь, пока не поймешь, каким оружием с ним бороться.

*Оружие древнее это, простое,
но ценность его выше всякой цены.
Его все сокровища мира не стоят,
ему все смятения подчинены...*

– Это меч?

Кьюнг промолчал.

Весы дрожали все сильнее. Ещё мгновение и драгоценности, лежавшие в чашах, посыпались бы вниз.

– Это же так просто! – крикнул Копростасис.

– Спокойствие, равновесие, – прошептала Инна, – весы, луч, то есть перекладина... А на чем держится перекладина? Это и есть лезвие меча!

Только она об этом подумала, перекладина весов превратилась в крестовину меча с корзинчатой гардой и Энио с трудом успела ухватиться руками за рукоять. Переливающаяся изумрудами и рубинами на эфесе широкая и мощная скъявона* была куда больше, чем Иннина душа ростом. Лезвие меча пылало огнем.

– Почему я такая маленькая? – спросила Инну Энио и заплакала.

– Ты не маленькая, – ответила Инна, – просто меч большой. Но это лишь потому, что нам нужно мощное оружие, чтобы уничтожить наш страх.

– Но я ничего не боюсь, – сказала крохотная душа.

– Теперь и я ничего не боюсь, – сказала Инна. Энио соскочила с перекладкины: дракон её отпустил. Джива начала стремительно расти, пока не стала соразмерной оружию и не взяла клинок в правую руку. Беспросветная оболочка, в которой она находилась, рассыпалась в клочья, как сгоревшая бумага. Эти клочья собрались в одной точке и превратились в красивую бабочку: черную, но абсолютно безобидную.

А кьюнг в этот момент наблюдал, как раскрывалась третья точка – в области правого сердца Инны.

– Энио вернулась в долину цветов, – сказала Инна, – она теперь всегда будет с мечом?

– Меч – часть её тела. Это естественно для подавляющего большинства человеческих джив.

– И очень нелогично, – добавила Инна.

– Абсолютно логично, – возразил кьюнг. – Десятки тысяч лет человечество было связано с этим оружием. Не забывай, что тело дживы соткано из необычной материи, это материализованный опыт, мечты и стремления, накопленные в разных воплощениях, это её кармическая оболочка. Образ меча врос в человеческую душу.

– Это хорошо или плохо?

– Для земной жизни – хорошо. Для выхода из круга перерождений – плохо. Хватит теории. Двигаемся дальше, – сказал кьюнг, – сосредоточься на солнечном сплетении. Что видишь?

– Большие ворота какого-то храма, – ответила Инна.

***Скъявона** – разновидность холодного оружия, является одной из трех наиболее распространенных форм мечей средневековья с корзинчатой гардой.

– Это вход в Храм Мандалы, – пояснил кьонг, – думаю, твоя душа еще не готова в него войти.

Джива посмотрела вверх: ворота были очень высокими и, казалось, уходили в самое небо, касаясь разноцветных туч. Затем она глянула вниз и увидела под своими ногами... отсутствие какой-либо твердыни. Глубоко внизу кипела раскаленная лава. «Ой», – только и проронила Энио и в сей же миг стремительно полетела вниз.

– Что происходит? – спросил Копростасис.

– Падаем, – констатировала Инна.

– Не страшно?

– Ни капельки, – сказала она спокойно и в тот же миг скорчилась от боли. Инна резко вынула из ножен игровой ксифос*, вонзила его в землю, опираясь на оружие что есть сил, но все же не выдержала, припала на левое колено и процедила сквозь зубы: какая адская боль!

– Она и есть, адская, – сказал Копростасис, – терпи, Елена Прекрасная, терпи.

Энио погрузилась в раскаленную плазму. Джива неистово кричала от боли, а Иннино физическое тело забилося в страшных судорогах и, казалось, раскалилось докрасна. Копростасис смотрел на происходящее искоса, вертя головой то влево, то вправо, с присущим ему, птице-кьонгу, непомерным любопытством.

Энио коснулась дна плазменного озера и её отбросило обратно, будто резиновый мячик, до того места, откуда она сорвалась вниз. И вот, джива снова очутилась у ворот Храма Мандалы. Ворота медленно открылись. Иннина душа посмотрела на свои руки и ноги: они стали полупрозрачными.

– *Вставай с колен: твоя душа
очистилась, пройдя через страдания,* –

сказал Копростасис, и Инна снова встала в полный рост.

– Что джива видит внутри храма?

– Я все вижу, как на картине Клода Моне, – сказала Инна, открыв глаза. И действительно, только Моне мог написать такую картину березового леса: листва деревьев перед капищем в глазах Инны отразилась размытой акварелью.

– Я же спросил, что видит твоя душа, а не ты сама! – сказал кьонг, – закрой глаза. Твое тонкое тело – это очень чувствительный прибор, который надо правильно настроить. Что ты видишь внутри себя?

Энио шагнула через порог и очутилась в очень просторном помещении.

– Впереди какое-то возвышение, а на нем – чаша.

– Это алтарь. Пусть джива возьмет чашу.

Пройдя в центр храма и взяв в руки золотой сосуд, Энио подняла голову. Над ней сиял излучавший божественный свет громадный купол, на внутренней поверхности которого была начертана переливающаяся всеми цветами радуги сложная геометрическая фигура с четырьмя треугольниками в основании, вписанными в окружность, и с иероглифом, напоминав-

* **Ксифос** – прямой обоюдоострый меч длиной около 60 см. Острие ярко выраженное, клинок листообразный. Был распространен в основном у греков и спартанцев.

шим цифру “три” с хвостиком и точечкой, в центре.

– На куполе такой интересный знак! – молвила Инна.

– Это и есть мандала, карта вселенной. Или ты об иероглифе?.. Он означает самый первый вселенский звук “аум”. Если чаша у Энио, пусть идет вперед, за алтарь.

– Здесь трон.

– Точнее – престол. Кто на нем сидит?

– Не пойму... Я? Нет, кажется это мужчина.

– Вообще-то это Атман, Фраваша, Суперэго, бесполое божественное Я. Пусть душа отдаст ему чашу.

Энио протянула чашу Атману, который какое-то время разглядывал содержимое золотого сосуда. Жидкость имела темно-фиолетовый цвет. Атман сделал глоток.

Копростасис видел в этот момент, как к центру Инниного горла поднимается сверкающий золотистыми лучами полумесяц. В том месте, где у мужчин кадык, кьонг наблюдал яркое фиолетовое сияние, под которое поднялся полумесяц, остановился и тоже засиял – золотистым цветом.

– Странно, – молвил кьонг. – Никогда бы не подумал, что женщина на это способна.

Из глубины ставшего устойчивым фиолетового сияния к центру головы потянулся росток с золотым бутонем, последний быстро набирал силы и вскоре превратился в огромный цветок, в котором было не счесть лепестков. Цветок расцвел, точнее, раскрылось лишь несколько из его лепестков. Инна открыла глаза, и они засияли неземным светом. Её аура переливалась всеми цветами радуги.

– Я тебя вижу, кьонг, – сказала пробудившаяся душой девушка и тут же весело расхохоталась: на одном из камней она увидела причудливое существо ростом около двадцати сантиметров. Птицей это создание трудно было назвать: то был просто серовато-бурый ком перьев. Трудно было даже предположить, что сей ком способен летать, ибо крылья у него были, мягко говоря, сомнительные.

– Ха-ха-ха, ха-ха-ха... – как бы посмеялся пернатый, – я тоже, между прочим, мог бы поприкалываться над твоим внешним видом.

– Извини, – посерьезнела Инна, не хотела тебя обидеть, – а Копростасис – это твое имя?

– Да, меня уже двадцать тысяч лет так зовут.

– А можно тебя звать просто Копри?

– Хм. Меня так ещё никто не называл: Копри... Мне нравится! Копри... Копри... – беспрестанно стал повторять кьонг, меняя интонацию.

– Копрушенька, а откуда ты так много знаешь о строении тонкого человеческого тела, ты ж не человек?

– Это давнишняя история, – махнул крылом Копростасис, – преподавал когда-то в одной тибетской школе магии.

– А ты светлое или темное существо?

– Да как придется: захочу – стану светлым, надоест – буду темным.

Летаю, где хочу. Хочу – парю над землей, хочу – лечу за небеса, могу и в подземном царстве маневрировать: ж-жжж, ж-жжж... Но там неинтересно: пространства мало. Не люблю ограничений.

– Я то же не люблю, когда меня в чем-то ограничивают... А ты хороший.

– Хороший, плохой – нет таких слов в лексиконе кьонгов. Вообще-то я очень рад, что ты меня смогла увидеть. Меня давно уже не замечают люди, а знаешь, как это грустно!

– Догадываюсь, – вздохнула Инна.

– Раз ты меня увидела, открою тебе тайну. Я ищу защитника города Ру. Как жаль, что ты не мужчина!

– Эй, да я не женщина, я пацан! Во мне так много андрогенов*!

– Да! А усы не растут?

– Что?

– Должен тебя разочаровать, Инна Пинцова, ты женщина.

– И в моих услугах ты не нуждаешься. Понятно. Закрыли тему.

– Ты только не обижайся.

– Закрыли тему! – повторила Инна. – Скажи мне, кьонг, Ты говорил, что мое Суперэго – это и Атман, и Фраваши. Как так может быть?

– Это твое третье, духовное начало, твой личный Логос, божественное Я, с которым, как я уже говорил, на определенном уровне, как и с дживой, ты едина. Называй его, как хочешь: это все термины далекие от сути. Поэтому, как советовал мне мой друг аббат Фария, я понизил уровень изложения, учитывая уровень аудитории.

– Друг аббат Фария? Но это же литературный персонаж!

– В моем случае – киношный.

– Ты общаешься с киногогероями, как с живыми людьми?

– Все, что создано в воображении, сразу же проявляется и в реальности.

Но это другая реальность.

– А Энио реальна?

– Ещё как!

– А она может рассказать мне о предыдущих жизнях?

– А зачем?.. Слушай, давай в другой раз об этом поговорим, – зевнул Копри, – а то я спать хочу, жуть! И ты поспи.

*– Быть может, я в одном из воплощений
Действительно была воинственной богиней
и, в бой внося смятение и смуту,
сметала спесь с заслуженных героев.
И славный Арес, Энио под стать,
был спутником моим и славным другом? –*

не унималась Пинцова.

* **Андрогены** – (греч. – мужество + колено) общее собирательное название группы стероидных гормонов, производимых половыми железами (семенниками у мужчин и яичниками у женщин) и корой надпочечников и обладающих свойством в определенных концентрациях вызывать развитие мужских вторичных половых признаков у обоих полов.

– *Последний век все напрочь изменил:
какие, где, когда ты приняла решенья
забыто всеми, в том числе тобой.
Значенья не имеют воплощенья,
их Лета увлекает за собой...
Ты разберись с теперешней судьбой!*

Не пойму, почему люди стремятся стать богами, когда только человеку дано прервать круг перерождений и победить смерть. Тебе не нравится быть самою собой? – зевнул Копростасис и крепко уснул.

– Хорошо тебе, Копри: ты можешь спокойно спать. А как уснуть тому, у кого внезапно возник миллиард вопросов? – сонным голосом сказала Инна, зевнула и... замертво упала от усталости рядом с пернатым: никакой энергии после насыщенного событиями дня в её теле уже не осталось. Исчерпалась энергия!

VIII. Лесная феерия

Луна вышла из-за туч и облегченно вздохнула: наконец-то ночь, спокойствие и тишина! Тихий, еле уловимый шорох листьев разбудил сверчка, и он запел над капищем звонко и с вдохновением. Лунный свет пробивался сквозь листья берез, заставляя их сиять необыкновенным светом.

Над Инной медленно проплыла белая тень. Но кто это? Ничто живое не оставляет тени ночью!

Над спящей девушкой склонились две нечетко очерченные фигуры.

– У!!! – сказала первая фигура.

– Ху-гу-гу! – покачала головой вторая.

Энио, спавшая у ласково журчащего ручья в долине цветов, открыла глаза:

– Что это? – удивилась она, – интересно, кто меня будит?

Она вынула из ножен свой огнедышащий клинок и полетела вверх, за облака.

– Ой! – сказала первая тень и отскочила в сторону от спящей Инны: по ровному кругу – от сердца, через надбровье, ко второму сердцу и, через солнечное сплетение, снова к обычному сердцу – внутри Инниного тела несколько раз проскользнула яркая звездочка. Чакрамы* раскрылись, и из центра груди вырвалось широким лучом нежное свечение, а через мгновение в этом луче появилась Энио.

– Ого! – сказала вторая тень, – ты кто?

– Я – джива Энио.

– Красивая! – сказала первая тень.

– И опасная! – отшатнулась вторая.

– Нет, не опасная: я добрая, – сказала Энио.

– Пошли гулять? – предложила вторая тень, доверившись словам.

* **Чакрам** – то же, что и чакра – условная энергетическая точка, связанная с духовной анатомией человека. Здесь рассматривается кельто-гималайская схема, которая существенно отличается от древнеиндийского представления о чакрах, в связи с чем употребляется менее распространенный синоним.

– С удовольствием! – рассмеялась джива. Она поднялась в нескольких метрах от тела Инны – крохотное создание, размахивающее огнедышащим оружием.

– А вы кто? – спросила Энио настойчиво.

– Лешие, – ответили тени в один голос.

– Ух, лешие!.. Как же это прекрасно: и лес, в котором вы живете, и трава, и зайцы...

Из-под кустов в этот момент выскочил серый ушастый зверь и дал деру.

– ...и филины, – продолжала джива, глядя прямо в глаза сычу, который осветил капище своими огромными глазищами.

– Это не филин, видишь, у него «ушек» нет. Это сыч Георгий, он хищник, – предупредили лешие. – Давай мы тебя лучше с кикиморами познакомим.

– Ха-ха-ха, с кикиморами, – развеселилась Энио и охваченная разноцветным сиянием понеслась в небо, слегка задевая окутанные лунным светом листья.

– Ха-ха, с кикиморами! – вскрикивала она, кружась, и поднималась всё выше и выше – в самые небеса, почти к звездам, как вдруг... Черная туча закрыла луну. Яркие звезды приглушенно ахнули. Над лесом поднялся гадкий ветер. Молния ударила в березу. Лешие тут же спрятались за ближайšie пни.

– Я не поняла, что за перемена погоды! – возмутилась Энио. И тут на неё налетела та самая беспросветная туча. О, это была не просто туча, а туча с тридцатью парами когтей, которая крепко схватила дживу и поволокла за собой.

– Отпусти меня, черный ужас, отпусти, куда ты меня тащишь?! – закричала Энио и смело взмахнула мечом, но хваткие лапы чудовища крепко держали её крошечное тело, а меч был слишком мал, чтобы нанести напавшему хищнику ощутимый удар.

– Георгий, ну помоги же ей! – закричали лешие.

Сыч выразительно свистнул и... остался на ветке.

– Пожалуйста, спаси Энио от аспида*, мы тебя тоже когда-нибудь защитим.

Пернатый поерзал в нерешительности, но через мгновение вспорхнул и бросился вдогонку за чудовищем.

Сыч быстро догнал аспида; он крепко зажмурился, а когда подлетел к ужасной морде летучей змеи, то резко распахнул свои глазища и изо всех сил зашипел, что делал, кстати, весьма и весьма редко.

Аспид обалдел от такой наглости, разжал когти, выронив Энио, и покрутил хоботом у виска. Георгий хихикнул и бросился вниз, за дживой. Он поймал её у самой земли.

Змея не стала догонять упущенную жертву и полетела искать новую, ведь всем известно, что аспиды никогда не садятся на землю, разве что на камни.

Лешие облегченно вздохнули:

***Аспид** – (миф.) крылатый змей, имеет птичий нос и два хобота, пестрые или черные крылья.

– У-у-у, пронесло!

Георгий принес Энио в клюве и усадил рядом с собой на веточку.

– Фуф, – вздохнула джива, – какая же я проблемная!

– Да, ты проблемная! – закивали лесные духи.

Аспид улетел. Погода стихла. Снова засветила добрая луна.

– Ну что, идем к кикиморам? – весело воскликнула Энио...

Инна проснулась едва над лесом зарозовел восток.

– Ну и сны мне стали сниться, – сказала она, оперлась на свой дюралевый ксифос и встала на ноги. И тут она увидела Копростасиса, спящего непробудным сном: тибетская птица сладко постанывала и периодически подрыгивала то короткими лапами, то длинным хвостом. Инна протерла глаза: неужели все, что произошло ночью, не было ни видением, ни сном?

– Я ж даже глинтвейн не пила, – озадаченно сказала она и направилась к реке.

Солнце, застенчиво выглянув из-за горизонта, нежно коснулось верхушек деревьев. Радостный ветерок пробежал легкой зыбью по зеркальной глади реки, над которой лениво поднимался розовый туман. Лесные птицы неугомонно щебетали, то и дело пересмеивая друг друга. Инна сняла одежду.

– Здравствуй, речка, – сказала она, – здравствуйте, птицы, здравствуй, ветер, мой нежный друг! Как я рада насладиться вместе с вами волшебством этого необыкновенного рассвета!

Какой-то смелый стриж прокружил над Инной аж три раза. Ветер свежо и приветливо дунул, развевая её длинные русые волосы. Инна не спеша шагнула в реку, слегка окунулась и поплыла навстречу течению, приговаривая:

– Ну же, успокойся, речушенька! Тише, тише, тише...

И речка видимо её услышала, потому что течение стало ровным и спокойным.

– Как же временами чудесна жизнь! – шепнула девушка, нырнула и проплыла с десятков метров под водой. Вынырнув у самого берега, Инна убрала волосы с лица, протерла рукой глаза... ещё раз протерла... Да что ж такое: опять видение! Из реки вышла стройная женская фигура, одеждой которой служили речные водоросли. Пинцова поначалу было подумала, что это ролевичка: Инна не была на полигоне со вчерашнего вечера, а на «Илион» за это время могли приехать другие игроки... но из глубины реки стали выходить другие фигуры, их были десятки.

– Наяды? – шепнула Пинцова, не веря своим глазам. Она выбралась на сушу, быстро оделась и хотела уж последовать за странными существами, но тут её кто-то схватил за руку. Инна испуганно вскрикнула и обернулась. Перед ней стоял Патрокл.

– Сашка, у тебя крышу в хлам разворотило! – взъерошилась она и слегка дала представителю вражеского лагеря кулаком в бок. – Меня чуть Кондратий Иванович не хватил... Погоди, ты что же, подглядывал, как я голая купаюсь?

– А ты голая купалась?

- Нет, в хитоне и иподиматах, – сказала она, зашнуровывая сандалии.
– Давай второй дубль. А я тут, на бережке посижу, – пошутил Патрокл.
– Ах ты, дровичлишка мирмидонянский!
– Наговариваете вы на нас, прославленных данайских героев. Я тебя, между прочим, искал, чтобы услугу оказать, а ты меня оскорбляешь.
– Бойтесь данайцев, дары приносящих! Так я тебе и поверила после вчерашнего... Услугу...
– Именно «после вчерашнего»! Или ты не хочешь, чтоб я тебя на руках нес? Ладно. Мне по-любому умирать, и я могу это сделать прямо здесь и сейчас, – и Патрокл приготовился отыгрывать предсмертную агонию истекающего кровью воина.
– Пстой, пстой, пстой! Хочу, хочу, хочу!

*– Чего ты хочешь от ахейца,
стоящего на полпути в аид? –*

просипел Сашка, прикрыв рукой воображаемую рану, чтоб из неё не сочилась воображаемая кровь.

- Чтоб ты на руках меня нес.
– Тогда пойдем туда, где мы вчера на вас напали.
– Неси отсюда!
– Так... это ж насколько дальше! – запротестовал, было, Патрокл, но Инна посмотрела на него таким нежным, почти влюбленным взглядом, что он лишь вздохнул и молвил:

*– Был трижды силен он
и трижды умен,
но полом коварным
повержен мужчина!..*

- Он взял Инну на руки и понес через лес, поднимаясь по крутому берегу.
– Это что, стихи?
– Нет, это лирический экспромт мужского разума. Ну вот, как всегда, на нашем пути вездесущий терновник, – посетовал Сашка, с трудом пробираясь с Инной через колючие заросли, – ты не поцарапалась?
– Нет. Колючки меня почему-то не трогают, – сказала она, понимая, что никакого волшебства в том не было, просто Саша нес её очень бережно. Но все же, что-то необычное присутствовало в самом лесу. Интересно, куда подевались речные русалки? Или то действительно были ролевики?

А наяды-русалки спешили тем временем на коронацию эльфийского короля.

*Цветочный луг благоухал, и ветер
трепал листву застенчивых берез,
а в центре луга духов леса дети
усердно ткали трон из паутин и слез
змеиных каплями, что, как роса земная,
трон украшали. Устали не зная,
над троном тем кружились сотни фей
и на свирели им играл Орфей.
К Орфею подбежала Эвридика.*

*Кружась в свободном танце, нимфа леса
его поцеловала и, смеясь,
созвала в круг всех духов поднебесных,
и публика лесная собралась:
на луг из леса духи выходили
и хороводы дружные водили.*

– Сашка, ты веришь в русалок? – спросила Инна, когда он вынес её на луг.

– В смысле?

– В прямом, – сказала Пинцова.

– Я, конечно же, хворый на голову, но не настолько, – откровенно ответил друг.

– А в эльфов, нимф, сатиров, водяных и всяких разных речных и лесных духов?

– Слушай, Пинцова, ты меня обезоруживаешь своим чувством юмора, – растерянно покачал головой Сашка, на что Инна весело рассмеялась. Она соскочила с его рук и присоединилась к хороводу духов. Она плясала радостно и восторженно, а потом вышла из кола, подбежала к Сашке, схватила его за руку и увлекла за собой. Хоровод расступился, и они оказались в самом центре круга. И тут Инна заприметила среди фей свою Энио. Душа к ней подлетела, поцеловала в щеку и снова вернулась в хоровод.

Лесные духи ликовали. Сашка не понимал, что происходит, но вскоре отбросил глупые сомненья и закружился с Пинцовой в шальном танце: ему стало безразлично, что он видит, а чего не видит. Он танцевал с *Инной* – девушкой, которую любил искренне и без остатка.

Из лесу вышли вождь духов и его возлюбленная.

Орфей перестал играть и поклонился будущему королю.

Хоровод расступился, давая дорогу королевской чете, и все духи застыли в низком поклоне. Инна склонилась в реверансе, затем глянула на Сашку, ущипнула его и показала, что надо поклониться. Тот ничего не понимал, но, не ропща, выполнил это требование. Вождь сел на трон, и феи возложили на его голову корону из цветов. Лесные жители возликовали, осыпав короля серебряной пылью и цветочными лепестками, затем они продолжили плясать. Но это был уже не хоровод, а танец, напоминавший джигу.

Инна снова взяла за руку Сашку и повлекла его в другой конец луга. Затем она пушинкой прыгнула ему на руки, прильнула к его плечу, и они пошли дальше. Так они прошли до самой хижины, и Сашка ничего не говорил. Он чувствовал лишь трепетное благоговение, и это чувство отражалось в его глазах.

Когда, минув очередной участок смешанного леса, он вынес Пинцову на пригорок, с которого была видна хижина лекаря, то остановился и вздохнул.

– Придется отыгрывать по полной, – сказал он, глядя на собравшихся у хижины ролевиков и гостей игры.

– Что случилось, Саша? – спросила Инна.

– Не Саша, а Патрокл! Мы у заветной хижины бога врачевания, – ответил полностью поглощенный ролью друг.

– Я чувствую, что силы на исходе.
Но я тебя до цели донесу!

Спустившись к хижине, окончательно обессиленный Патрокл положил изнеможенную Елену прямо к ногам небесного лекаря и молвил:

– Асклепий, я принес тебе Елену
и грех свой перед Зевсом искупил,
но потерял при этом много сил,
и вот, изнемогая, умираю.
Я на пороге ада... то есть – рая!

Обессиленный герой припал на колени. Лекарь приказал слугам отнести принцессу Трои в хижину. К Патроклу подбежал другой ролевик и поддерживал его за плечи.

– О, Антилох, привет, точней, прощай! – сказал ему побратим Ахилла и пояснил:

– Ножом по горлу, словно вор, не в поединке
меня коварно заманьячил злющий Гектор.
И, стоя здесь, у Елисейских врат,
я понял вдруг: Ахилл мне был, как брат
Будь проклята война и Троя с нею!
Я кровью истекаю, и немеет
все тело... Поспеши в Авлиду,
скажи Ахиллу: больше я не выйду
на поле брани.
Нет Патрокла с вами!

Глаза его закатились к небу, веки последний раз судорожно вздрогнули, тело героя затряслось в агонии, и через минуту побратим Ахилла скончался. Зрители зааплодировали и одобрительно засвистели.

– Класс! – сказала Инна, наблюдая за этой сценой, высунувшись из палатки, – не ожидала я от тебя, Александр! Но ничего, я тоже сюрпризец приготовила...

– О, боги! – воскликнул бог врачевания, увидев, что его пациентка покинула хижину, и в заданной Сашкой манере добавил, моля небеса:

– Сжался, Афродита!
Иди в постель, Елена,
ты больна!

Пинцова недовольно сморщилась, но послушалась и вернулась в игру.

Авлида, выложенная, как и большинство ролевых городов, сосновыми бревнами, была огорожена глубоким рвом. Рядом зеленели крестьянские угодья и пастбища, на которых паслись смоделированные стада.

Мастер что-то черкал в журнале, отмечая прибыль крестьянских хозяйств, подсчитывал доход и выдавал крестьянам игровые деньги, настоятельно предупреждая их о том, что надо отдать дань жадным вождям, иначе солдаты разорят угодья.

Ворота города были закрыты. Вожди спали крепким сном.

К городу «подъехал» всадник.

– Открывай ворота, я Антилох, старший сын Нестора! – заорал он рьяно.

– Анти... кто? А чем докажешь, что ты не помет облажавшейся овцы Париса? – послышался голос из-за ворот.

– Ты что, мозги в Эвийский пролив обронил? Ахтись, презренный, отворяй ворота, не то получишь сто плетей от Ахиллеса. Не мешкай, червь, я весть ему принес.

– При чем тут Ахиллес, когда наш замок Агамемнон держит?! – удивился привратник, – иди домой, проспись... иль денег дай, тогда ворота сами отворятся.

– Позорный раб, ещё слово и Агамемнон тебя в жертву Артемиде принесет, чтоб стал попутным ветер: Патрокл убит!

– Подумаешь... А кто такой Патрокл? – сказал привратник, и это были его последние слова. Ему вонзили под ребра два копья два брата. Ворота опустились, и Антилох, переступив труп привратника и поздоровавшись с обоими Аяксами, направился в палатку Ахилла. Через мгновение изнутри раздался крик:

– Патрокла? Мальчика святого? Ножом по горлу?.. Гектор труп!

Из палатки вышел в трусах и в шлеме заспанный Ахилл. Зевнув, он выпил пива и проорал так, чтоб слышали аж в Трое, – готовьтесь, воины Авлиды, идем на Илион. Остричь мечи и натереть щиты до блеска, к обеду... то бишь к лету, выступаем!

IX. RGB

Солнце уже поднялось куда выше сосновых верхушек – ярко-белое летнее Солнце! Оно приветливо улыбалось: лесу, птицам, ветру, полевым цветам, ручью и реке, лешим и наядам-русалкам, Илиону и Авлиде, троянцам и ахейцам, отсыпавшейся в палатке лекаря Елене Прекрасной, резво пробиваясь через противокмариную сетку, и Ахиллу, брившему гламурное личико у своего отполированного до зеркального блеска щита, Гектору, усердно зашнуровывающему доспехи, и Приаму, недовольно брюзжащему в адрес нерадивых вассалов, Брисеиде и Кассандре, Парису и экс-Патроклу, Антилоху и Аяксам, – оно улыбалось живому и считавшемуся неживым миру, всем и всему, но только – не городу Ру!

Нет, не потому, что не хотело или не могло ему улыбнуться, и не потому, что обиделось или чего хуже – разозлилось на город (хотя тому и был, наверное, не один повод), Солнце не улыбалось Ру сегодняшним утром оттого, что это было абсолютно бессмысленно: серой неумытой тучей над городом повис непроглядный смог, скрывший все красоты светлого неба от его жителей и их беспечно-серых жилищ. Причиной возникновения смога были три промышленные трубы. О, это были настоящие красавицы!

Дым, валивший из большой северной трубы, был перламутрово-синим, центральная малютка, со свистом в тональности фа-диез мажор, выдувала высоко вверх длинную струйку иззелена-болотного цвета, южная же изрыгала жирные ярко-красные клубы. Во всем этом была какая-то своя экзотика,

и Барабас упоённо наслаждался промышленным пейзажем из окна своих гостиничных апартаментов.

– RGB! – с чувством сказал он и запил свое восхищение остатками черного кофе.

– Что, простите? – учтиво переспросила П.С., она уже нарядилась во все светлое и приступила к макияжу.

– Ах, простите, Полина Сергеевна. Я имел в виду аддитивное смешение красного, зеленого и синего цветов – red, green and blue. Если это делать в равной пропорции, получится нейтральный оттенок, в данном случае – серый цвет неба над городом Ру.

– Ну, если в равной пропорции, тогда да! – многозначительно сказала П.С.

– Красиво, не правда ли? Это явление люди называют «асператус*». Но что они могут знать о его природе.

– Вы уже и здесь творите, о, великий гроссмейстер!

– Дык, если б вы знали, как давно! Жаль, что моё творчество не все ценят. Кстати, вы зря одели это платье: белое сегодня не в моде.

– Хм! – сказала на это П.С., затем кокетливо фыркнула, резво затрусилась задком, как собака после купания, и «разбрызгала» белое платье, обнаружив под ним темно синее.

– Правда, это вечернее, – пояснила демоница.

– А, пойдет! – махнул рукой Барабас. – Налейте-ка мне ещё кофе...

Четверть века назад, пока промышленность Ру окончательно не развалилась, асператуса над городом никто бы из его жителей не заметил. Но сегодня закопченное небо просто-таки очаровывало молодых горожан и восторгало старожиллов.

– Наконец-то!.. Наконец-то мы этого дождались! – судорожно шептала старушка со слезами счастья на глазах и в подрастравшемся платке, с большим трудом выбравшаяся на просевшее крыльцо своего трехкомнатного чертога. Чья-то рука бережно поправила её платок и нежно обняла старушку за плечи.

– Да! – согласился сгорбленный старик, – теперь и умереть можно.

– Смотри, мама, радуга перемешалась, – радостно закричал мальчик, тыча пальцем в окно, и его родители были тут как тут.

– Да, теперь у нас есть будущее, – сказал папа. Мама глянула на него пристально и выразительно. Папа тоже повернулся к ней лицом.

– А пойдем гулять! Всею семьей, как в былые времена, – предложила женщина.

– Но... гулять не ходят по утрам!

– А вдруг вечером всего этого, – мама сделала «па» в сторону пейзажа за окном, – мы не увидим!

* ***Undulatus asperatus*** (асператус) – (метеорол.) дословно – грубые, враждебные волнистые облака. В 2008 г. английские газеты опубликовали несколько фото таких облаков, сделанных над Великобританией и Новой Зеландией и сообщали, что там, где появлялись мрачные до жути тучи, люди ждали ураганов, но обошлось без последствий.

– Тогда одеваемся? – спросил папа.

– Да, дорогой. Одень свой парадный костюм!

И когда они вышли на центральную улицу города, то обнаружили, что она заполнена людьми, как в большой праздник. По ней расхаживали влюбленные парочки, другие семьи и одинокие прохожие, с благоговением взирающие на светонепроницаемые небеса. Некоторые из прогуливающихся прикрывали нос платочками:

– Фу, как воняет! – сказала юная леди своему спутнику.

– Зато как красиво! – ответил тот и, не отрывая платок от носа, нежно поцеловал свою возлюбленную в губы.

Полина Сергеевна последний раз провела брасматиком по своим непомерно длинным ресницам, поправила прическу, поцеловала свое отражение в зеркале и сказала:

– Я готова, ваше великолепие.

– До вас с Григорием у меня было двое слуг, – молвил Барабас, не без интереса оценивая её умопомрачительный туалет, – они мне надоели, и я их уволил. На данном этапе, дорогая П.С., вы их однозначно затмеваете. Да и Григорий тоже. Кстати, где он?

– Я думала вы в курсе: он в своей комнате. Спит.

– Спит? – прокричал гроссмейстер, да так, что стекла в гостиной их четырехкомнатного люкса угрожающе задрожали. На что Гриша сквозь сон недовольно пробурчал: «Проснись, вставай, потом – лети, беги... покоя нет для бедного слуги».

– Уволю, – чуть поспокойней крикнул Барабас.

– Что? Где? За что? – всполошился слуга. Последней фразой сон его как рукой сняло. Григорий лениво сполз с постели и потер босыми копытами, не прекращая недовольно ворчать, – как в роли человека все непросто: вечером – ложись, утром – вставай...

– Собирайся, бездарь! Если ты меня подведешь, я твою инкубью душонку в муху пересажу, и будешь до конца вечности обгаживать лампочки в этой захирелой гостинице.

– Нет, мухой – это непрактично, – сообразил Григорий и несколько оживился.

Барабас глянул на часы. Время терпело, но на всякий случай он предупредил слугу, что в распоряжении того только две минуты.

– Скажите, шеф, – поинтересовалась П.С., не в силах сдержать любопытство, – а какой потайной смысл этого вашего идиативного RGB?

– Полина Сергеевна, не захламляйте свой уязвимый мозг сложной информацией, он и без того у вас приблизился к точке кипения. Скоро вы с Григорием все поймете. А не поймете – так и к лучшему.

Гриша вышел из своей спальни. Он впопыхах завязывал галстук:

– Куда едем?

– В курортную зону, – ответил гроссмейстер. – И не топай так копытами: паркет проломишь.

У ворот так называемой Южной группы некогда славного химического комбината стояло несколько шикарных авто. Как только у проходной появился лимузин Барабаса, ворота открылись, безоговорочно пропустив машину депутата на производственную территорию, остальные машины мирно поехали следом и через секунду исчезли в плотном серо-буро-малиновом химическом тумане. Демоны с эскортом подъехали к одному из цехов комбината и вышли из машины.

– Здесь трудно что-то рассмотреть, особенно людскому глазу, не правда ли, Полина Сергеевна, – намекнул гроссмейстер. П.С. сложила губки трубочкой и подула в сторону промышленных территорий, после чего туман несколько отступил.

– Дык значит, это и есть здание бывшего цеха номер 23? – спросил гроссмейстер, указывая тростью на полуразваленное строение с выбитыми окнами.

– Почему «бывшего»? Просто цеха 23, – ответил голос из тумана, – в документах нет слова «бывший».

– Он же не работает!

– Так заработает же вашими чарами...

Гриша от нечего делать прохаживался по дорожке перед производственным зданием, но наткнувшись на сложенные грудями оранжевые тюки, остановился и, казалось, о чем-то глубоко задумался.

– Так, окна заколотить досками. К концу рабочего дня здание должно быть готово. Повторяю, к концу рабочего дня, то есть сегодня! Это что? – Барабас указал на тюки.

– Это ваш слуга.

Гроссмейстер вежливо кашлянул.

– Ах, вы про эти груды пакетов ярко-оранжевого цвета в красную крапинку? – нервно рассмеялся голос из тумана, – какой-то продукт. Не знаю, что именно, но я могу уточнить... Он двадцать лет здесь лежит, все уже и забыли, что это за химикалии... Убрать?

– Нет, что вы, они-то как раз и не помешают. Второе здание готово?

– Да, как и договаривались!

– Я хотел бы на него взглянуть.

– С удовольствием буду вас сопровождать.

Гроссмейстер и его свита направились к машине. Гриша открыл перед его великолепием двери... но что произошло потом, к сожалению, увидеть не удалось, ибо химический туман сгустился и поглотил собой все детали происходящего.

Х. Ахиллесова пята

Подул несильный, но настойчивый ветерок – в меру настойчивый, но этого было достаточно, чтобы дым от ахейского костра развеялся.

Данайцы осадили Трoю. Они разбились на небольшие группы и отплясывали боевые танцы у костров. Троянские крестьяне спрятались за стенами города. Они вовремя собрали урожай: хвала богам в Малой Азии ранние

весны. На высоком пьедестале, сооруженном чуть поодаль от крепостных стен Илиона, нельзя было не заметить несколько участников игры, чьи костюмы разительно отличались от одежд других ролевиков: они были в сверкающих снежной белизной хитонах, их головы венчали златолавровые венки, за спиной у каждого имелась пара крыльев. Словом, любому смертному было понятно, что перед ним боги, причем, боги олимпийские.

К импровизированному Олимпу, безо всякого риска подвергнуться нападению врагов, мог подойти не только герой, но и любой смертный, чтобы попросить у конкретного бога чего заблагорассудится, хотя бы – удачи в битве.

Но желающих было немного, ведь представители олимпийского пантеона славилась завистливостью, коварством и соперничали друг с другом, а посему благословение одного могло накликать анафему другого.

В ходе игры к ним часто обращались. Гефест мог добавить хитов*, то есть укрепить оружие, Афина – раскрыть некоторые тактические секреты противника, помочь изобрести новое инженерное приспособление или оружие, Аид – быстро выбраться из царства мертвых в случае гибели, Гермес – выгодно купить, продать, обменять товар. Но делалось это, как правило, втайне от других богов. Сейчас же, когда все боги собрались на Олимпе, тайну трудно было скрыть. Впрочем, олимпийским вседержителям отводилась и более серьезная роль – наблюдать за ходом решающей битвы, до начала которой оставались... Секунды, минуты, часы? О, это сказать было трудно. Почему? Ну, во-первых, богов на Олимпе было всего десять. Куда подевались ещё двое, одним мастерам было известно. Во-вторых, ни в лагере ахейцев, ни в Илионе в данный момент не было вождей. Они стояли далеко в стороне и спорили с мастерами игры, как говорится, по жизни. Когда же старший мастер подал знак одному из олимпийцев и тот нехотя слез с импровизированного Олимпа и направился к спорщикам, стало ясно, что игра приостановлена.

Ахейцы прекратили плясать и стали рассаживаться вокруг костров и петь песни. Другие игроки – скорее от скуки, нежели из интереса – издали наблюдали за сценой спора. Одиссей и Агамемнон весьма живо жестикулировали и рисовали в воздухе сложные фигуры, смысл которых трудно было разгадать. В ответ на доводы греков самый заядлый на полигоне спорщик – царь тевкров Приам – рисовал копьем на песке ещё более замысловатые иероглифы.

И все же, самая главная помеха началу выноса, ради которого большинство ролевиков и приехали на «Илион», была не в этом. В Трое не наблюдалось той самой *casus belli*, причины войны, без которой взятие города теряло всякий смысл: Елена Прекрасная все ещё находилась в царстве Асклепия.

* **Хит** – (рол.) мера мощности оружия в полевой игре. Один результативный удар, нанесенный оружием нападения, снимает с оружия защиты обороняющегося столько же хитов, во сколько само оценено. Когда число хитов игрока становится меньше нуля, он считается убитым. Количество хитов может измениться за счет наличия у игрока артефактов.

- Привет! – сказал Сашка, заглядывая в палатку бога врачевания.
- Ой! – испуганно вскрикнула Инна: она как раз надевала доспехи и стояла спиной к выходу. Обернувшись и увидев друга, Пинцова облегченно вздохнула, – а, это ты, Сашка, напугал... заходи. Что это на тебе золотой венец, в боги подрядился?
- Ага, я теперь Марс... Просторная у тебя хижина...
- Кто ты, говоришь, – переспросила Елена и рассмеялась, – Марс?
- Марс. А что, не похож? Глянь, крылья какие!
- Сашка, Марс – римский бог, а греческого бога войны называли Аресом, не знал?.. Постой, так на игре же был Арес, куда он подевался?
- Ай, они с Дионисом вчера неслабо приложились к «небесному нектару». Дионису ничего, а Марс, то есть Арес, испытания божественным напитком не выдержал и отсыпается теперь в палатке мастеров. Это я его туда ночью транспортировал. И, так как ценный артефакт – олимпийский золотавровый венец – оказался в моих руках, мастера назначили меня богом войны.
- Тоже мне, бог. Ты б ещё Аполлоном вырядился, – сказала Инна, на что Сашка, видимо, обиделся.
- Пойду я от тебя, ты, кажется, снова не в духе, – сказал он и поспешил наружу, правда, вышел не без проблем: крыльями зацепился. Инна, несколько помешкав, тоже выскочила из палатки и, догнав, остановила друга, тронув его за плечо.
- Слушай, извини за Аполлона. Я не хотела тебя обижать, честно, – сказала она и поцеловала Ареса в щеку, и он смущенно отвернулся. Будь здесь сторонний наблюдатель, он бы заметил, что грозный бог войны смотрит на облака глазами поэта. Но стороннего наблюдателя не было...
- Прощаешь меня?
- А можно ещё разок, – попросил Сашка. Он обернулся, и взгляды их встретились. Он хотел поцеловать её в губы, но не решился. Инна хотела что-то сказать, но их перебили.
- Елена Троянская, все готово для твоего волшебного перемещения в Илион, – громко сказал Асклепий.
- Удачной осады, – ляпнул Сашка, чем снова рассмешил Инну.
- Где этот Сникерс, молния ему в печенку! – неистовствовал Зевс.
- Марс, Марс! – закричали на весь лес Гера с Афиной.
- Иду, иду, несущу беду, – отозвался исполнитель роли самого злотворного олимпийца.
- Идиот, какая война баз Марса! – злился громовец.
- Я не Марс, я – Арес!
- Арес? Отныне, сынок, тебя будут называть Сникерсом, – разгневался Зевс и провопил, – эй, ахейцы и троянцы, все слышали: на Олимпе новый бог войны. Его зовут Сникерс. Поприветствуйте его, смертные!
- Зачем ты так? – возразила Зевсу Афина.
- В следующий раз не будет выпендриваться... и опаздывать.

– Зевс, Елену несут. Будешь что-то говорить? – спросил бог кузнечного ремесла.

– А с тобой, Гефест, я вообще не разговариваю, – ответил ему громовеержец, – как можно было Ахиллесу триста хитов на доспехи навесить, он же теперь непотопляемый!

– Ну, во-первых, Ахилл или Ахиллес, как ты его назвал, и без того должен быть неуязвимым. А потом, он отыграл все квесты, а я ему раскрыл все секреты кузнечного дела. Не пойму, в чем проблема?

– Ладно, хватит оправдываться. Я просто зол... Не хочу ничего говорить. Пусть глашатай начинает.

Вседержитель подал знак рукой ролевику в шутовском костюме, но тот эмоционально замахал руками, пытаясь что-то объяснить.

– Зевс, у него сценария нет на этот игровой момент, – перевел его жесты Гефест.

– Зачем ему сценарий, мы что, кино снимаем?.. Ох, как я зол! Молнией кого-то долбануть, что ли... Ладно, ждем, пока Елену доставят восвояси.

В Трое все были готовы к битве. Приам был по-приамовски хмур, Гектор задумался о предстоящей схватке с Ахиллом, а Парис... Парис был где-то не здесь. Нет, он, конечно же, в полном обмундировании стоял рядом с отцом и братом где и положено, на царской террасе, но мысли его витали где-то в неведомом запределье.

Елену несли на лектике*. Носилки были грубо отесаны и выглядели несуровно: никто не предполагал, что невестку Приама потребуется воскрешать. Чтоб как-то скрыть грубую работу, каркас носилок обтянули тканью, на которой наспех нарисовали герб Трои.

Лектику несли боги из нижнего пантеона, охрана тоже была «небесной». Впереди процессии важно шествовала Афродита. В руках богиня держала ни меч, ни копье, а золотую ветку, одно лишь прикосновение которой приравнивалось к удару тысячи мечей, поэтому толпа греков покорно расступилась перед божественным эскортом, образовав широкий живой коридор до самых троянских ворот.

– Что же вы не приветствуете свою богиню, неблагодарные данайцы, – громко спросила олимпийка, – иль род ваш так велик, что нет больше нужды размножаться?

– С каких это пор Елена стала богиней? – крикнул кто-то из ахейцев. Процессия тут же остановилась. Афродита пристально вглядывалась в толпу, но никак не могла понять, кто именно из смертных посмел ей перечить.

– Во-первых, речь шла не о Елене, а обо мне, Афродите, – громко сказала богиня любви. – Кроме того, Елена – дочь Зевса. И тот, кто усомнился в её божественности, обижает не только принцессу, но и самого царя небес. А потому, не будет ему удачи в этой битве, анафема тебе, смертный!

Афродита двинулась вперед, но тут заговорила Елена:

* **Лектика** – носилки, которые использовались в Греции, Риме и Азии для переноски людей. В Греции домакедонского периода л. пользовались женщиной и больные, со временем они стали предметом роскоши.

- Это Ахилл, о, великая богиня любви.
– Ахилл? – переспросила олимпийка и нарочито расхохоталась:

*– Так что же он, сын смертного Пелея,
решил соперничать с богами перед битвой?*

*– Он глуп, моя прекрасная богиня,
как пробка глуп, да и труслив вдобавок.
Когда б не мать его, бессмертная Фетида,
что окунула в Стикс его, держа за пятку,
он был бы тряпка тряпкой.*

Ну а так – герой!

*Язык, как помело, а ум настолько кроток,
что он уверен, будто ровня вам –
прославленным двенадцати богам!*

– Ну, если так, тогда он точно глуп, – согласилась Афродита. – Пойдемте, боги, оставим смертным их бесславье и гордыню.

Ахилл действительно стоял в толпе. Выяснить, кто именно выкрикнул злополучную фразу минуту назад, теперь уже было бессмысленно. Греческого героя прилюдно унизили. Нужно было как-то отреагировать.

– И все-таки, найдите мне этого гуя* языкатого! – тихо сказал он своим вассалам и вышел вперед, преградив путь эскорту.

– Все это клевета, бросающая тень не только на меня, героя Эллады, но и на всех греков, – сказал он с театральным пафосом, – и я требую, чтобы Елена сейчас же извинилась перед славными эллинами.

– Будь ты действительно героем, не прикрывал бы славою достойных предков свой срам, но отвечал бы только за себя. Никто здесь не оспаривал величие греков. А вот твои заслуги – сомнительны, – сказала Елена и язвительно добавила, – я слышала, тебя воспитывали, как девочку, и ты теперь никак не можешь доказать, что ты мужчина? Пришел сразиться с Гектором, но справиться не сможешь даже с женщиной.

– И кто ж та женщина? – рассмеялся Ахилл. И это было его последней ошибкой.

– Кто-кто, хотя бы я, – сказала Елена и сбросила с себя царский хитон, обнаружив под ним облачение не женщины, но воина. К ней подошла Афродита и шепнула:

– Что ты делаешь, у Ахилла сто хитов!

– Уже триста, – сказал бог, державший лектику.

– У него горло открытое, я зубами вгрызусь.

– Но это всего лишь игра!

– Так что же ты тогда переживаешь? – улыбнулась Елена и, отстранив олимпийку, подошла к легендарному греческому герою вплотную.

– Я не дерусь с женщинами, – сказал Ахилл, – я с ними только сплю.

Все рассмеялись. Елена – громче всех.

* *Гуй* – (миф.) в древнекитайской религии дух, приносящий неудачи, болезни и смерть, как правило, дух человека, который не был погребен с соблюдением надлежащих ритуалов, демон-оборотень, дух умершего грешника.

– Ну я ж сказала: смелый на язык,
а как до дела – моментально сник,
имеет жало сразу в двух местах:
во рту своем и где-то там, в штанах.

– Пусть на Олимпе спор ваш разрешат, – вмешалась Афродита, и все внимание толпы тут же обратилось к сонму богов.

– Мне кто-то объяснит, что происходит? – сказал Зевс, – я что-то пропустил?

– Елена хочет драться с Ахиллом! – пояснил Арес.

– Ну да, сейчас! Убьют Елену – casus belli исчерпан. Останови их, Сникерс, – сказал Зевс и громко выкрикнул в толпу, – спор смертных разрешит бог распрей, склок, нечестных поединков, коварства и войны без правил – зловредный Сникерс.

Сашка пожал плечами. Он глянул на Инну, которая грозила ему кулаком. Глянул на исполнителя роли Зевса...

– Сникерс, говоришь? – ехидно улыбнулся громовержцу злокозненный Арес и громко прочел:

– Вы говорите, правит Зевс,
Бросая молнии с небес?
Но страх и ужас в жилах бродит,
Когда **мой** славный час приходит!
Повсюду тлен и трупов гарь,
Коварство – идол, алчность – царь,
И жизнь не может сделать шаг,
Чтоб не попать растленный прах
Презренных душ, зловонных тел,
Но это – явно не предел!
Унижен бог, возвышен раб,
И вот вам следующий этап:
Там – червь позорный возомнил,
Что он мерило всех мерил,
Здесь – глупость вырвалась на свет,
Кричит: меня умнее нет!
Насилие теперь – судья...
На самом деле правлю я!
А что же наш верховный бог?
Бессилен, будь он трижды строг:
Кому ж страшны гроза и гром,
Когда война приходит в дом!
Деритесь, злобы не тая,
С небес повелеваю я –
Я, бог войны – жестокой, глупой!..
А черви... пусть догложут трупы.

Елена, не дожидаясь пока Ахилл вынет меч, дала ему ногой под зад, да так, что тот свалился наземь.

Зевс обеими руками схватился за голову и удрученно произнес:

– Нет, ты не Сникерс, ты – полный Сникерс!

– Не скули, флэшентандер, все идет, как надо. Теперь хоть игра похожа на игру, будет что вспомнить, – сказал на это бог кузнечного ремесла, – пойдём, Арес, понаблюдаем за этой картиной. Инка у тебя акробатка? Говорят, она классно фехтует. Боевая девчонка, поздравляю!

– А я тут при чем?

– Да вообще не при делах!.. «Черви пусть догложут трупы», – сам сочинил?

– Эта строка просто для рифмы, Гефест, – пояснил Арес.

– Раз! – загнул палец старший мастер, который был, как всегда наготове в таких случаях, подсчитывая убывающие хиты.

– Не считается, – сказал кто-то, – нога – не меч!

– Но это же Еленина нога! – возразил судья поединка.

Ахиллу бросили его щит и копье, но он с презрением отшвырнул в сторону оружие предварительного боя, вскочил на ноги и вынул из ножен гладиус. Елене тоже подали щит. Толпа расступилась. Драка началась.

Весь полигон ожил. Каждый ахеец стремился подойти как можно ближе к месту поединка, каждый троянец старался уместиться повыше на крепостной стене своего неприступного города. И только Парис по-прежнему взирал на мир отсутствующим взглядом.

– Меч у тебя какой-то захудалый, – сказал Ахилл.

– Это ксифос, греческое оружие, между прочим. Я тебя им крепко отшлепаю! Кстати, ты со своим гладиусом лет на пятьсот поспешил, – ответила Елена и сделала выпад. Соперник мягко отвел удар щитом.

– Тебе бы Жанну Дарк играть. Не понимаю, чего ты взбесилась, валькирия!

– Языком надо меньше чесать.

– Я тебя не трогал.

– Трогал-трогал! Вечером, у костра, вспомнил?

Ахилл стал в стойку. Он держал свой клинок горизонтально, на уровне плеча, как киногерой Бреда Пита. Толпа загудела.

– Обидчивая?.. Знаешь этот приемчик?

– Всё это понтовый форс, как и вся твоя болтовня, – ответила девушка, но соперник сделал два фехтовальных шага, подпрыгнул, нанес удар щитом, сделал плечевой замах мечом и ударил им вертикально. Инна с трудом увернулась от удара и выронила щит.

Она сделала акробатический переворот вперед. Тем не менее с нее сняли два хита.

– Ахилл задел её плечо, – пояснил старший мастер.

– Все это без толку: у Елены всего 28 хитов, – добавил второй мастер с огорчением. А без щита – 20!

Инна быстро вскочила на ноги и еле слышно прошептала: «Энио, ну где же ты!».

– Энио зовешь? – услышала она в ответ. То был голос Копростасиса.

– Она бы мне помогла... Копри, ты-то что тут делаешь? Лети прочь!

– Нет, на это я посмотрю!

– Ты мне мешаешь.

– Да я тут, в сторонке, попорхаю... Зачем кувыркаешься? Ты так быстро устанешь. Тебе надо его по полю погонять пусть выдохнется. Ах, зачем же...

Ахилл уже подошел совсем близко, троянская принцесса сделала акробатический рондад и подобрала щит.

– Затем! – сказала она резко, – лети отсюда, вредный кьонг, или хотя бы не каркай!

Ахилл ничего не сообразил, ринулся за Еленой и тут же получил целых три удара – слева, справа и по шлему. Шлем съехал ему на брови, Ахилл беспорядочно замахал гладиусом. Елена же отошла в сторону и приготовилась отразить следующий натиск.

– Да что ж ты мечом, как веником, машешь! – поддевали греческого героя из толпы, и весь полигон не унимался от хохота. Инна зажмурила глаза и снова что-то настойчиво прошептала. А кьонг не только не умолк, но раззадорился пуще прежнего:

– Ничего себе! Ты где так научилась? Даже я не умею так кувыркаться, покажешь пару приемчиков?

Инна старалась не обращать на него внимания, но не выдержала.

– Копруша, иди в задницу! – ласково попросила она.

– Ты что, такое зрелище пропустить!

Ахилл в бешенстве бросился на Елену, а она, воспользовавшись его щитом, как стенкой, оттолкнулась обеими ногами, сделала очередной пируэт и в падении нанесла противнику мечом удар по ногам.

– Это же уму неподразительно, – захлебываясь слюной от восхищения, прокричал кьонг, уцепившийся когтями в щит Ахилла, – классический “wall spin”! Такое сальто-мортале я только в кино видел!

Кьонг летел вместе с Ахиллом куда-то далеко назад.

– Тогда помоги мне Энио найти, – сказала Инна.

Прославленный герой троянской войны отскочил на несколько метров, но на ногах удержался. Чтобы прийти в себя ему понадобилось всего лишь несколько секунд, и он ринулся в бой с ещё большей яростью. Кьонг подлетел ближе к Инне, чтоб его было лучше слышно:

– А где она, твоя Энио?

– Да, з-за-агуляла... с лешими... в лесу, – Елена три раза рубанула мечом Ахилла, ускользнула от его удара ещё до того как он успел сделать полный замах мечом и была уже на противоположном фланге, – Копри, ну слетай за ней.

– А зачем тебе Энио!

– Драконов мы усыпили?

– Ну!

– Подковы гну!

– Ого! Гнешь подковы?

– Ой-й!.. Без них я вообще ни на что не способна, видишь! – Елена ударила по щиту Ахилла ногой, и ахеец опять полетел куда-то вдаль.

- Без подков?
- Без драконов!
- Как по мне, ты в норме, – возразил кьонг.
- Эх, Копри, во мне ж ни злости, ни эмоций... Это ты во всем виноват!
- По-моему, эмоций достаточно.
- Я поняла: ты – запорщик, и имя у тебя подходящее.
- Ну вот, кто-то ушел в загул с лешими, а виноват, как всегда, Копростасис, – обиделась тибетская чудо-птица.

Спор с кьонгом отвлек Инну, а её противник времени не терял и был уже совсем рядом; ахеец размахнулся гладиусом, но удара не последовало: то был обманный маневр. Елена отринула в сторону, но тут же ощутила мощный удар щитом и повалилась наземь. Толпа хором охнула. Копростасис закрыл крыльями глаза.

- Ужас! Не хочу на это смотреть, – только и каркнул кьонг.

Ахилл отбросил ногой Еленин меч в сторону, снял шлем и криво улыбнулся.

Под радостный свист соплеменников он подошел к поверженной сопернице и приставил гладиус к её груди...

В Трое увиденному, конечно же, не радовались. Гектор толкнул в плечо Париса и тихо сказал:

- Ну вот, теперь моя очередь надрать задницу Ахиллесу.
- Какая очередь? – ответил младший сын Приама.
- Ты что, спишь? Елена проиграла!
- Елена проиграла? Не может быть, – сказал Парис. С по-прежнему отрешенным взглядом он вскинул лук, натянул тетиву и выпустил стрелу, не целясь...

– А знаешь, я тебя не буду убивать, – сказал Ахилл, когда чуть поутихли ликующие ахейцы.

- В благородство решил поиграть?

– Откуда ж во мне благородство! Я просто хочу, чтобы все было по сценарию: хочу убить Гектора, захватить Троию и забрать тебя в наложницы. И ещё хочу, чтобы ты запомнила, я не дерусь с женщинами, я с ними...

- ...я уже в курсе: спишь.

Но Ахилл речь свою так и не продолжил. Его глаза налились ужасом. Он медленно отвел взгляд от поверженной Елены и глянул на толпу. Ахейцы все как один замерли, не спуская с Ахилла глаз, точнее – с его ноги. Эллинский герой несмело глянул на ногу и не увидел ничего особенного... кроме стрелы, насквозь пронзившей пятку. То была стрела, пущенная Парисом.

– Стоп игра! – прокричал старший мастер. Но и без того никто уже не играл. Некоторое время, показавшееся Инне вечностью, над полигоном повисла мертвецкая тишина, после чего раздался страшный рев – не звериный, но человеческий.

XI. Маскарад

Детский хор школы искусств города Ру допел отрывок «Tempuss est

iocundum*» из сценической кантаты Карла Орфа «Кармина Бурана», и камерный зал утонул в овациях. На сцену вышла конференсье.

– О, Фортуна, ты, как луна, изменчива! И вот, сегодня, когда ты повернулась к нашему городу лицом, – нараспев сказала она, – мы говорим тебе спасибо. Свои чувства мы выражаем не словами, а прекрасной музыкой. Ибо только музыка способна передать наше восхищение твоим сказочным подарком. Это ты привела в наш город этого прекрасного бизнесмена и депутата Адера Ивановича Барабасова, который взялся за великое дело – изменить нашу жизнь к лучшему. Я предоставляю слово для выступления городскому голове города Ру Йосифу Йосифовичу Голозадику.

Мэр встал, откашлялся и вышел на сцену.

– Мы тут с коллегами в первых рядах этого камерного зала, в удобных фанерных креслах, сидели и совещались. Среди нас, конечно же, сегодня на этом прекрасном празднике классической музыки присутствуют я, мэр города, мой первый заместитель, второй заместитель мэра города, третий заместитель, к сожалению, прибыть на концерт не смог. Так вот, мы обсуждали важный вопрос: какое это счастье, когда твой город возрождается, можно сказать, из руин, для наших детей, для всех-всех горожан. И всё это – благодаря нашему Адеру Ивановичу. Я призываю всех выбрать его ещё раз в народные депутаты при удобном случае. Похлопаем и поаплодируем нашему дорогому возродителю промышленной славы города Ру, браво!

После такой пламенной речи Барабасу пришлось тоже выйти на сцену. Зал был маленький, поэтому микрофона здесь не требовалось. Речь гресмейстера была короткой.

– Это только начало, – сказал он совершенно искренне. И зал зааплодировал с не меньшим, нежели после «Кармины Бураны», усердием. Когда овации стихли, конференсье объявила:

– А сейчас для вас прозвучит картинка к русской народной сказке. Анатолий Лядов. «Баба-яга». Исполняет оркестр под управлением Игоря Дервянко.

– Ну что, пора? – спросил Гриша у шефа. И вскоре, после того как в зале снова зазвучала музыка, Барабас со своей свитой по-английски покинули мероприятие. За ними последовали мэр и его заместители и несколько других высокопоставленных особ. Затем – несколько чуть ниже поставленных особ.

К концу исполнения музыкального произведения в зале остался один человек. Впрочем, и он исчез на последнем такте, на что дирижер только плечами пожал. Он снова махнул дирижерской палочкой, и камерный оркестр стал исполнять очередное произведение – неизвестного композитора, которое называлось «Для пустого зала».

У старой захолустной хаты с латаной крышей и кривой трубой, у дремучей хаты мазанки выбеленной и выкрашенной по случаю события сидела черная карга. Её лицо не выражало эмоций, в её глазах нельзя было прочесть ни радости, ни грусти, несмотря на то что сегодня был веселый день.

* *Tempus est iocundum* – (лат.) В это радостное время.

Старуха жила здесь одна, поодаль от сел и хуторов, поодаль от мирской, духовной и всякой иной жизни. Но у нее бывали званые гости. Нередко — много гостей. Как, например, сегодня — чуть ли не пол-округи.

В стороне, в полусотне метров от хаты, у самого края леса беспорядочно припарковалось десятка полтора автомобилей и даже — один автобус.

И вот они, люди, которые приехали сюда! Даже издалека видно — по их жестам и манерам, — что они культурные, образованные, уважаемые, что это руководители, чиновники, общественные деятели и просто начальники, что здесь собралась элита. Все эти люди одеты по-особому. Похоже, они готовились к маскараду. Вот толстяк с маленькими беспокойными глазками и носом картошкой, во фраке и в шляпе с козлиными рожками; рядом с ним — женщина в дорогом вечернем платье с вырезом для обнаженных грудей; на женщине шелковая шаль, которой очень удобно прикрывать груди, если вдруг замерзнут; а вон, чуть в стороне, стоит мужчина в недешевом костюме и с ослиным хвостом на положенном месте. Слышны анекдоты, шутки, разговоры о тайнах мироздания, смех. Гости рассредоточились по всему двору-полянне, где вместо ограды — лес, а по периметру светятся высокие уличные фонари.

— Это я в прошлом году освещение здесь обеспечил, — хвастался под фонарем один из чинов окружившим его размалеванным женщинам, — гротесмейстер мне за это серебряную ленту пожаловал.

— Смотрите, смотрите: какое изящество, какая шикарная серебряная лента, — воскликнула одна из его собеседниц. Другие гости как один обернулись и дружно ахнули, и хором воскликнули: «Ах, какая лента!»

— Да где же все-таки этот ваш гротесмейстер, так не терпится его увидеть! — сказала сравнительно скромно одетая дама с кольцом в носу, ковыряясь в носу.

— А вы что, впервые на нашем маскараде? — поинтересовался лопухий мужчина, сексуально почесывая татуировку паука на лысине.

— Да, и что вы хотите мне в связи с этим предложить?

— О, премно-премное: вас необходимо соответствующим образом приготовить, позвольте это сделать мне.

— Приготовить? Чтобы я стала вкусной? — кокетливо засмеялась дама.

— О, вы и так вкусная, но станете ещё вкусней! Меня зовут Паук. Будьте моей Мухой!

Женщина с кольцом взяла Паука под руку, а направились они напрямиком в хату.

— Пойдемте, я вам покажу некоторые атрибуты... Чем вы занимаетесь в обычной жизни?

— Я? Хм, директриса средней школы. Такая скука, вы не представляете.

— Представляю! Мы с вами почти коллеги.

— О! Вы...

— Заведующий кафедрой в нашем институте. Тоже деток учу, только взрослых. Такая скука, ха-ха-ха... Ой, как же тут пройти?

Вход в хату преграждала довольно плотная группа ряженых представите-

лей местного бомонда, которых немало развлекал мужчинка в пышном женском платье и лосинах. Мужчинка совершенно не замечал, что над ним посмеиваются.

– Я заведу очень важным секретным ведомством, – чванно говорил он, – я не местный, я областной. Меня зовут Владислав Владиславович. Предупреждаю, если кто-нибудь из вас мне не понравится, я его посажу, хи-хи-хи... Вот вы, молодой человек с бубенчиком, да-да, вы, синеволосый! Вы выбрали ужасный цвет. Перекрасьтесь в оранжевый или, наконец, в голубой, иначе...

Силовик сплел пальцы в решетку и посмотрел сквозь них на синеволосого:
– Вот та-а-ак вам будет!

Из лесу вынырнул лимузин Барабаса, и все сборище торжествующе загалдело. Начальники с периферии стали подтягиваться к хате.

– Вот дьявол, как же я мог забыть, – выругался гроссмейстер, когда до хаты оставалось каких-то триста-четырееста метров, – П.С., что вы сидите, как на именинах? Корону!

Полина Сергеевна раскрыла свою маленькую дамскую сумочку и стала доставать из неё корону и другие причиндалы: мощную золотую цепь с медальоном и венчик для окропления водой, – предварительно вытащив оттуда садомазохистскую плеть, трусики с шипами, маленькие стальные наручники, большие деревянные кандалы и длинную, похожую на пулеметную, ленту презервативов.

– Просто мужчины их всегда забывают, – виновато пояснила она.

– Быстрее! – поторопил её Барабас. – А ты, Гриша – медленнее!

Полина Сергеевна плюнула на корону, подождала пока серноокислая слюна среагирует с грязью, протерла корону рукавом, сняла с гроссмейстера шляпу и взгромоздила на его голову с маленькими рожками драгоценный символ.

– Медальон! – скомандовал Барабас. – Где моя трость?..

Гриша заглушил мотор. Снаружи со всех сторон автомобиль обступили вопиющие в экстазе начальники. Барабас с трудом открыл дверцу автомобиля и с ещё большим трудом вышел наружу. Торжество началось.

– Ну что, Карга, все собрались, – обратился гроссмейстер к старухе, пока гости целовали ему руки. Эта фраза, очевидно, являлась частью ритуала, потому что старуха ничего не ответила, но только привстала со скамейки и вежливо поклонилась. У самой хаты на коротком поводке был привязан молоденький серый козленок. Барабас подошел и погладил животное.

– Не ущербный? – снова задал он риторический вопрос, а потом обратился к сборищу, – я вижу среди вас множество непосвященных.

– О, гроссмейстер, вот женщина, жаждущая новой жизни и новых должностей, позвольте мне приготовить её, – сказал завкафедрой, выбравшись из толпы и выдернув оттуда директрису школы.

– Это хорошо, брат Паук, что ты проявляешь активное участие в жизни городского истеблишмента. Надеюсь, ты знаешь, какое наказание тебя ждет,

если ты не оправдаешь оказанное доверие?

– Знаю, ваше великолепие.

– Хорошо. Если твое имя Паук, пусть нашу новую сестричку зовут...

– ...Мухой, если не возражаете.

– Что ж, иди братец и приготовь сестрицу Муху. Да как следует приготовь! Кто следующий?.. Если женщин уже не осталось, перейдем к посвящению в братишки.

Паук поволок Муху в хату, которая внутри оказалась довольно просторной. Стены главной комнаты были сплошь увешаны колдовскими атрибутами, посередине стояло широкое кресло, напоминающее трон.

– Одень-ка вот это, – сказал Паук.

– Это что, козлиная голова? – удивилась кандидатка в сестрички, – разве у козлов бывают такие большие головы?

– У больших козлов не только головы большие.

В окно глазели зрители.

– Неужели им интересно, как мы будем это делать?

– Здесь всем всё интересно. Ты только кричи погромче, когда это... ну, ты поняла!

Барабас подходил к кандидатам, те целовали ему руку, после чего гроссмейстер называл новое имя посвященного и ударял братишку тростью по темечку:

– Отныне имя тебе Крыса. А тебя будут звать, э-э-э... Чума.

– ...Залазь, залазь, – доносился из мазанки голос брата Паука.

– А если ты не справишься? – говорила Муха.

– Меня очень строго накажут, – отвечал братец.

– Что, оскопят? Хи-хи...

– Я те дам «хи-хи»! А ну, залазь на трон. Наклоняйся!

Гриша брызгал на кандидатов водой и громко говорил: «Да сбудется слово великого мастера, – после чего еле слышно добавлял, – темных дел».

Из хаты донеслись первые вожделенные стоны Мухи. Старуха, как бы невзначай, одним глазком заглянула в комнату и улыбнулась увиденному на все свои два зуба: Муха уже полностью взобралась на спину Паука.

– Да погоди ты, рано... Вот теперь – поскакали, – прокричал братец и запрыгал вместе с сестричкой вокруг трона, неустанно повторяя: «Абракадабра, абракадабр, абракада, абракад...» Муха в такт его топоту завывала: громко, чувственно и вожделенно.

– А тебе отныне имя – Вонючка, – окрестил Барабас последнего кандидата, но тот вдруг слезно запричитал:

– О, гроссмейстер, нельзя мне такое имя, вы же знаете, я – директор химкомбината. Не солидно!

– Дык ничего не могу поделать: твое имя уже записано на тайных скрижалях, – пожал плечами гроссмейстер.

– Вы все неправильно делаете, – раздался высокий мужской голос, и от сонма начальников отделилась стройная фигура Владислава Владиславовича. – И нечего смеяться! Я в свое время был старшим помощником магистра

и знаю, как проводятся подобные мероприятия. У вас здесь все не по уставу. Во-первых, гроссен мейстер, должен подавать для поцелуя не правую, а левую руку. Во-вторых...

Тут вдруг прокурор резко смолк и обеими руками прикрыл рот.

– Простите, Владислав Владиславович, – сказал Барабас, – мы тут все не расслышали, что «во-вторых». Вам не трудно будет повторить?

Глава областного ведомства силовых структур опустил руки и разинул рот, из которого вместо языка вывалился фаллос и... напрягся. Владислав Владиславович ринулся в одну сторону, в другую, потом разметал хохочущую толпу и устремился к своему фешенебельному автомобилю.

На пороге хаты появилась Муха и Паук. Раздались бурные аплодисменты. Начальники скандировали: ура!

– Поприветствуй их, – шепнул Паук Мухе, и она всем помахала ручкой, как вождь на мавзолее, отчего публика пришла в полное исступление. Паук набросил ей на плечи козлиные шкуры; Муха смутилась, ощутив прикосновение его рук, и по-девичьи прикрыла зардевшиеся щеки ладонями.

– Побрызгай на них, Гриша, – сказал Барабас и опять обратился к сборищу, – зажигайте факелы. Пора!

Владислав Владиславович не сразу сообразил, что его "Мерседесу" преграждают путь по крайней мере пять других автомобилей. Он в панике выскочил из машины, по-волчьи взвыл и поспешно скрылся в лесу.

– А ну, приведите сюда этого козла! – с надрывом прокричал Гриша. Начальники, окружившие черную женщину, расступились: она вела на поводке козленка. Гриша подошел к ней и взял животное на руки.

– О, великий гроссмейстер, кому вы доверяете жертвоприношение?

– Где наш глубокоуважаемый мэр?

Из толпы высунулась голова городского головы Йосифа Иосифовича Голзадика:

– Может, кто-нибудь из моих заместителей меня заместит? – заскромничал градоначальник.

– Не стесняйся, братец Йо-Ио.

– Эх, такая честь, такая честь! – покачал головой мэр и вышел из толпы полностью.

– Странная у тебя одежда, Йосиф Иосифович.

Мэр только плечами пожал, мол, ничего странного, обычный прикид металлста.

– Ладно, пойдет. Но в следующий раз придумай что-нибудь поэкстравагантнее, как сестричка Горгона, например (дама с обнаженными грудями гордо задрала нос – это о ней сейчас говорил Барабас), или, как Паук.

– Нельзя мне, как Паук, с татуировкой меня избиратели перестанут избирать.

– Не прибедняйтесь, ваше градоначальничество, кто вам слово скажет, вы же самый уважаемый человек в городе, – сказал Гриша и передал мэру жертву.

Тем временем в лагере мастеров «Анахроничного Илиона» собрался совет. У костра сидели не только судящие мастера, но и несколько играющих мастеров из числа старожилів ролевого движения.

– Ну что, толкиенисты, доигрались?! – сказал Приам, подойдя к мастерскому костру, – Елена сбежала. Ахилл убит. Игра провалена!

– Слушай, Сеня, выпей лучше эльфийского напитка, – ответил ему старший мастер. – Посмотри, Брисеида, там осталось?.. Дай Приаму, пусть тоже глотку продерет, может, заткнется.

Ролевичка поднесла царю тевкров подставку с несколькими лабораторными мензурками, в каждой из которых было граммов по двадцать разноцветной жидкости.

– Выбирайте, ваше тиранство, – съязвила дочь Брисея.

– Решили от меня избавиться? И в какой из них яд? – подыграл ей царь.

– Во всех. Хочешь сразу сандалии отбросить, выбирай синюю, – равнодушно сказал старший мастер.

– А может, я помучиться хочу, – возразил царь.

– Чтоб недельку покорячиться в адских муках, я бы вам посоветовала розовую, – улыбнулась любовница Ахилла.

– Кстати, это новинка игры, любовный напиток искусительницы Брисеиды, – пояснил второй мастер.

– Тогда... я передумал, давай синюю, – сказал Приам и залпом осушил поданную мензурку. Пару секунд после этого он стоял недвижимо. Лицо его побагровело, затем позеленело и покрылось фиолетовыми пупырышками. Но только лишь после того, как щеки Приама раздулись, как воздушные шары, а глаза вылезли из орбит, он открыл рот и изверг душераздирающий вопль, который слышали даже у хаты-мазанки.

– Что, уже началось? – ужаснулся Гриша, спрятавшись за спиной Барабаса.

– Да это ролевики развлекаются, – возразил гроссмейстер и энергичным шепотом добавил, – ты что же бубен бросил? Давай, Гриша, зажигай!

И Гриша зажег: что есть сил он забил в ударный музыкальный инструмент. Заместители мэра задули в дудочки, П.С. зазвонила в звоночки, и процессия начальников двинулась вприпляску по наезженной дорожке. Их целью был полуразрушенный террикон, возвышавшийся на другом берегу реки.

У мастерского костра на вопль Приама никто не отреагировал. Разве что не допевший свою песню дрозд, что замертво свалился к ногам илионского царя.

– Чего вы туда намешали? – просипел Приам, возвращая девушке лабораторный сосуд.

– Вам же сказали, ваше величество, эльфийский напиток. От закупорки мозгов.

– Я ж говорю: толкиенисты!

– Ещё раз оскорбишь, Сеня, – теперь уже вполне серьезно сказала Бри-

сеида, – заставлю выпить гоблинский.

– Вечно ты отрываешься от коллектива, царь Приам, – пожурил Сеню старший мастер. И только сейчас царь тевкров обратил внимание на то, что каждый сидевший у костра держит в руках мензурку с тем же напитком.

Старший мастер встал, все члены совета тоже поднялись.

– Здраве буде! – сказал мастер.

– Гой еси*! – хором ответили остальные и разом опустошили мензурки.

Листья на березе, под сенью которой проходило ритуальное поглощение эльфийского напитка, все до одного дружно осыпались.

Между начальниками с факелами туда-сюда шнырял Гриша и рьяно удалялся в бубен, Полина Сергеевна со звоночками еле за ним попевала. Она щеголяла в том самом синем платье, что и утром, но теперь оно имело три широких выреза, откровенно демонстрирующих самые пикантные части тела. Черная карга, несмотря на возраст, от процессии не отставала, мало того, она шагала с большим медным тазом в руках, куда начальники и начальницы щедро сыпали деньги и драгоценности. Когда донесся бешеный ор совета Илиона, бубен снова смолк.

– Вот теперь точно началось! – молвил Григорий.

– Идиот! – вздохнул гроссмейстер.

Старший мастер вылил оставшиеся в мензурке капли эльфийского напитка в костер. То же сделали и остальные члены совета, и огонь заиграл, переливаясь волшебными красками.

– Пошла игра! – спокойно сказал мастер. Только этого от него и ждали. Даже Приам все понял и, сорвавшись с места, как сумасшедший рванул в Трою. Играющие мастера были уже у своих отрядов, когда глашатай затрубил в рог. Это означало, что долгожданный вынос начался.

Сборище начальников продефилировало через лесную просеку и, взобравшись по скрипящим деревянным ступенькам на шаткий пешеходный мост, успешно преодолело реку. И хотя доски на мосту были положены оригинально – вдоль, а не поперек – и между ними зияли щели в кулак толщиной, никто из начальников не прекратил пляс.

– Правый фланг, сомкнуть ряды! – заорал Агамемнон, стоя на импровизированной колеснице.

Войска греков окружили стены Илиона.

– Лучники! – скомандовал Гектор и махнул рукой, после чего на правый фланг неприятеля обрушился шквал стрел.

Гриша ещё жарче забил в бубен. Участники маскарада совсем немного прошли вдоль правого берега и вскоре добрались до старой заброшенной шахты, рядом с которой возвышался осиротевший, осыпавшийся, поросший

* **Гой** — древнерусское слово, имеющее значения, связанные с жизнью и животельной силой. В словаре Даля *гойть*, значит, *говеть*, *жить*, *здравствовать*. *Гой еси*, как и *здраве буде*, – приветствия с пожеланием здоровья.

травой и кустарником террикон. Это и была заветная лысая гора всех руководителей города Ру, место великих жертвоприношений.

– Налегли на бревнышко, па-ашли! – скомандовал Одиссей, чьи отряды атаковали ворота.

– Смолы тебе горячей, а не Трою, лей, ребята! – прокричал Эней, и на головы атакующих полилась кипящая смола, роль которой выполняла студеная вода из речки.

– Григорий, жертвенник готов? – спросил Барабас.

– Га-атов, ваше великолепие!

– Тогда вперед! – скомандовал гроссмейстер, и начальники двинулись к вершине террикона.

На левом фланге греческие воины расступились. Несколько человек крепко держали длинный шест. На другом конце к нему был привязан за пояс воин в дорогих бронзовых доспехах – Малый Аякс. Ахейцы с шестом разбежались, и Аякс зашагал по стене Трои, как по земле. В него летели стрелы и дротики, но у ахейца было много хитов и, ловко орудуя двумя мечами, он существенно проредил ряды защитников города по всему левому краю, прежде чем те достали его длинным копьем.

Под котлом на терриконе завывал от ветра костер. Начальники произносили заклинания, и то была отнюдь не абракадабра.

– О, Великий Черный, помоги мне стать ректором института, – шептал братец Паук.

– О, Великий Черный, помоги мне стать директором школы, – шептала сестричка Муха.

– О, Великий Черный, помоги мне стать мэром, – шептали помощники мэра.

– О, Великий Черный, помоги мне стать народным депутатом, – шептал сам мэр.

– ...гроссмейстером, – сказали разом П.С. и Гриша и переглянулись. «Не слишком ли громко я говорю», – можно было теперь прочесть на губах обоих.

– Да удастся наш дьявольский план! – сказал Барабас, зачерпнул магическим кубком кровь из кипящего котла и передал кубок по кругу.

Главные ворота Илиона треснули пополам от очередного удара стенобитного орудия, и данайцы с победоносными криками ворвались в город.

Мэр города Ру сделал глоток из кубка и передал драгоценный сосуд Барабасу. Гроссмейстер отпил последним и вылил остатки крови в костер, и тут же в стальную треногу с котлом ударила черная молния.

– Троя пала! – объявил Агамемнон и поднес факел к сложенному у стен города хворосту. Огонь нежно лизнул сосновые бревна, чуть сник – казалось, вот-вот погаснет – а потом запыхал все жарче и жарче и за считанные секунды охватил все игровое сооружение.

Круг начальников расступился. В центре, там, где все ещё горел костер, земля, то бишь горная порода, раскалилась до красна, и вскоре костер с котлом провалились в разверзшуюся дыру. Начальники расступались все шире и шире; дыра становилась все глубже и глубже. Из нее полетели искры, затем вырвался смрадный дым вперемешку с сажей, и через несколько мгновений, дым валил столбом, уходя высоко-высоко в черное небо. Вместе с дымом из чрева террикона вылетел сонм мерзких крылатых тварей. За ними, не поднимаясь над землей слишком высоко, летели воздушные и огненные джинны*, инкубы и суккубы, ползли бесы и черти, земляные и водяные шайтаны.

– Гой, гой, гой! – радостно закричали ролевики, и Троя запылала во всю силу.

– Гой, гой, гой... – отозвался эхом дремучий лес.

XII. Нашествие

Сумерки сгустились, и на западе города Ру возшло сияние. Клочья багровых облаков вскипали и поднимались протуберанцами, как будто закопченное небо отражало клокочущую магму адских рек. Атиша наблюдал сияние через узорчатое церковное окно.

Пол, стены и даже иконы храма были украшены зелеными веточками и травой. Великая вечерня уже закончилась, но люди из храма не уходили. Они крестились, молились, ставили свечки.

– Что это ты, прихожанин, стоишь в святом храме и не крестишься, – обратился к Атише священник, – иль ты не христианин?

– И христианин тоже, – ответил демиург, обернулся к алтарю и отбил крест с поклоном.

– Как это: «и христианин»? Женщина или беременна или не беременна.

– Так то ж женщина, отец Никодим!

Они говорили громко, что привлекало внимание прихожан. Люди оборачивались, но тут же недвижимо замирали, зачарованные небесным сиянием за окном.

– Ты речешь, как лукавый, – продолжал батюшка.

– Разве Бог не один для всех? – отвечал ему демиург. Но отец Никодим смотрел уже не на него, а на десятки своих прихожан, чьи зрачки, как маленькие зеркала, отражали небесную аномалию. Священник глянул в окно и...

– Знамение! – молвил он замороженным голосом.

– Это *не то*, о чем ты подумал, святой отец, – предупредил его Атиша.

– Так Дух Святой, по обетованию Спасителя, сошел в этот день на апостолов в виде огненных языков, в знак того, что имеет силу опалить грехи и очищать, освящать и согревать души, – сказал Никодим, – если ты ещё не знаешь, прихожанин, сегодня Пятидесятница, Троица Святая... О, Господи, да как же я сразу не догадался: ты-то и есть лукавый!

* **Джинны** – (миф.) существа из арабской мифологии, шайтаны. Здесь рассматриваются джинны четырех видов: водяной – силат, земляные – кутруб и гуль (женск.), огненный – ифрит, воздушный – марид.

– Эх, отец Никодим, ты не только ослеп, но и рассудка лишиться: что ты такое говоришь!

– А то и говорю: изыди, сатана! – гневно сказал священник и громко прокричал, – знамение!

Несмотря на то, что час земных поклонов ещё не пробил, он пал на колени на устланный травой пол, неистово молясь Вседержителю.

Но прихожане, вместо того чтоб обратиться к Богу, как их пастырь, устремились к выходу, топча и подминая друг друга, будто на Ходынке. Каждому хотелось посмотреть на сияние во всей его красе, а это было возможно только за пределами храма.

И тут Атиша услышал громкий хохот. Демиург горнего мира поднял глаза и увидел фантом Барабаса, который вытянул толстый бумажник, достал несколько хрустящих купюр и сунул их в жертвенный короб с надписью: «На нужды прихода».

– Тебя подвезти? – предложил фантом и снова рассмеялся.

Городское гуляние продолжалось. Людей на улицах было куда больше, чем днем. Центральный проспект Ру заполнился горожанами от края до края. Атиша шел навстречу людскому потоку.

Некоторые люди по-прежнему прикрывались носовыми платочками, но большинство из них уже привыкли к зловонию и дышали на полную грудь. Горожане то и дело оглядывались на запад, после чего ускоряли шаг, стремясь побыстрее выйти на центральную площадь, откуда аномальное сияние было видно во всей своей красе, но никто из них не замечал другого явления: в небе парили черные тени адских тварей.

То были гарпии, гадкие творения, похожие на огромных летучих мышей. Некоторые из наделенных духовным зрением людей, которым удавалось их увидеть, утверждают, будто их тела похожи на женские, но такие сравнения конечно же абсурдны, ведь женщины так прекрасны!

У гарпий были длинные, как у хищных птиц, когтистые лапы. Их чуть продолговатые чешуйчатые морды в форме вареника выглядели абсолютно безобразно.

Атиша глянул на изъязвленное небо с грустной улыбкой и удрученно вздохнул. Демиург старел на глазах. Его борода полностью поседела. Он с трудом выбрался из сумасшедшей толчеи и попытался найти безлюдное место.

Гарпии долго присматривались к постоянно движущемуся людскому потоку и о чем-то эмоционально клекотали. Затем одна из них отделилась от стаи, сделала в небе маневр и бросилась на скопление людей. То, что видели сверху её сородичи, вызвало у них гогочущий смех (смеялись твари также мерзко, как и выглядели). Толпа горожан была охвачена яркой общей аурой. Здоровая энергия отдельного человека представляла для гарпий непробиваемый щит, а тут – огромная масса людей, которых поглотили положительные эмоции: сильные и колоритные, вплоть до эйфории. И все же, в свечении человеческой массы наблюдалась небольшая брешь – еле заметное сияние грязно-коричневого цвета, тонкое, как яичная скорлупа.

Сие тусклое свечение источала небольшая группа молодых людей, которые никуда не двигались и ничего вызывающего не вытворяли, разве что пили пиво. Они вообще, стояли осторонь, но отличались от других кто кичевой надменностью, кто пассивным сарказмом. Об отношении этих молодых людей к согражданам красноречиво свидетельствовало безрадужное выражение их очумелых глаз. На эту группу и бросилась крылатая тварь.

И вдруг, людской поток сместился, накрывая энергетическую дыру положительной энергией, и произошло это именно в тот момент, когда тварь выпустила когти и почти уже настигла свою потенциальную жертву. Гарпия не успела сманеврировать и чиркнула лапами по энергетическому щиту так, что аж искры пошли, не удержалась в полете и беспомощно рухнула на площадь, где её и затоптали ничего не подозревающая толпа.

Стая черных теней угнетенно зашумела. Но тут от неё отделилась еще одна тварь, которая безо всяких маневров, как мессершмитт, вошла в пике и устремилась к почти безлюдной аллее, пролежавшей через городской сквер. Целью гарпии был двадцатилетний паренек, который ссорился с девушкой.

Паренек говорил, эмоционально жестикулируя. По еле рдеющему свечению было видно, что его защитная энергия иссякла.

Гарпия расправила крылья у самой земли, выставила свои длинные когти и вырвала из его груди крохотное беззащитное энергетическое творение, его маленькую дживу, его сокровенную душу.

Молодой человек только и почувствовал, как в груди его что-то сильно кольнуло. Окончательно разочарованная разговором девушка, пошла от него прочь. Парень скорчился от боли и обессилевший сел на скамейку. Однако боль продолжалась недолго; через пару мгновений он судорожно вздрогнул и как будто бы воспрял: вроде попустило. Но спустя какой-то миг, за его спиной практически из-под земли выросло темное существо. Оно было почти бесформенным, как будто сложенным из земляных комьев. Это был кутруб, земляной джинн. Шайтан разбежался и запрыгнул внутрь тела молодого человека, как пилот в кабину истребителя, после чего уже ничем не проявлял себя внешне, разве что глаза паренька выдавали неестественным блеском присутствие в нем некой дьявольской сущности, чем, право, в наше время вряд ли кого-то можно удивить.

Атиша наконец-то нашел безлюдное место и присел на скамейку в парке. Пора было вызывать замок-дворец. Посоха у него не было, и, чтобы вызвать Лорем Ипсум, нужно было произнести его полное имя.

– Lorem Ipsum Dolor Sit Amet, Consectetur Adipiscing Elit... – прошептал старик хриплым голосом, но тут услышал голос молодого человека:

– Здравствуйте. Не хотите ли побеседовать о Боге?

Атиша поднял глаза и увидел перед собой трех молодых людей с брошюрками в руках.

– Мы проповедники из церкви «Победа».

– Да уж, вы, как всегда, вовремя, – попытался улыбнуться демиург, – побеседовать о Боге? Нет, не хочу.

– Это почему же? – удивилась юная протестантка.

– Потому что Он есть путь, любовь, непознаваемое, и любые слова искажают наше представление о Нем. В Него надо просто верить. Его надо просто любить...

– Ну и сколько можно тебя звать, Энио! – громко сказала Инна, и лешие, с которыми играла её душа, стали прятаться. Но куда? Пней-то не было! И духи леса дали стрекоча.

– Не бойтесь, это свои! – прокричала джива, но леших и след простыл. – Ну вот, даже не попрощались...

– Энио, мы с тобой – одно целое. Нам друг без друга – никуда, – молвила Инна.

– Инночка, но мне так хотелось получить опыт!

– Потянуло к природе?

– Угу, – кивнула в ответ душа. Инна положила свой небольшой рюкзак и фонарь Барабаса на землю, а сама присела на бревно и протянула перед собой ладонь, на которую и опустилась Энио.

– Я сегодня проиграла поединок. Мои чувства, внимание и реакция, как бы выразиться... работали вполсилы. Понимаешь?

– Угу, – снова сказала Энио, – надо было позвать кого-то из драконов: Джонги, Ранхи, Эрхариурза или Хорха, тогда бы ты стала непобедимой!

– Вот, а управлять драконами можешь только ты... Подожди, ты что же, имена им дала?

– Да. Ведь они такие славные!

– Интересно. Джонги это дракон эмоций, та красная клякса?

– Угу. Вообще-то он был красным, а теперь стал белым, хм, не знаю почему, – пожала плечами Энио, – после того, как ты его усмирила.

– Не я, а мы!

– Угу.

– Хорошо. Ранги...

– Ранхи, – поправила Энио, – черная бабочка, помнишь?

– Ещё бы!.. Дракон воли – Эрхарз...

– Эрхариурз. Ты его не видела, он такой любитель поспать!

– Дракон лени?

– Да нет, – рассмеялась Энио, – его место там, где весы были.

– Дракон логики и воображения.

– Ага. Он такой милый, красивый, лазурный!

– А Хорх, кто такой?

– Ой, – махнула рукой Энио, – этот самый капризный и самый прозрачный.

– А где его место?

Энио в ответ пожала плечами:

– Мы его, по-моему, не приручили. Иногда этот прозрачный меня так раздражает, я от него куда только не пряталась! Он всюду меня находит и пугает... А иногда – слушается.

– Инна-а-а! – заукал Копростасис, кружа над лесом.

– Ой, опять этот шалопутный. Пойду-ка я домой, – поспешила сказать Энио и скрылась в грудном чакраме.

Кьюнг летел очень низко, опустился он на пару сантиметров, так и задел бы верхушки сосен.

– Не дал нормально поговорить, – расстроено молвила Пинцова.

Кьюнг, казалось, её заметил, потому что тут же опустился вниз и сел на другом конце бревнышка.

– Инночка, деточка, где ты? Ау!!! – снова закричал он во все кьюнгово горло.

– Издеваешься? Я рядом.

– Я тебя не вижу.

– Да перед самым твоим клювом, Копруша!

Кьюнг по-птичьи резко повернул голову влево и, увидев перед собой Инну, радостно рассмеялся:

– Ой, я тебя не приметил. Как это забавно!

– Очень весело!

– Честное слово, я тебя так искал, так искал...

– Ты на вынос ходил, то есть летал смотреть?

– Да, ведь настоящее взятие Трои я в свое время пропустил. Так интересно!

– Нашел своего героя-защитника?

– Нет. Меня по-прежнему из людей никто кроме тебя не замечает. А с тобой-то что?

– Просто перехотелось играть. Знаешь, как у нас девушек, хотелось-хотелось и – перехотелось.

– Это-то понятно.

– А что непонятно?

– Как что, зачем ты в драку полезла?

– Доказать хотела.

– Что ты не женщина?

– Да что говнюк он, понимаешь!

– Кто, Ахилл?

– Да, что я не женщина.

– Теперь я даже больше скажу: ты не просто женщина, а воплощенная женственность!

– Во загнул!

– Ага. Твоя джива почти идеальна.

– Ты ее видел?

– Да так, мельком. Но этого достаточно. Такое впечатление, что она побывала в неземных мирах, но почему-то снова вернулась в порочный земной круг.

– Зачем?

– Есть карма, которую можно отработать только на определенной планете. Будь осторожна, не загрязни её в нынешнем воплощении.

– Что ты имеешь в виду: мои ролевые игры, турниры, фехтование?

– Нет. Это всего лишь игры. Я имею в виду обычную земную жизнь.

- А вдруг, всему виной не карма, а какая-то миссия?
 - Не думаю, что ты аватара. Я догадываюсь, к чему ты клонишь, но ты женщина и вряд ли можешь стать демиургом. И защитником города Ру быть не можешь... Да не печалься ты! Тебе ещё будет, кого творить и защищать.
 - И кого же, интересно?
 - Своих детей. Только через творчество можно очистить карму. А для женщины творчество – это её дети.
 - Что ж, я тебя хорошо поняла.
- Инна взяла фонарь в одну руку, рюкзак в другую, встала.
- Проводишь меня на дизель, Копри?
 - На какой ещё “дизель”?
 - На пригородный дизель-электropоезд. Не пешком же мне домой идти!
 - Значит, поедем, – согласился кьунг.
- Копростасис сел Инне на плечо, и они пошли по тропинке.
- Солнце село, в лесу стемнело, – грустно вздохнула зверо-птица.
 - А у меня фонарь есть, – ответила Инна и включила свет.
 - Да он нам не сильно-то и нужен. То есть мне. То есть я не о том.
 - А о чем?
 - Барабас уже распечатал террикон, а защитника у нас нет. Может, Атиша кого-нибудь нашел?
 - Атиша – это твой друг?
 - Ага!
 - Тоже кьунг?
 - Нет, он демиург.
 - Но одного демиурга недостаточно, так я понимаю?
 - Он демиург горного мира, неземного, он не может решать проблемы людей...

Энио вернулась в долину цветов и загрустила.

Здесь, конечно же, было очень красиво.

Вдали виднелись горы – совершенно обычные, похожие на пирамиды из сахара, они, как и подобает горам, то таяли под солнцем, то росли вновь, а то и просто исчезали.

У подножия гор брала исток река. Её течение причудливым серпантинном огибало холмы и скалистые возвышенности. Река то и дело меняла своё русло, но за то время, пока Энио её рассматривала, ни разу не пересохла. Река впадала в небольшое озеро. Раньше озеро могло разлиться на всю долину и стать огромным, грозным, опасным; на нем могла в одно мгновение подняться буря, а затем – в одночасье стихнуть. Но после того как Энио с Инной успокоили дракона эмоций, на нем не произошло ещё ни одного шторма.

В долине было много больших и маленьких рощ, она была сплошь усеяна цветами и кустарниками, имеющими форму разных зверей и птиц. Да, здесь было очень красиво, но эта красота Энио сейчас не радовала.

Джива парила над долиной, собирала цветы и грустно вздыхала:

– Как жаль, что здесь нет ни леших, ни кикимор, ни фей, ни русалок, мне с ними было так хорошо... Ой, зачем же я порчу природу!

Энио стала вставлять сорванные цветы обратно в почву.

– А что, если всех моих друзей взять – и сюда пригласить? – появилась у нее мысль, – а что, хорошая идея. Нет, не хорошая, а замечательная! Надо только создать для них лес, похожий на тот, в котором они живут, и речку... Эрхариурз! Эй, Эрх, у меня к тебе дело, просыпайся.

Дракон не отвечал, поэтому Энио позвала его ещё раз, ну, очень громко. Рядом успел вырасти, отцвести, дать плоды и осыпаться куст шиповника, прежде чем ей ответили.

– Вот ты, беспокойство ходячее, что случилось? – раздался голос невесть откуда.

– Лети сюда, мне нужна твоя помощь, – объяснила Энио, втыкая в землю последний сорванный цветок.

– Отстань, я сон хочу досмотреть!

– Эрх, ты и так постоянно спишь. Телепартируй свой толстый э... хвост сюда!

В воздухе раздался хлопок, и из пестрого облачка разнозаряженных частиц выпорхнуло весьма симпатичное существо о двух головах на длинных и тонких, похожих на трубочки для коктейля, шеях. Туловище и раздвоенный хвост дракошки были весьма массивными.

– Привет, – сказал лазурный, – давно не виделись!

– Эрх, надо придумать лес.

– Во дает! Тебе что, лесов не хватает? Сплошь и рядом лесные массивы на любой вкус, смотри...

Дракон щелкнул раздвоенным хвостом, в воздухе возникла панель типа плазменной и Эрхариурз начал видео-экскурсию по лесам.

– Вот тебе лиственный лес, – сказал он, – вот – тайга, вот тебе – джунгли...

– Подожди, Эрх, – перебила Энио, и на экране появился другой видеоряд: тот же лес и та же река, где она сегодня резвилась с лешими и кикиморами. – Смотри, здесь живут мои друзья.

– По-моему, никаких отличий, – стали рассуждать левая и правая драконьи головы, – ну да! Лес такой же, только смешанный. И река у нас есть. О, нашел отличия: много старых трухлявых пней и мусор повсюду разбросан.

– Вот мусорить как раз и не надо, – предупредила Энио, – а пни... Эрх, пенечки очень нужны: за ними знаешь, как можно прятаться! Сделай побольше пней, мы в прятки играть будем. И вообще, коряги там всякие, веточки сухие, листочки завядшие убирать не надо. А то лес получается неживой, искусственный. И ещё, можно сделать так, чтобы речка текла себе и текла по одному руслу и не пересыхала, а цветы и деревья росли не так быстро?

– Я думал, так забавней!

– Забавней. Но моим друзьям такой лес не подходит. Им стабильность нужна, без всяких там перипетий. И сделай, пожалуйста, новый лес в другом подпространстве, не надо все тащить в долину цветов, у нас столько миров пустует!..

Но тут вдруг долину цветов затрясло.

– Землетрясение, – констатировали драконьи головы.

– Это ещё что, неприятности? – встревожилась Энио. Но не успела она договорить, как землетрясение повторилось с куда большей силой. – Ого-го: серьезные неприятности! А ну, Джонги, Ранхи, Хорх, все ко мне!!! Ну где же вы, дракошки!..

– Что-то не так, – сказала Инна, почувствовав беспокойство, и остановилась.

– Да это ветер шумит, – успокоил её Копростасис.

– Тише, Копри, помолчи!

Атман сел на трон в Храме Мандалы, под главным куполом засиял ровный немеркнущий свет. По всем чакрамам Инны пролетела маленькая звездочка, и они раскрылись, как бутоны огненных цветков. Инна переключила фонарь в режим направленного луча, её правая рука легла на рукоять игрового меча.

– Говорю же, это просто ветер, – уверил её Копростасис, но в тот же миг Инна резко присела. В нескольких сантиметрах над её головой мелькнули острые когти. Копростасис не заставил лишний раз о себе беспокоиться: в долю мгновения он надежно замаскировался в ветвях огромного ветвистого дуба метрах в сорока от Инны.

Инна вскочила на ноги, развернулась, отбросила Барабасов фонарь в сторону: его свет сейчас только мешал. Она вытащила меч из ножен и приняла боевую стойку.

Все драконы стояли по местам – с четырех сторон от Энио, парившей в центре долины цветов.

– А ну-ка, дракошки, дайте жару! – скомандовала джива.

Первым был Джонги. Похожий на огромную белую тучу, он раскрыл пасть и изверг... не огонь, но раскаленный пар, и все шесть Инниных чувств обострились до предела. Она теперь ловила малейшее дуновение ветерка и чувствовала вкус любой из его молекул; она видела тончайшую паутинку на самой высокой веточке самого отдаленного от нее дерева; она обоняла все запахи леса, могла различить самый громкий звук, самый тихий шорох на расстоянии километра; она ощущала цвет мыслей Копростасиса, дух каждого из деревьев, намерения каждого животного далеко за пределами всего, что могла сейчас увидеть глазами.

Вторым был Эрхариурз. Правая голова дракона извергла ярко-желтый огонь, и Иннино воображение свело все шесть чувств в единую композицию, в целостную трехмерную картину. Левая голова выдохнула синее полымя, и сознание стало работать в сотни раз быстрее, отчего Инне показалось, будто время замедлилось.

Наступил черед Ранхи. Дракон-бабочка стал огромным и закрыл полнеба. Он махнул своими легкими крыльями – раз, два, три, – и по телу Инны прокатилась ровная горячая, но не обжигающая, волна; все её мышцы сделались упругими и эластичными, Инна взмахнула мечом – раз, два, три, – он был теперь легким и податливым, меч стал продолжением её руки.

И вот пришла очередь четвертого дракона.

– Хорх, – сказала Энио с необыкновенной вежливостью в голосе, обращаясь к едва заметному, почти абсолютно прозрачному, похожему на птеродактиля существу, – все наши миры могут погибнуть, если ты этого не сделаешь.

Хорх послушался и... запел. Его ровный, волшебный голос был необыкновенным. На этот раз Инне трудно было объяснить свои ощущения. Ей показалось, что голос прозрачного дракона сейчас слышит вся вселенная. Она испытывала полную доброжелательность к миру, и это было взаимно.

– Эй ты, ракалия преисподняя, слышишь меня? – сказала Инна громко, – я ничего не имею против тебя и не хочу причинить тебе вреда. Но если ты нападешь, я порублю тебя на фарш.

Но тварь посчитала, что Инна проявляет слабость и...

Рваной волной по лесу прокатился её страшный вопль. Смрадный ветер дунул Инне в лицо, он нес угарный пепел и зловонный гной. Сквозь толщу пепла Инна увидела большие кровавые глаза, а потом – и голову чудища.

Облик адского существа нельзя было назвать страшным, он был омерзительным до ужаса. Адская тварь приближалась к Инне, как в замедленном кино, но не плавно, а прерывисто. Инна видела все в черно-белых тонах.

Из ноздрей чудище выпустило огонь, но Пинцовой он никак не повредил: её энергетический щит был сейчас прочнее стали. Тварь выставила когти и замахнулась своим убийственным оружием – хвостом, по форме напоминающим меч. Инна взмахнула скъявоной и отрубила кончик хвоста; она кувыркнулась вправо, встала на колени и разрубила брюхо твари до самой клоаки.

Адское творение бездыханно рухнуло у того самого дуба, в ветвях которого прятался Копри. Из брюха чудища на траву брызнула кровь едко-зеленого цвета, источая зловоние.

Кьюнг наблюдал бой не в замедленном, а в реальном времени.

– *Vipera gladio armatus*, змея, вооруженная мечом, проще говоря, виверна* мечехвостая. Разновидность большой летучей гадюки, – сказал он, все ещё не решаясь выбраться из засады.

– Пойдем отсюда, Копри. Эта гадина такая вонючая! – спокойно сказала Инна.

– Постой, что у тебя в руках? – удивился Копри.

– Меч, – пожала плечами Инна.

– Какой меч?

– Скъявона.

– А у тебя был греческий ксифос. Это меч... э... с ума сойти, – заорал Копростасис и чуть не свалился с дерева, еле успев зацепиться за ветку когтями.

– Копри, ты же летать умеешь, – сказала Инна.

* **Виверна** – (миф., от англ. *Vyvern*, восходит к лат. *vipera* – гадюка) разновидность дракона, летучая змея, в отличие от классического геральдического дракона имеющая только одну, заднюю пару конечностей, а вместо передней – перепончатые крылья.

– Действительно! – согласился кьюнг и завис в воздухе, размахивая крыльями, как колибри, пьющая нектар.

Инна глянула на свой меч с корзинчатой гардой: то был действительно меч Энио. Но тут чакрамы закрылись, и скьявона снова стала игровым ксифосом.

– Ой, что же это я, надо же срочно сообщить об этом Атише... Стой здесь, никуда не уходи, я скоро.

– Ну да, буду я тебя тут всю ночь ждать, размечтался... погоди, кьюнг. Как приручить прозрачного дракона?

– Запасись терпением! – только и ответил Копростасис.

– Спасибо, что на поезд проводил, – крикнула ему вдогонку Инна и тихо шепнула, – и тебе спасибо, Энио!

– Сама себя уже благодаришь? – рассмеялась душа, вкладывая меч в крохотные ножны, – фонарь не забудь.

Атиша все ещё сидел в парке на скамейке и терпеливо выслушивал проповедь молодых людей, мудро разглагольствующих о прописных истинах, когда подлетел Копростасис и сел ему на плечо.

– Почему вы называете нас интерпретаторами? – обиженно вопрошал один из собеседников.

– Потому что все пророки говорят правду, а их интерпретаторы – лгут, – отвечал ему Атиша.

– И что же говорят пророки? – спрашивала у него девушка с брошюрой.

– Что Бог один для всех и всего. Что нужно перестать перекладывать вселенную, ибо совершенно то, что Он создал, и ущербно то, что делает человек, который зашел в своем сознании слишком далеко и застрял в круге вечной смерти.

– А интерпретаторы?

– Что существует некий, одним им ведомый Бог, которого все должны принять беспрекословно. А иначе Он их не примет. Все интерпретаторы ослеплены чувством собственной значимости и иллюзией непогрешимости. Им не дано постичь отвлеченные образы и все, что не разумеют, они именуют ложью. Это фанатики, которых нижние слои используют для утверждения на земле демонической власти.

– Но мы хотим помочь вам спастись, – сказал парень.

– Сначала помогите себе.

– Но только через Иисуса можно прийти к Богу. А Иисус – это любовь.

– Так и идете через любовь!

– Если вы придете в нашу церковь, ваше представление об Иисусе изменится, – сказал проповедник.

– Опять двадцать пять, – махнул рукой Атиша. Он понял, что юноша неисправимо запрограммирован на монолог.

– Когда я пустил Господа в свое сердце, жизнь моя стала другой, – восхищенно сказал молодой человек.

– Фуф. Еле нашел тебя, демиург. Все, Атиша: есть защитник! – отдышав-

шись, сообщил кьюнг.

– Молодец. Теперь, я надеюсь, город спасен... А я, видишь, постарел. Помоги мне вызвать Лорем... Ты его нашел среди ролевиков? – сказал Атиша.

– Нет, – возразил проповедник, – мне явился образ Девы Марии.

– Да. Но не его, а её, – уточнил Копростасис.

– Она женщина? – удивился Атиша.

– Не женщина, но дева, Святая Дева, непорочная! – продолжал молодой человек.

– Девушка, – уточнил кьюнг.

– Да уж, пути Господни неисповедимы: такое случается раз в триста лет, – молвил демиург.

– Приходите к нам в церковь на проповедь и вы узнаете больше о Спасителе, – не унимался юный пастор.

– Замолчи, – приказал ему Атиша, после чего протестант встал, как заколдованный, и больше не проронил ни слова, как, впрочем, и его спутники.

– Ты бы видел, как она расправилась с виверной! – продолжал Копростасис.

– Она убила змия? Ты не должен был этого допускать. А если демоны против неё ополчатся! Эх ты, запорщик!

– Меня уже сегодня так называли. Все. Пора фамилию менять, – сказал Копростасис.

– Слышал поговорку: «Каждый кьюнг заслуживает своего имени»?

– Я же тебе объясняю, она виверну одним махом – чик!.. Я тебе сейчас подробно все расскажу. Мы познакомились в лесу. Она...

– Слушай, кьюнг, ну дай дойти до... до трапа, а! Пойми, нет никаких сил тебя слушать.

– Молчу. А Инна знаешь, как меня называет? Копри, Копруша, Копрушенька, не то, что ты: за тысячу лет ни одного уменьшительно-ласкательного обращения.

– Вот неугомонный. Ты вообще когда-нибудь молчишь?

– Конечно! – многозначительно сказал кьюнг, – когда сплю.

– Ты вызовешь Лорем или будешь пустословить?

– Ах, ну да... Lorem Ipsum Dolor Sit Amet, Consectetur Adipiscing Elit. Duis Pretium Justo In Enim Semper Hendrerit. Fusce Dolor Orci... – сказал Копри и над ночным парком засиял горний свет и выросла радуга.

Демиург с трудом встал на ноги и ступил на светящуюся дорожку Лорем Ипсума.

– Понимаешь, я тоже думал, что это невозможно, но...

– Даже в этом мире нет ничего невозможного. Как, ты сказал, её зовут?

– Инна.

– Да, изначально это было мужское имя.

– Вот доставлю тебя домой, пойду к своей Инночке. Интересно, где она сейчас? – вздохнул кьюнг.

Молодые проповедники, глядя, как столетний старик поднимается по самодвижущейся дорожке в направлении неопознанного летающего объекта,

так и остались стоять в парке в полнейшем оцепенении до самого утра, а может и дольше. Что с ними произошло в дальнейшем, никому не известно: их, как и кьонга, в городе Ру почти никто не замечал.

XIII. Конквистадоры

А Инна в этот момент ехала в пригородном поезде. И так как ехать было недалеко, Пинцова стояла в тамбуре. Она была в глубокой задумчивости и даже не заглянула в салон. Поезд остановился на очередном полустанке, и в вагон поднялся критически пьяный мужчина. Нетрезвые пассажиры здесь не были в диковинку, и Инна не обратила бы на него никакого внимания, если бы не одно обстоятельство: на шее у мужика сидел *черт*.

– Привет! – весело сказал рогатый, обращаясь к девушке, – ну и денек сегодня выдался, да? Аж пот ручьем.

– Привет, – ответила Пинцова и по-американски улыбнулась нечистому.

– Давай, пошевеливайся Вениамин Валерьянович! Ох, не следовало тебя так поить, переборчик вышел...

Черт лупанул копытами, как шпорами, в бок осоловелого мужика, того качнуло вправо, развернуло влево, наконец, несчастный пьяница ухватился таки за ручку выдвижной двери, успешно открыл последнюю и, аккуратно вписавшись боком в дверной проем, левым галсом вошел в салон. Он продефилировал к единственному свободному сидячему месту и, к удивлению всех, никого не задев, сел на деревянную скамейку. Тут-то Инна и обратила внимание на пассажиров: кроме людей в салоне дизеля-электропоезда сидели нелюди – красномордые козлобородые черти, свиноносые бесы, чернорогие инкубы и суккубы, а также джинны всех мастей.

Но это ещё что: Пинцова не видела, что творилось наверху! То ли из-за нехватки мест в салоне, то ли по другим-каким причинам некоторые представители подземного мира предпочли ехать на крыше локомотива. Большинство из нечистых уместились поближе к выхлопной трубе, где, по всей видимости, им было комфортней. Дизель дал продолжительный гудок, двери автоматически закрылись, и поезд тронулся дальше.

Машинистом этого состава также был представитель демонического мира.

Автомобиль Барабаса остановился на железнодорожном переезде.

– Может, ну нафиг этот шлагбаум, ваше великолепие? – сказал Гриша.

Гроссмейстер и П.С. релаксировали на заднем сидении лимузина. Барабас открывал бутылку с шипучим напитком.

– Даже не помышляйте, Григорий, – ответила вместо шефа П.С., – если разольётся шампанское, я вам этого не прощу.

Шампанское выстрелило, пробка пролетела по салону, раз пять срикошетила и оказалась прямо перед Гришей – на приборной доске, рядом с навигатором.

– Наливайте тогда и мне, – сказал водитель.

– Ты что, а если дорожный патруль остановит, – возразил Барабас, – тут такие бесноватые гаишники, я с ними до самого Армагеддона не расплачусь!

Водитель отвернулся и насупился.

– Ах, Гриша, какой вы обидчивый мальчик! – сказала П.С.

– Я пошутил, держи бокальчик, – молвил Барабас, – сегодня такой знаменательный день!

К поезду медленно приближался пригородный поезд.

– Так тянется, ужас! – сказал водитель, смакуя бурлящую жидкость, если и изготовленную в Шампани, то по особому – дьявольскому рецепту.

– Вечно вы куда-то спешите, Григорий, – укорила его Полина Сергеевна.

– Ой, вы гляньте, как облепила этот поезд наша братия! – молвил Гриша. Барабас опустил стекло лимузина и прищурился, чтобы лучше видеть.

В кабине локомотива дрались за право управлять поездом инкуб и ифрит.

– Я машинист! – сказал огненно-плазменный джинн в тюбетейке и шан-дарахнул что есть сил рогатого собрата кулаком по голове, да так, что голова инкуба провалилась внутрь туловища.

– Нет, я машинист! – возразила провалившаяся голова, как из пустой бочки, и рогатый хлестанул огненного шайтана хвостом, будто плетью.

Барабас залпом допил шампанское и сказал:

– Возвращаемся к старухе.

– Зачем, ваше великолепие? – заныл Гриша, – только начали расслабляться.

– Нужно сервер запускать и немедленно ставить всю нашу экспансию на контроль. К тому же, я смарт у нее забыл.

Джинн все же победил. Он вышвырнул инкуба в окно и дал тройной гудок. Поезд начал набирать ход, а лимузин Барабаса развернулся перед шлагбаумом и поехал в обратном направлении.

– Так, братец Паук, осталось совсем немного. Добавь-ка в котел рыбьей чешуи... Та-ак!.. И щепотку порошка из сушеных червей... Хорошо. Через минуту все будет готово, – сказала карга, которую и близкие, и далекие знакомые так и звали – Каргой, или того проще – Старой.

На старинной плите в хате мазанке стоял огромный колдовской котел, из которого торчали обрубки ржавой цепи. Завкафедрой сделал, как сказала старуха, и слез с табурета.

– Вот ты даешь, Старая!

– Что такое? – не поняла Карга.

– Вот, сколько тебе лет?

– У женщины об этом спрашивать неприлично, – закокетничала критически пожилая леди, поправляя прическу.

– Я вот моложе тебя. Докторскую защитил. А во всех этих «виндовсах» никак не могу разобраться.

– Это потому, братец, что диссертацию за тебя студенты писали, а защитил ты её только благодаря Барабасу.

– Так... все так делают. А зачем тогда студенты и связи?

– Открою тебе секрет, коллега, Windows-сервер – это плохая идея. Сервера надо строить на «Unix». Поэтому я взяла последнюю версию «CentOS», перекомпилила ядро... Так, снимаем!

Паук передвинул котел на край печки, и они вдвоем сняли его с плиты.

- Тяжелый! – прокряхтел братец.
- Я немного изменила файловую систему, получился эксклюзив: операционная система Барабаса!
- Я совсем не понимаю, о чем ты говоришь, – признался Паук.
- Так я тебе все покажу, – сказала Карга. Они взялись за обрубки цепи, вытянули из котла системный блок компьютера и поставили на стол рядом с монитором.
- Барабас и его свита подъехали к хате и вышли из машины.
- Надо ещё Wi-Fi-роутер прокипятить в растворе мышиного помета... Ой, его великолепие за смартфоном вернулись. Колдуй, не колдуй, а без средств связи – никуда! – заключила старуха, – давай, подключай быстрее, сейчас мы Барабасу его супероперационку покажем.
- И как только гроссмейстер вошел в дом, старуха скомандовала:
- Жми на кнопку, братец!
- Сервер начал загружаться, и на экране загорелась надпись: «Барабас ОС».
- Сейчас-сейчас, – сказала Карга, – только «иксы» запустятся...
- Уже начала грузится рабочая среда KDE, как вдруг, монитор покрылся рябью, и на экране высветилась надпись: «Фатальная системная ошибка».
- Йоханый бабай, – выругалась Карга, – надо же: дрова не подошли!.. А вы за смартиком приехали, ваше великолепие?
- Дык... и за ним, и за сервером тоже.
- Вы ж говорили, сервак завтра понадобится.
- Обстоятельства изменились.
- Понятно. Эй, братец Паук, вишь вон те дрова в углу? Грузи их в печь. Мы этот чертов «Линух» быстро переустановим... Присаживайтесь, ваше великолепие, будьте как дома. Сервачок, к сожалению, пока не готов, придется подождать... Чайку?
- Смолы горячее! – ответил гроссмейстер. – Эй, братец Паук, как тебя в миру величают?
- Спайденко Владимир Дмитриевич.
- Дык вот, Владимир Дмитриевич, будешь ректором. Или какая там у вас должность главного в институте?
- У нас – директор.
- Значит, директором. Сервер поставишь в институте, в отдельном помещении. Старуху назначишь сисадмином.
- Может, найти какого-нибудь продвинутого программиста из студентов?
- Не надо! – отрезал Барабас.
- Так Старая, она ж... такая старая. Студенты сразу заподозрят неладное.
- Не переживай, Владимир Дмитриевич. Мы из нее девственницу слепим.
- Ваше великолепие, прошу! – сказала Карга, подавая Барабасу одной рукой смартфон, другой – большую металлическую кружку с кипящей жидкостью.
- Что это? – поинтересовался гроссмейстер.
- Смола, как вы и просили.

– Оставь, мне сейчас не до прохладительных напитков. Значит, завтра утром все должно быть готово. Ясно? Поехали Гриша.

– Ну, наконец-то! – вздохнул Григорий.

– Дык на комбинат едем! Надо проконтролировать поселение, – разочаровал его гроссмейстер, – пока нет сервера, придется управлять экспансией в «ручном режиме».

– О, Господи! – взмолился водитель, чем вызвал неоднозначный вопросительный взгляд П.С. – Ой, что это я?.. О, Великий Черный!

– Станция «Ру», конечная! – объявил джинн-машинист в селектор, – всем шайтанам: ифритам, маридам, силатам, гулам и кутрубам – собраться у левого края первой платформы. Бесы, черти, суккубы, инкубы и другие представители рогатого сословия сегодня поселиться не будут, ха-ха-ха!

Когда рогатые пассажиры услышали это объявление, среди них началась чуть ли не паника. Чертята заплакали, бесята зарыдали. Рогатые папы успокаивали мам, а те, в свою очередь, своих детей. Джинны всех мастей – огненные, водяные, воздушные и земляные – безудержно тому радовались, с наслаждением демонстрируя союзникам по экспансии свои недоразвитые гениталии. Люди выходили из поезда, никак не отреагировав ни на объявление, ни на поведение нечистых, и только Инна смотрела на эту картину, раскрыв рот. Когда вся человеческая раса покинула вагон, пришлось выйти и ей, чтоб не вызвать у дьявольских существ подозрения.

Ифрит нарочито расхохотался и выпрыгнул через окно на платформу. До локомотива дошкандыбал колченогий инкуб, тот самый, которого перед переездом выбросил в окно огненный джинн. Голова его теперь была на месте. Рогатый забрался в кабину машиниста тем же путем и включил громкую связь:

– Не беспокойтесь, друзья, наш союзник по экспансии пошутил. Все рогатые демоны собираются м... на правой стороне первой платформы.

После этого объявления рогатые дети вытерли слезы и заулыбались, демоны последовали за шайтанами, все стали выходить из поезда.

Нечистых были целые семьи. Многие из них тянули за собой тележки-кравчучки. Другие были с чемоданами, мешками и рюкзаками. Как и было объявлено, шайтаны и демоны разошлись по разные стороны платформы. Один из юных рогатых уместился на брошенный на землю мешок, достал ноутбук и загрузил компьютерную игру, видимо, какой-то клон «Героев магии и меча».

После того как инкуб покинул кабину локомотива, с пола поднялся настоящий машинист. Он держался рукой за разбитую голову и пытался понять, что с ним произошло, и как он довел поезд до станции «Ру» без аварий.

Инна наблюдала за всей сценой издалека, спрятавшись за колесами вагона-цистерны с надписью «Undulatus asperatus concentrate – R». И тут она вздрогнула и вскрикнула, да так, что все присутствующие на железнодорожном вокзале – и люди, и нечисть – обернулись в её сторону: на плечо Пинцовой сел Копростасис.

– Копри, так можно разрыв селезенки получить! – сказала она, еле переводя дух.

– Ой, какая ж ты нежная!

– Это кто такие, Копрушенька?

– Да так, духи подземные, нечисть преисподняя. Они хотят переселиться на поверхность, – пояснил кьюнг.

– Что значит «переселиться»?

– А то и значит: как конквистадоры в Новый Свет.

Руководители обеих групп что-то проговорили на своем наречии, и конквистадоры из преисподней двинулись в сторону местного химического предприятия.

– Пойдем за ними! – предложила Инна.

– Не имеет смысла, и так ясно, где они расквартируются. На территорию химкомбината нас всё равно не пустят... До твоего дома далеко? – поинтересовался Копри.

– Километра четыре. Надо такси брать.

– Никакого такси. Пешком пойдем. Я тебе по дороге все расскажу. И возможно, мы что-то придумаем.

Отец Никодим жил на отшибе близлежащего села. Многие это место так и называли – хутор Никодимовка.

Священник приехал домой на старом потрепанном «Москвиче» уже за полночь. Он загнал машину в гараж-сарай и поспешил в дом, где его терпеливо ждала его незабвенная матушка.

– Есть что покушать, голубка моя ненаглядная, – обратился он к попадье, как только вошел в дом.

– Тихо ты, окаянный, дети спят, – шепотом ответила супруга, – сейчас зеленый борщ разогрею.

Отец Никодим было уж подобрал рясу и сел за стол, но вдруг встал и направился обратно к сеням.

– Куда это тебя нечистая понесла? – поинтересовалась матушка.

– Куда ж ещё, как не на двор.

– Эх, отец Никодим, люди уж давно канализацию в дома провели, у кого ни спроси, в доме и ванная с горячей водой, и туалет. Одни мы в сортире нужду справляем.

– Цыц! Ты опять за своё? – возразил ей священник, – да мы с тобой в роскоши живем, не то что святомученики! Сколько раз говорить, ешь постно, живи совестно, тогда и душу сбережешь. Чтоб я таких разговоров от тебя больше не слышал.

– Хорошо, что июнь на дворе, а зимой-то как? – сказала попадья, но супруг её уже исчез за дверью. – Эх, Никодим, чувствую, продам я с тобой душу нечистому за комфортабельный санузел.

Отец Никодим второпях добежал до сортира, но только он открыл дверь, как изнутри на него бросилась пучеглазая стрига. Она сбила священника с ног и галопом поскакала прочь, размахивая недоразвитыми крыльями: через

огород и ограду – в темный лес.

– Во дела: нечистая в мой сортир ходит... Господи, пощади! – взмолился пресвитер.

Воротя нос от зловония, исходящего после стриги, святой отец справил нужду и поспешил осмотреть двор и сарай со скотиной, но никого больше не нашел. Когда же он закрыл дверь сарая, из сена показалась чертова голова. После появилась и чертовка.

– Я тебе говорила, не надо у попа селиться, – сказала она.

– Ладно, завтра переедем. А сейчас спи, – ответил рогатый самец.

Священник вернулся домой, умыл руки в умывальнике и молча сел за трапезу.

– Вот ты говорил про постную пищу, а сам всегда за полночь чревоугодничаешь, – пожурила его попадья.

– Радуйся, грешница, Господь твои молитвы услышал: завтра же куплю тебе унитаза, – ответил супруг. – Вот только к благочинному отцу Никифору поутру съезжу.

– Вот спасибо, сделал одолжение: тебе! Будто я одна в доме живу.

– И себе тоже. И детям. Каждому – по унитазу!

– Грешно это – в Троицу унитаза ставить.

– Вот те на: то ватерклозет ей немедля подавай, то грешно.

– Значит, эти черти и джинны на станции далеко не вся нечисть? – спросила Инна у кьюнга.

– Это однозначно, – сказал Копростасис, – змии типа той виверны, что ты укукошила, гарпии, стриги и прочая крылатая мерзость, я думаю, гнездятся где-то на очистных сооружениях химкомбината. Кроме того, есть множество нелегалов, которые не захотели подчиниться Барабасу. Но большинство он все же контролирует. Кстати, будь осторожна, они могут тебе отомстить за убийство виверны.

– Пусть только попробуют! То была самооборона, не я ж на нее напала. Да и потом, вряд ли это кто-то видел кроме нас двоих. Дальше что делать, вот задача!

– Ты вот что, ты виду не подавай, что тонкозрячая. Никто не должен этого знать. Если гроссмейстер что-то заподозрит, нам несдобровать.

– Ты хотел сказать, мне несдобровать?

– Так я ж за тебя вступлюсь!

– Ой, Копри, спасибо тебе за поддержку... А кто он вообще такой, этот темный демиург?

– Ты его должна знать. Его в городе все знают. Его так просто не возьмешь: Барабас депутатским мандатом прикрывается.

– Постой, так он народный депутат? А не тот ли это Адер Иванович, которого мы с ребятами вчера в лесу встретили?

– Так его и зовут, Адер Иванович.

– Теперь все ясно. А ребята его глинтвейном поили... Точно, те двое его гроссмейстером называли.

- Это его слуги, Гриша и П.С.
- Андрюха их сразу раскусил, а мы все над ним смеялись.
- Что же ему нужно было у ролевиков? – задумался кьонг.
- Кстати, это его фонарь. Барабас забыл его у костра, я ему собиралась вернуть, – ответила Инна и включила портативный источник освещения.
- Копростасис покрутил головой, внимательно рассматривая прибор.
- Можешь оставить фонарь себе. Барабас вас за нос водил, он в темноте лучше меня видит, – молвил кьонг, – а ну-ка погоди... Так я и знал: китайский! Выключай...
- Ох, как же это все не вовремя! Завтра ещё на первую пару вставать. Последняя неделя семестра осталась.
- Так что ж ты домой не идешь! – всполошился кьонг, – тебя, наверное, уже заждались.
- Кто заждался, Копри?
- Ну, не знаю... родители. С кем ты живешь?
- Родители... Только отец меня и понимал. Он всегда был такой... настоящий, понимаешь, не то что этот майский хрущ: глаза гнилые, жестокие – ненавижу!
- Ты это о ком?
- Да об отчине. Мама перед этим парафилетиком егозит, она его боится. А вместе с ней и я как в тюрьме живу.
- Они уже подошли к Иннинному подъезду, расцеловались и разлетелись, точнее – разошлись.

- Эрхариурз! – позвала дракона Энио.
- Ну, что опять?
- Почему это «опять»? Забыл что ли, на чем мы остановились? Лес надо придумать.
- Э, нет! – возразил двуглавый дракон, – я изможден, я спать хочу.
- Ну, Эрх, пожалуйста! – ещё раз попросила дракошу джива.
- Хоть «пожалуйста», хоть «не будете ли так любезны», сегодня мы устали и будем спать, – сказала левая голова.
- Все премудрости – завтра, – зевнула правая.
- Хорошо, Эрх. Тогда придумай мне какое-то жилище.
- Жилище?
- Ну да, у всех моих друзей есть домики, гнездышка, норки... Одна я в чистом поле сплю, как бомж.
- Ладно, уговорила, – молвила левая голова, а правая выдула мыльный пузырь. Левая голова дыхла на него синим огнем, и пузырь отвердел. Эрхариурз постучал по сфере пальцем и, убедившись, что она достаточно прочная, проделал когтем аккуратное отверстие.
- Это вход, – пояснила правая голова.
- Неустойчивая конструкция, – покачала головой Энио. Эрх уж собрался приплюснуть сферу снизу, хлопнув по ней своей драконьей ладонью, но потом передумал и сорвал ромашку.

- Ой! – сказала Энио, закрыв ладонями лицо.
- Всего одну, для дела! – пояснил Эрхариурз.
- Ну ладно, – махнула рукой джива, – конструируй.

Левая голова плюнула на ромашку, правая – пыхнула огнем. Лепестки цветка осыпались, а слюна стала клейкой. Дракон посадил сферу на клей и воткнул домик на цветоножке в землю:

– Вуаля! – сказали обе головы. Энио поблагодарила дракошу, сорвала несколько лепестков роз, чтобы было чем укрыться, и пошла устраиваться в новом жилище.

– Спокойных снов! – сказал Эрхариурз и с электрическим треском телепортировался восвояси.

– Взаимно, – зевнула душа, укрываясь лепестками.

Уснула и Инна в своей комнате, укрывшись, конечно же, не лепестками роз, а обычной простыней.

XIV. Особенности «Барабас ОС»

– Инна, вставай, проспий первую пару! – услышала Пинцова сквозь сон и распахнула глаза.

– И не надейся! – тихо ответила она.

– Завтрак на столе, – сказал отчим, закрывая за собой дверь в квартиру. Инна поднялась, глянула на часы в гостиной и включила телевизор:

– Ещё можно было спать целых десять минут, – с сожалением молвила она и начала разминку.

– Продолжаем утренний выпуск новостей, – сказал комментатор. – Вчера утром жители нашего города могли обратить внимание на необычную облачность: над Ру повисли облака странного вида, которые метеорологи называют асператусом. Одни горожане назвали их жуткими и ужасными, другие – забавными и потрясными. Причины их появления науке пока не известны, однако никакой опасности, по словам ученых, тернистые облака не представляют. Ходят слухи, что причиной их возникновения стало возобновление производства на местном химическом комбинате. Однако, по словам народного депутата Адера Барабасова, это всего лишь домыслы, и выбросы комбината в атмосферу никакого отношения к небесной аномалии не имеют...

Новости продолжил синхрон с нардепом. Пинцова бросила зарядку, одернула тюль и выглянула в окно.

– Ничего себе! – только и проронила она, глянув на покрытое глубокими язвами пепельно-серое небо.

Окна её квартиры выходили на центральную улицу. Казалось, кроме Инны в городе на асператус уже никто не обращает внимание. Улицы города были по-будничному суетливы. Кто-то спешил на работу, кто-то на учебу в школу, институт, техникум; дети шли в детский сад. Город на полную грудь дышал серой пылью, все было, как всегда, за исключением маленького, совершенно незначительного обстоятельства, на которое никто – или почти никто – не обращал ни малейшего внимания: среди прохожих были не только люди.

Демонические существа разгуливали по городу, с любопытством осматривая достопримечательности. На главной площади собралась целая группа переселенцев из нижних слоев. Это были экскурсанты. Гид – чисто выбритый длиннорогий черт в костюме и в галстукe – направил указку на большое светлое здание.

– Перед вами городской культурный центр, – сказал он, – здесь проводятся театральные шоу, сеансы кино, концерты и другие мероприятия.

– Вы не могли бы помедленнее? Я записываю, – сказал молодой бес с электронной записной книжкой в руках.

– Восемь утра, а он уже надрался! – возмутилась пожилая бестия, отгоняя перегар одной рукой и зажимая нос другой.

– А что такое кино? – поинтересовался змееглазый силат, чье тело состояло преимущественно из жидкости грязного цвета.

– Об этом я вам расскажу, когда мы войдем внутрь и посетим одно из главных помещений Дворца культуры, которое называется зрительным залом, – ответил гид и повел группу к центральному входу во дворец.

На небольшом здании на другой стороне площади обыкновенные черти, внешне напоминавшие простых рабочих, меняли вывеску. Новая надпись гласила: “Ломбард «Душенька»”.

Низко в небе с некоторой натугой летали стриги, чуть выше парили гарпии, а совсем высоко – несколько мечехвостых змиев. Иногда гарпии пикировали и нападали на ничего не подозревавших горожан, но далеко не всегда им удавалось выхватить из человека его дживу.

Особенно много летучих тварей скопилось на казенных зданиях: они прямо-таки облепили крыши исполкома городского совета и главного учебного корпуса местного вуза. Студентов атаковали редко. Больше их интересовали солидные люди в костюмах – чиновники разных рангов и преподаватели. Иногда в нападениях участвовали не только гарпии, но и виверны, которые могли пробить своим мечом не только хилую, но и достаточно здоровую энергетическую оболочку человека.

По длинному институтскому коридору проплыла словно пава стройная длинноногая блондинка. Студенты, ошеломленные её великолепной фигурой, оборачивались и разевали рты. В начале коридора скопилось целая толпа таких зевак. Блондинка сексуально провела карточкой по электронному замку, стрельнула глазами в толпу юных созерцателей, «убив» при этом наповал, как минимум, человек пять, зашла в секретную лабораторию и заперла за собой железную дверь.

– Что вы ахаете: не про вас этот медный таз, – сказал кто-то из толпы.

– Какой таз?.. О, как это пошло, так говорить о такой женщине! – отозвался другой сын науки.

– Какие бедра! Какие груди! Какая талия! – вторили ему другие.

– Пошло, не пошло, а с ней там наш новый директор, – ответил первый голос.

– У нас, что, новый директор? – удивились студенты.

- Спайдер. Бывший завкафедрой органического синтеза.
- О, эту сессию я не сдам! – сказали хором человек десять.

– Ну ты даешь, Карга! Никогда бы не подумал, что ты такая... обольстительная и сл-л-ладкая, – дрожащим голосом сказал Паук и вождественно схватил омоложенную старуху за талию, не успела та закрыть дверь.

– Но-но! Слишком сладкая: прилипнешь, – сказала Карга и отшвырнула новоиспеченного директора в сторону. Но затем улыбнулась и добавила, – я уже не в том возрасте, чтобы глупостями заниматься. Давай-ка, братец, лучше посмотрим, как наш сервер на новой сетке будет крутиться.

Карга потянулась за мышкой, а Паук уставился на её попку.

– Что снова не так, господин директор? – поинтересовалась сексапильная старуха.

– Нет-нет, все нормально.

– Тогда, братец, принеси мне стул и сам садись рядом, будем работать. Начнем с вашего института, согласен?

Не дожидаясь ответа, Карга набрала в консоли загадочную команду, и на весь экран развернулось окно с видеоизображением лекционной аудитории.

– Лекция по синтезу полимеров, – сказал Паук, расставляя стулья, – моя кафедра!

В аудиторию зашел профессор. Он поздоровался со студентами, выложил на преподавательский стол ноутбук, подключил его к плазменному экрану через разъем USB и начал читать лекцию:

– Мое почтение, дорогие коллеги. Сегодня у нас последнее занятие в семестре. Мы с вами изучили полный курс синтеза полимеров, а в новом учебном году я буду читать другой курс – генетического синтеза. С первого же занятия вы приступите к лабораторным исследованиям в этой новой области. Впереди у вас каникулы, то есть масса времени для самообразования и ознакомления с научными разработками. Поэтому, я считаю нужным дать вводную лекцию именно сейчас. Некоторые из вас занимаются научной деятельностью на разных кафедрах. Но только одна студентка с вашего потока вовлечена в научно-экспериментальную работу по генетическому синтезу, это Инна Пинцова. Именно по этой теме она будет защищать свой первый и, надеюсь, не последний диплом в следующем году; именно ей я и хочу предоставить слово. Инночка, пожалуйста, расскажите коллегам, в чем особенности нового направления в генной инженерии и почему данной темой занялись мы, химики, а не биологи.

– Слишком уж умный этот старикашка, – заметила Карга.

– Лучший ученый института. Глава ученого совета, – пояснил Паук.

На кафедру поднялась Пинцова и подключила флеш-карту к компьютеру. На плазменном экране в аудитории появилась картинка с надписью «Технология производства синтезированного белка».

– Хочу обратить внимание всех, что речь пойдет не о генетически модифицированных организмах, а о синтезе белка для технических целей, – сказала Инна. – И если сегодня большинство производств промышленной химии сориентированы на получение органических соединений, в частности,

полимеров, то буквально через несколько лет весь мир будет производить материалы, состоящие из модифицированных природных клеток. И в недалеком будущем мы будем жить в живых домах, ездить на живых автомобилях, пользоваться живыми средствами связи.

– Так их же надо будет кормить! – крикнул студент с галерки. Инна хотела ему что-то возразить, подняла глаза... и тут увидела, что за последним столом в аудитории помимо студентов присутствует еще некто или нечто: закинув ногу на ногу, в самом верху лекционного зала нагло восседала глазастая крылатая демоническая сущность – стрига. Вспомнив, о чем предупреждал Копростасис, Пинцова сделала вид, что не заметила преисподнюю тварь.

– О том, как и чем «кормить» рибосому, которая будет производить синтезированный белок, я вам расскажу чуть позже, – сказал профессор, – а сейчас, будьте добры, послушайте Инну, которая расскажет, как смоделировать цепочку дезоксирибонуклеиновой кислоты с необходимой информацией.

– На пенсию тебе пора, проф, – сказала Карга и нажала на клавиатуре кнопку “Enter”. И в тот же миг профессор улетучился из своей телесной оболочки, и его тело, словно пустую колбу, наполнил какой-то газ, быстро обретший человеческие черты. Это был марид, воздушный джинн. Для всех студентов в аудитории профессор оставался человеком, и только Инна видела его истинную суть.

Инна запустила презентацию, и на экране появились трехмерные модели ДНК, РНК и рибосомы.

– Прежде чем РНК различных типов считывают и передадут рибосоме информацию, нам необходимо сконструировать ДНК с определенными свойствами... – продолжила было Пинцова, но тут профессорская рука потянулась к компьютеру и нажала Alt-F4. Презентационный файл закрылся. Плазменный экран погас. Модифицированный в профессора шайтан кашлянул и сказал:

– Знаете, коллеги, что-то мне нездоровится. Все свободны, встретимся на экзаменах.

Джинн небрежно выдернул из ноутбука флешку и бросил её владелице, с трудом поместил компьютер в толстый профессорский портфель, после чего откашлялся и откланялся.

– Да, – добавил он, обращаясь к студенческой аудитории перед тем, как покинуть лекционный зал, – остальные пары тоже отменяются до конца семестра. Новая метла по-новому метет.

– Ну что, все по домам? – сказал староста группы, и третьекурсники стали спокойно собирать сумки и выходить из аудитории.

– Глянь, Владимир Дмитриевич, никто даже не заметил подвоха, – расхохоталась Карга, – а ну, что у нас делается в других группах?

– Так... Как же это так... зачем? – попытался выразить мысль Паук.

– Что тебе не ясно, братец? Быстренько всех студентов экстерном пропустим, выдадим дипломы и – работать, работать, работать! Производству необ-

ходимы новые кадры.

- Да ты что, меня завтра же в министерство на ковер вызовут!
- Не бойсь, и в твоём министерстве скоро будут наши люди.
- И в исполкоме вопросов не оберешься!
- А для исполкома у нас с Бариком отдельная прога предусмотрена.
- С каким ещё Бариком?
- С гроссмейстером, недотепа. Эх, он был когда-то таким соблазнительным, это сейчас к нему не подступишься.

Карга набрала следующую команду в консоли, и на экране монитора отобразилось сразу девять аудиторий.

– Контрл-эйч, – комментировала она свои же действия, – то есть выделить всех преподав. А теперь – заменить людей демонами. «Ввод»... Готово, братец Паук.

На экране было отчетливо видно, как в телах девяти преподавателей материализуются разные нечистые твари.

– Эй, Владимир Дмитриевич, будь другом, чайку завари, с лимончиком, – попросила Старая.

– Слушай, Карга, а ты не Баба-яга, часом? – задумчиво сказал Паук.

– Эх, господин директор, двадцать первый век на дворе, а ты в сказки веришь. Где же ты видел, чтобы Баба-яга компьютером владела?

– Действительно, хе-хе, – по-идиотски рассмеялся Паук.

Когда Инна вышла из аудитории, по всему институту гроыхал победный клич студентов: «Ура! Свобода!». На лестнице её чуть не сбили с ног ликующие первокурсники, а в фойе догнал Сашка Патрокл.

– Привет, Прекрасная, – поздоровался он. – Ваш поток тоже с пары отпустили?

– Скорее – отстранили от занятий, – сказала Инна. Они вышли из корпуса и двинулись через парк. – А у вас, что за пара была?

– Лаба по “Си”.

– Извини, но я по-итальянски не понимаю.

– Лабораторная работа по курсу «Язык “Си” – методы программирования». Я же программист... будущий.

– А кто читал?

– Да молодой препод, аспирант, ты его не знаешь.

– А когда он вас отпускал, он нормальный был?

– В смысле?

– Ну, внешне он выглядел, как человек?

– А как он ещё мог выглядеть!

– И ты за ним не заметил ничего странного.

– Препод, как препод. Он раздал индивидуальные задания. Я только начал программу набирать... я б её минут за десять скомпилировал. Думал, быстро сдам, и у меня будет целый час свободного времени...

– Ну а дальше, дальше!

– Потом наш аспирант неожиданно вспомнил, что до конца семестра все

пары отменены, сказал, чтобы завтра все принесли зачетки и ушел.

– Сразу сказал, что надо принести зачетки?

– Нет. Он вышел из аудитории, а потом снова в нее заглянул, тогда только и сказал.

– Понятно. Их всех подменили, – молвила Инна. – Андрюху надо спасать.

– Кого подменили? Какого Андрюху? И вообще, что ты меня допрашиваешь, как следователь?

– Саш, ты... в последнее время не замечаешь ничего необычного? – улыбнулась Инна.

– Отчего же, замечаю, что ты довольно странно себя ведешь.

– И больше ничего?

– Слушай, Пинцова, ты флиртуешь или дразнишься?

– Нет, Саш, ни то и ни другое...

– Патрокл, Елена, стойте! – окликнули их обоих. Саша и Инна обернулись, их догонял Янус.

– Игровые имена надолго прилипают. Будешь ты теперь, Саня, Патроплом до гробовой доски!

– Нет, всего лишь до следующей игрушки. Да и вообще, я теперь Сникерс, – возразил друг.

– Ребята, это срочно. Только... пойдете поглубже в парк, – заговорщицким тоном сказал Янус.

– Зачем, Серега? – поинтересовался Сашка.

– Тсс! – прислонил палец к губам небесный привратник, – чтоб нас меньше слышали.

– Я понял, вы теперь в шпионов играете. Дайте тогда хоть сценарий почитать. Я тоже роль себе выберу.

– Какие шпионы, какой сценарий, Сникерс, это не игра, по улицам нечистая сила разгуливает, – совершенно серьезно сказал Серега.

– Я ж говорил, я не Патрокл, а Сникерс. Но скоро меня будут звать по-другому... Роль Бессмертного вакантна? Хочу быть Кошеем... Черти, говоришь? Очень интересно! – в унисон Янусу заговорщицки молвил Сашка.

– Да никакой игры. Гляньте на облака – это все их проделки!.. Инна, ну ты-то знаешь, когда я серьезен, когда нет!

Инна покачала головой:

– Сереж, я на «Илионе» за три дня так набегалась, что мне тоже чертики чудятся. Давай попозже, а? Извини. Нам поболтать надо.

Инна взяла Сашку под руку, и они пошли прочь.

– Потом может быть поздно, – предупредил Янус.

– Ничего, другая игрушка будет, – ответила ему Инна. – Ты только никому ничего не говори. Отдохни недельку. Созвонимся.

– Я думал, вы с ним заодно, – шепнул Сашка.

– Заодно, заодно: это тоже часть игры, – тоже шепотом ответила Инна.

– Да ну вас в пень обоих! – разозлился друг.

– Да ладно тебе, совсем чувство юмора потерял. Ты лучше скажи, Андрея не было на паре? Я ему несколько раз звонила, но он трубку не берет.

– Нет, я его не видел. Он вчера ещё до выноса куда-то исчез, как и ты, между прочим. Я думал, вы вместе домой поехали.

– Не вместе.

– Инн, может ты не замечаешь, но...

– Молчи! Я знаю, что ты хочешь сказать. Просто ему угрожает опасность. Если увидишь Андрюху, скажи, чтоб он срочно мне перезвонил. Это важно! Все. Привет.

Инна по-дружески чмокнула Сашку в щеку.

– Ты куда? – поинтересовался очарованный поцелуем Саша.

– Для начала домой к нему схожу. Увидимся.

Инна послала Сашке воздушный поцелуй и убежала.

– Да, с женским полом легко общаться только в Интернете, – заключил Сашка и пошел домой.

– Что-то ты рано! – сказала мама, когда он зашел в квартиру.

– Кирдык институту! – объявил Сашка.

– Тебя что, выгнали? – перепугалась мама и выглянула из кухни. Она была в фартуке и с ножом, готовила, видимо, что-то вкусное.

– Да нет, мам. Просто занятий больше не будет. Нам дали неделю для подготовки к сессии. Зачеты всей группе поставят автоматом. Может, и экзамены тоже... Кто будет спрашивать, скажи, меня нет, ушел с головой в Интернет.

– Саш, а Интернета нет. Я в этом месяце не заплатила. Подумала, лучше тебе джинсы на лето куплю.

– Мам, ну сколько мне нужно джинсов? Одни есть – хватит, что я, принц датский? Да и потом, этих денег только на подштанники и хватит. А зачем мне подштанники летом?

– А я добавлю.

– Ладно, к сети я и без провайдера подключусь. Подумаешь, проблема!

– Сань! – мама снова выглянула из кухни, – я не знаю, что ты там химичишь, но догадываюсь, что это незаконно. За хакерство в уголовном кодексе теперь статья предусмотрена.

– Ой, она давно появилась. Но, мам, какой с меня хакер. Я только к Интернету подключусь и все. Я и взломать-то ничего не могу: не дал Бог математических способностей.

– Вот таких ламеров и ловят!

– Откуда ты это слово знаешь?

– Саш, я преподаватель русского языка!

Сашка зашел в свою комнату, включил ноут и начал загружать хакерскую операционную систему “Back Track”.

– Александр!

– Да, мам?

– Не делай глупостей!

– Да, мам, не буду, – сказал Сашка, сменил MAC-адрес* своего компью-

***MAC-адрес** – (от англ. Media Access Control) уникальный идентификатор, присваиваемый каждой единице оборудования компьютерных сетей.

тера в беспроводной сети Wi-Fi, запустил анализатор трафика и тихо прошептал себе под нос, – ну, где вы, злые буржуины? Это я, Мальчиш-Кибальчиш!.. Ох, ни хрена ж себе сигнал, первый раз такое вижу!

Результаты работы программы для администрации и контроля сети действительно выглядели странно: кроме Сашкиного компьютера к атакуемому серверу было подключено великое множество других сетевых устройств неизвестной природы. Сигнал беспроводной сети был настолько мощным, что все анализаторы зашкаливали и выдавали значение «плюс бесконечность».

– Саша, подойди, пожалуйста, – позвала мать.

– Сейчас, мам, – ответил он, со словами «ловись рыбка, большая и маленькая» запустил программу для сбора и анализа сетевой информации и спустя несколько секунд был на кухне.

– Чем ты там занимаешься?

– Да так, задачка по программированию на «Си», – соврал Сашка. – Программирование интереснее, чем Интернет.

– Ты сильно занят?

– Я абсолютно свободен.

– Тогда помоги чистить картошку.

– С удовольствием, – согласился сын и чмокнул маму в щеку.

Городской голова шел по коридору, он спешил на внеочередное заседание исполкома.

– Мэр идет по коридору, – сказал Гриша, ввалившись в приемную народного депутата.

– По какому коридору? – спросил Барабас.

– По нашему коридору, ваше великолепие!

– Сколько раз можно повторять, Григорий, в этом кабинете обращайся ко мне Адер Иванович. Здесь я – представитель законодательной власти.

Гроссмейстер достал смартфон и стал звонить мэру.

– Так уже ж захватили. Вы же говорили, можно будет расслабиться, – молвил водитель.

– Что захватили?

– Ру, – сверкнул инкубьими глазами получеловек.

– Але, братец Йо-Ио, зайди ко мне, – сказал Барабас, когда Йосиф Иосифович поднял трубку, – ничего, подождут, я тебе подарок приготовил... Путевку, как и договаривались. Зайди, зайди.

Гроссмейстер отключил телефон и пригрозил Грише пальцем, – смотри мне, никаких шалостей, будь человеком, Григорий!.. “Захватили”...

В кабинет вошел мэр и прямо с порога спросил:

– На Кипр или в Италию?

– Дык, возможности ограничены, братец Йо-Ио. В Форос поедешь. Поверь мне, это лучше Италии.

– А, – махнул рукой мэр, – такую путевку я и сам себе мог приобрести.

Голова собрался уж уходить, но Барабас добавил:

– Бесплатная, братец, путевка.

- Да деньги – мусор, у меня их...
 - На троих! Возьмешь с собой жену и ребенка.
 - Ну, это совсем отрицательный минус!
 - Дык, в санатории для высших чинов правительства и народных депутатов!
 - Для высших? – изменился в настроении мэр.
 - От сердца путевку отрываю, братец Йо-Йо. Сам бы поехал, кабы не дела.
 - Ну, если отрываете, тогда я не против. Когда заезд?
 - Сегодня.
 - Уже сегодня?
 - Ну, день ты, конечно, потеряешь, но сколько там того дня! Держи билеты на поезд. Он отходит... – Барабас перевел взгляд на большие настенные часы в своем кабинете, – через час. Ты ещё успеешь собраться. Григорий тебя отвезет.
- Барабас нажал кнопку на селекторе и вызвал Полину Сергеевну.
- А как же исполком... внеочередное, это, заседание? Там же меня одного и ждут, – спохватился мэр.
 - Ничего-ничего, у тебя есть заместители.
 - А...
 - Все уже знают.
 - Так... Что ж мы стоим, поехали!
- В кабинет зашла П.С. с подносом.
- Кофе? – предложила она.
 - Какое к черту кофе? Не видишь, мы на поезд грозимся опоздать, – возмутился городской голова и приказал Грише: за мной!
 - И зачем вы кофе принесли? – спросил Адер Иванович.
 - Так вы ж вызвали, думала, кофе желаете.
 - Вызвал, но не затем. На исполком со мной пойдете.
- Зазвонил смартфон и Барабас поднял трубку. Выслушав собеседницу, он оптимистично улыбнулся.
- Молодец, Карга. Выходи на «Скайп». Я через минуту подключусь.
- Барабас и П.С. вышли в приемную. У стола Полины Сергеевны сидел... Парис.
- О, представитель ролевого движения?! Польщен, польщен... Андрей, если не ошибаюсь. Вы ко мне? – спросил нардеп.
 - Нет, ко мне! – ответила за молодого человека полусуккуба. – Я вас догоню, Адер Иванович.
 - Ты надолго? – спросил её Андрей.
 - Пупсик, рабочий день несколько затягивается. Но вечером мы всё на-верстаем.
 - Я ждать готов тебя хоть вечность. Время не имеет значения. Важна только любовь! – ответил паренек.
 - Пупс, но я не хочу, чтоб ты помер с голоду в этой дьявольской приемной. Тем более что тебе сегодня понадобятся силы, – ласково молвила Поли-

на Сергеевна и протянула Андрею деньги, – на вот, держи. Здесь в буфете недорогие, но сытные комплексные обеды.

– Развиваете отдельную сюжетную линию? – спросил гроссмейстер, когда П.С. догнала его в коридоре, и фамильярно добавил, – ты им сегодня отужинаешь или до завтрака дотянешь? У тебя уже есть тело, зачем тебе ещё одно!

П.С. в ответ лишь недовольно фыркнула.

– Вы мэра в отпуск отправили или куда подальше? – поинтересовалась она, не желая продолжать разговор на заданную Барабасом тему.

– В отпуск, в Крым.

– Он же, вроде как свой.

– Ну, во-первых, он дурак похлеще Гриши. Во-вторых, мне надоело жить в гостинице. А у Йо-Ио шикарный дом с бассейном и дача за городом. Пока мои новые частные владения не готовы, вы с Григорием на даче поживете, я – в его доме. Хоть по вечерам от вас смогу отдыхать.

– Не знаю, как Грише, а мне уже есть, где жить, – тихо сказала Полина Сергеевна, и они оба вошли в зал заседаний, в котором собрались члены исполкома и несколько депутатов местного совета.

– А где городской голова? – спросил кто-то из присутствующих.

– Я за него, – сказал Барабас, – Йосиф Иосифович с сегодняшнего дня в отпуске.

– А вы тут при чем? Это заседание исполкома. Вы что, член исполкома? – спросил один из депутатов местного совета.

– Подождите, коллеги! – сказал другой депутат. – Господин Барабасов как раз нам и нужен. Думаю, наш уважаемый нардеп объяснит городской громаде, что это за адские облака, и как нам уберечь жителей Ру от того зловония, что присутствует в городе уже второй день. Вы, кажется, имеете к этому непосредственное отношение? Пожалуйста, Адер Иванович, проходите!.. В отсутствие мэра заседание будет вести его первый заместитель.

– Прошу прощения, не «мэра», а «городского головы», – возразил первый депутат местного совета, – а то мы так скоро на уличный сленг перейдем.

– Хорошо, – согласился второй депутат. – В отсутствие головы... Игорь Вениаминович, начинайте заседание.

Барабас с Полиной Сергеевной прошли в зал и сели во главе стола.

– П.С., будьте так любезны, приготовьте напитки. Что-нибудь неординарное, на... пять... десять... тринадцать персон, – попросил шеф секретаршу, и та удалилась в хозяйственную комнату.

Гроссмейстер выложил свой смартфон, включил его в режиме компьютера и запустил программу «Скайп». Он вызвал Каргу и стал ждать ответа. Но Старая не смогла выйти на связь, ей помешали непредвиденные обстоятельства.

На экране монитора появилось предупреждение ядовитого цвета: «Сеть недоступна!». Карга разозлилась и ударила кулаком по небольшому устройству с антенной. В сей же момент ядовитая надпись размножилась. Теперь предупреждения об ошибке подсоединения к интернет-сети заполнили весь

экран.

- Паук, ты сколько времени роутер кипятил? – вскипела Карга.
- Как ты и сказала, двадцать минут.
- Поздравляю, ты его убил наповал.

Директор вуза хотел было ей возразить, но Карга на него по-змеиному зашипела, после чего братец поник тише воды, ниже травы.

Первый заместитель городского головы хотел было открыть рот, но первый депутат его опередил:

– И все же, несмотря на то, что господин Барабасов или, как там вас... Адер Иванович является народным депутатом, я предлагаю проголосовать за его присутствие.

– Кто за? Кто против? Принято, – сказал первый зам, – секретарь, занесите в протокол результаты голосования. Сегодня на повестке два вопроса. Первый – тучи над городом Ру, второй – разное. Кто за данный порядок заседания, прошу голосовать...

Сашка наконец-то покончил с картошкой, вытер руки и поспешил к компьютеру. Он активизировал монитор и разочарованно вздохнул: сеть исчезла.

Перезвон колоколов заливал всю округу. Купола столетнего храма сверкали великолепием. Звонарь на высокой звоннице с особым усердием ударял в покрытый золотом медный колокол, вещая тем самым отсутствующим в храме, о втором дне великого праздника Пресвятой Троицы – Дне Святого Духа.

Отец Никодим стоял в просторной келье и, пока не пришел благочинный, непрерывно молился:

– Пресвятая Троице, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша. Владыко, прости беззакония наша. Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего...

В келию вошел благочинный отец Никифор и снял с себя регалии, нужные ему для службы. Отец Никодим поправил наглухо застегнутый ворот подрясника и произнес:

– Христос среди нас.

– И есть, и будет, – ответил Никифор. Священники обменялись рукопожатиями, трижды облобызались в щеку и расцеловали друг у друга правую руку.

– Ужасные дела творятся в твоём благочинии, отец Никифор, нечисть бродит по земле, источая зловоние и наводя ужас на род человеческий, – продолжал отец Никодим.

– Да, ты прав, друг мой. Нет правды на земле грешной, но есть она в Слове Божьем, а посему надлежит нам молиться, как за души праведные, так и за пропащие.

– Я не о том, – сказал Никодим. – Я у себя в сортире вчера настоящую нечисть обнаружил, лупоглазую такую, как сова. По-моему, их стригами называют. Эта тварь преисподняя меня чуть не сожрала, но крест святой её

отпугнул.

– Да Господь с тобой, Никодим, что ты несешь! В каком сортире?

– На дворе у меня, – продолжил Никодим, опасливо оглядываясь, будто кто-то ещё мог присутствовать в кельи, – а потом я ещё трех бесов видел на лужайке и в городе одного черта.

– Так. Значит, ступай, набери воды в колодце во дворе храма, помолись и домой езжай. Окропи двор и семь дней постись и молись. После сегодняшней вечерни можно и коленопреклоненно.

– Да я и так беспрестанно читаю и «Отче наш», и Псалтырь, и...

– От службы я тебя освобождаю. Даю тебе две недели отпуска. Отдохни, а там все уладится.

– Не веришь мне.

– Отчего же, верю! Только вид у тебя усталый. Отдохнуть тебе надобно. Молиться за тебя буду. И братьям в монастыре скажу, пускай семь раз на дню молитвы о Святой Троице читают.

– И Акафист!

– И Акафист Пресвятой Богородице. А ты отвергнись от человеческого разумения, отец Никодим, и уповай лишь на Господа, Владыку и Святого нашего, аминь.

Отец Никодим поклонился и вышел, а в келью вошел другой православный, в одежде послушника.

– Отец Никодим совсем рехнулся. Найди сейчас же отца Афиногена, пусть срочно отправляется в Ру и служит при приходе, пока Никодим не выздоровеет.

– Отец Афиноген был замечен в пьянстве и блуде, отец Никифор, может не стоит?

– Стоит! Поживет недельку в Ру, пить перестанет. Вторую – блуд как рукой снимет. Я этот город и его окрестности хорошо знаю. Там не только нечистая, там по улицам скоро инопланетяне ходить будут. В противогазах...

Карга пальцами по столу нервно отбивала чечетку. Она нахмурилась и полностью погрузилась в размышления.

Братец Паук опасливо приподнялся на стуле и, убедившись, что Старая не обращает на него ни малейшего внимания, дотянулся до роутера и слегка пошевелил разъем на витой паре. В тот же миг акустическая система сервера подала звук, свидетельствующий о наличии сетевого соединения. Карга аж подпрыгнула на стуле и закричала, как сумасшедшая:

– Заработало!

Сашка у своего ноутбука тоже подпрыгнул и торжествующе воскликнул:

– Есть!

Радость его была вызвана не только появлением соединения, но и тем фактом, что в момент аутентификации удалось перехватить данные. Об этом можно было судить по прозаичному сообщению программы-анализатора, гласившему: «Данные аутентификации получены».

Сашка перенаправил дам-файл в программу-дешифратор и... тут снова

послышался мамин голос:

- Саш, я хлеб забыла купить, не сходишь?
- Да, конечно, уже бегу, – ответил он и нажал «Ввод».

– Я подумал, м-может, контакта нет, – начал пояснять Паук.

Карга страстно поцеловала его в засос, братец от счастья потерял сознание и бездыханно рухнул на пол.

– А если б ты мне в молодости попался? – хмыкнула Старая, развернулась к компьютеру и стала набирать в консоли очередную команду, бурча себе под нос, – да, мелковатый мужик пошел. Вот в мое время были – богатыри!

Не успел Сашка отложить в сторону компьютер, как брутфортер* выдал результат.

«Пароль взломан», – гласило сообщение.

– А это уже фантастика, – молвил студент, не веря своим глазам, – интересно, какой же у них пароль суперпользователя?.. «Барабас». Пароль из школьного словаря. А почему не «Буратино»?

Он набрал в консоли полученные данные и вошел в сеть. И снова его отвлекла мама:

– Ну, ты сходишь, Сашунь? Я б сама пошла, но переодеваться не хочется.

– Иду-иду, мам, – крикнул он и тихо добавил, – как всегда, на самом интересном месте!

Сашка набрал очередную команду и открыл программу, демонстрирующую графическую схему сети. Теперь на схеме появилась ещё одна точка – это был Сашкин ноут с фальшивым MAC-адресом. Программа выдала запрос: «Сохранять трафик на локальный диск?». Сашка, не имея времени на раздумья, нажал «ОК».

– Всё, вот теперь точно иду, – сказал он, решительно отложив в сторону ноут, – только, мам, не надо, как в прошлый раз, вытирать пыль с клавиатуры, ладно?

– Договорились, – ответила мать.

– Так, голосуем дальше. Кто за то, чтобы над нашим городом развеялись тучи? – услышала Карга, и на мониторе её компьютера появилось видеоизображение зала заседаний. – За? Против? Воздержавшиеся?.. Секретарь, занесите результаты голосования в протокол.

Смартфон Барабаса заблеял козленочком, и гроссмейстер вздохнул с облегчением.

– Дык что ж ты так долго! – сказал он, когда увидел на экране своего смартфона Старую.

– Форс-мажор, ваше великолепие, – пояснила та.

– Всё готово? Когда махну рукой, жми на клавиши.

– Адер Иванович, попрошу вас не мешать заседанию исполкома, – по-

* **Брутфортер или брутфорсер** – (англ. – brute force, грубая сила) метод полного перебора для подбора паролей, а также компьютерная программа, использующая такой метод.

слышался голос первого депутата, – по телефону можно поговорить и за дверь. Вы мешаете нам работать.

– Работать? Вы целых десять минут языками чешите, но даже этим органом работать не умеете, – возмутился гроссмейстер, – так почему бы тебе не заткнуться?

– Что вы себе позволяете! – раскраснелся и заерзал на стуле первый депутат местного совета.

– Несмотря на то, что у вас депутатская неприкосновенность, вы не имеете права хамить, – сказал второй.

– Я, хамлю? Нет, это называется иначе: я вас увольняю, – закончил свою речь Барабас и махнул рукой, так, чтобы его жест был виден сидевшей за его спиной стриге.

Карга нажала кнопку «Ввод», тонкотелесные оболочки членов исполкома стали лопаться, как мыльные пузыри, и на месте каждого из чиновников возникал, где рогатый демон, где шайтан. Когда программа замены была выполнена до конца, Барабас достал платок и вытер пот со лба.

– Мне ещё никогда не было так душно, как в этом зале, – сказал он, тяжело вздохнув. – Друзья мои, рогатые и безрогие, я вас поздравляю, первый этап запланированной нами экспансии прошел успешно.

После этих слов гроссмейстера воплощенную в людей нечистую – и джиннов, и рогатых демонов – охватила эйфория и они долго слезно целовались и крепко обнимались.

– Закуривайте, господа, у нас впереди масса нерешенных вопросов, – сказал гроссмейстер, набивая табаком новую пенковую трубку, – Полина Сергеевна, несите напитки.

XV. Охота: тра-та-та-та-та

Отец Никодим набрал необходимую комбинацию цифр, и банкомат выдал ему пачку новеньких купюр.

Священник был одет не по канону, на нем была молодежная рубашка с коротким рукавом, короткие шорты, темные очки и пляжная шапочка с широкими бортами. За спиной у батюшки висел молодежный рюкзак. Бороду он стричь не решился, а потому выглядел привлекательно. Точнее, излишне привлекательно.

Он забрал карточку, которую выплюнул банкомат, возвел очи к небесам, шепнул: «Прости Господи мне этот вынужденный грех», – и уверенным шагом направился в ломбард «Душенька».

В довольно просторном помещении коммерческого заведения было тихо и прохладно. Здесь стояло десятка полтора офисных столиков, за которыми, как куколки Барби, сидели офис-леди.

Гламурная барышня, принявшая отца Никодима, оценивающе глянула на его прикид и, приложив немалые усилия, криво, но вежливо улыбнулась. На её лице было так много штукатурки, что самый искусный медиум не смог бы определить, была то чертовка или обыкновенная представительница слабой половины человечества. Имелись ли рога у этой особы, также нельзя было рассмотреть из-за весьма пышной прически.

– Серебро почему принимаете? – тихо спросил святой отец, неуверенно присаживаясь на стул.

– Ха, Ленка, смотри: ещё один с драгметом прискакал, – возмутилась офис-леди, обращаясь к коллеге за соседним столиком, но та не ответила, ибо была полностью поглощена работой с клиентом. – Вы вывески читать умеете? Наш ломбард называется «Душенька». При чем тут серебро?

Гордо демонстрируя расцветастый перламутр на ногтях, она протянула отцу Никодиму прайс-лист, в котором было всего несколько строк:

«Душа, 1 шт.:

Сроком на 1 год..... 100 у.е.

Сроком на 3 года..... 1 000 у.е.

Сроком на 10 лет..... 30 000 у.е.

Сроком на 50 лет..... 500 000 у.е.».

Внизу ценового листа можно было прочесть сноску: «Внимание, товар не дробить! Четверть души, полдуши и другие части приниматься не будут».

– А если навсегда? – спросил священник.

– Что навсегда?

– Если продать душу. Навсегда, безвозвратно, вы сколько даете?

– Неужели можно быть таким ханжой! У нас ломбард, где можно заложить, а когда появятся деньги – выкупить товар. Мы не какие-то там торгаши.

– А проценты у вас высокие?

– Да чепуха, двадцать процентов. У нас самый выгодный сервис!.. Да вы не беспокойтесь, ваша душа будет храниться, как у Христа за пазухой, – сказала офис-леди и как бы между прочим тихим голосом добавила, – а насчет «навсегда» вы с менеджером посоветуйтесь. Он обязательно что-нибудь придумает. Сейчас его в офисе нет, но вот вам наша визитка. Мы работаем без выходных.

Выйдя из ломбарда, священник внимательно прочел, что написано на визитной карточке, отчаянно плюнул на нее и выбросил, метя в урну.

Визитка до мусорного бачка не долетела: упала на тротуар, где её тут же подобрал человек неопределенного возраста и рода занятий. Авоська с бутылками, которую он только что держал в руке, мгновенно оказалась на земле, а её владелец глазами искал рекламу заведения, указанного на карточке. Что произошло потом, отец Никодим не увидел, у него были свои неразрешенные дела. Быстрым и уверенным шагом он направился в магазин с вывеской «Охота: тра-та-та-та!».

– О, отец Никодим, Христос среди нас! – по-церковному поздоровался продавец, не успел священник преступить порог охотничьей лавки.

Никодим по-девичьи кокетливо рассмеялся:

– Ох, черт попутал, я ж в продуктовый шел.

– Отец Никодим, будьте, как дома. Это же я, Женя, сын отца Евгения.

– А, Женя, – облегченно вздохнул батюшка, огляделся по сторонам и, убедившись, что в магазине нет других покупателей, подошел к прилавку.

– Как там отец Евгений?

– Да здоров, вроде. Об остальном не знаю: он со мной и зняться не хочет.

Не оправдал я его надежд, оружием, как видите, торгую.

– Это хорошо... я об оружии. Ружжо мне надо. Мощное.

– Что это вы, в охотники записались?

– Да нет, темная тут история. Совсем темная!

– Понимаю... Могу предложить очень хорошее помповое ружье американского производства «Чейзер-13» – надежное, уникальное, практически безотказное – и фирменные патроны к нему класса «жакан», – сказал продавец и вполголоса добавил, – бронежилет пробивает.

– А есть такие же патроны, только с серебряными пулями? – поинтересовался священник, рассматривая многозарядный винчестер и боеприпасы.

– Я не знал, что открыт сезон охоты на ведьм, отец Никодим.

– О, какое у вас все дорогое!.. Давай-ка мне, Женя, самый простой дробовик, и вот... – слуга православной церкви в очередной раз внимательно осмотрелся по сторонам и, окончательно убедившись, что в магазине кроме них с продавцом никого не было, достал из рюкзака узелок и раскрыл его, положив на прилавок. – Вот это надо переплавить на дробь, и зарядить ею патроны. Очень срочно. Сделаешь?

Продавец не без удивления глянул на содержимое узелка: там лежал большой серебряный крест.

– А не боитесь?.. Я не про закон, я про Него, – продавец зыркнул глазами на свой высокий потолок, – старинный крест, наверняка ценная реликвия!

– На святое дело иду! – ответил Никодим.

– В принципе, оборудование имеется... Я-то никому не скажу про ваше хобби, но и вы ж молчите, отец Никодим.

– А Господь, Он простит, – кивнул священник, и они ударили с Женей по рукам.

– Эх, отец Никодим, если б не знал вас раньше, ни за что бы не согласился. Вот только... вы фасон смените, а то своим внешним видом всю дичь распугаете, – сказал продавец, забирая узелок с прилавка, – если у Вас, конечно, нет какой-то особой миссии.

– Какой ещё миссии?

– Не знаю... тайной, великой, религиозной: увидев вас в таком прикиде, люди может и не сразу в веру обратятся, но креститься точно начнут.

Когда отец Никодим приехал домой, матушка расплачивалась с шабашниками. Из гаража он вышел с длинным свертком.

Двое в рабочей форме поклонились священнику на пороге дома, по три раза перекрестились и поспешно уехали с хутора. Оценив внимательным взглядом свой двор и опушку леса, Никодим запер дверь на засов и прошел в дом.

– Спасибо те, защитница наша, наконец-то в нашем доме появились хоть какие-то удобства, – молилась перед иконой Божьей Матери попадья.

– Все тихо? – спросил отец Никодим. Но жена продолжала отбивать поклоны, как бы не слыша мужа. Священник зашторил окно, распечатал сверток, выложил на кухонный стол одноствольное ружье МЦ20-01, так называемую «двадцатку», и патронташ.

– Вот, приобрел, – сказал он.

Матушка тут же встала с колен, глянула на стол... на мужа... закрыла лицо ладонями и завывала на всю хату:

– Господи, да кого ж ты убивать уже собрался!

– Не «кого», а «что». Ты, матушка, куме позвони, пусть детей у себя до завтра оставит. А сама попроще оденься и потеплее: спать на сеновал пойдём.

– Куда? – удивилась попадая, глотая слезу.

– На сеновал. В сарае попрохладней будет, особенно ночью, так что ту-журку накинь.

Сашка давно уже вернулся из хлебного ларька и просматривал потоковое видео.

Он мог игнорировать все, что говорила ему Инна вчера в лесу, танцую с невидимыми нимфами, и сегодня утром, у института. Он мог относиться с фигой в кармане к словам мятущегося Дзуликого Януса, утверждавшего, что по городу Ру пешком расхаживают демонические существа. Но не верить своим глазам Сашка не мог.

На экране своего собственного ноутбука, в окне собранного из исходников им же самим видеопроигрывателя Сашка видел то, что человеческий глаз видеть не может, а именно – собрание демонов разного ранга, воплотившихся в членов исполнительного комитета городского совета депутатов города Ру.

Собрание вел нардеп, с которым они познакомились на ролевой игре. Рогатые и шайтаны беспрестанно курили – кто сигареты, кто сигары, кто трубку, кто кальян – отчего в зале заседаний дым стоял коромыслом, но на качество видеосигнала, к удивлению Сашки, это практически не влияло.

– Итак, джентльмены, на данный момент мы захватили власть в маленьком городе. Она принадлежит нам полностью и без остатка, – сказал Барабас.

Шайтаны и рогатые активно заплодировали, и Барабасу пришлось выдержать паузу.

– Не надо оваций, – сказал он, подняв правую руку, и нечистые стихли, – осталась лишь одна нерешенная задача – заменить здесь, в Ру, ещё несколько важных чинов, которые не входят в состав исполкома. Карга сделает это самостоятельно. А мы с вами обсудим дальнейшие планы.

Моложавая старуха кивнула и вышла из программы «Скайп».

В Сашкином компьютере сигнал не пропал, и студент факультета информационных технологий нетерпеливо заерзал на стуле, боясь и предположить, что ещё задумали демоны.

– Итак, теперь наша задача – захватить власть в других городах, а главное – в столице, и взять на себя управление государством. Наши технические возможности неограниченны. Какие будут предложения?

В зале исполкома воцарилось молчание, пока один из ифритов, докурив сигару, не встал, поправляя пиджак.

– Первый вопрос – финансирование.

Барабас снова поднял правую руку и объявил:

– Господа, любые расходы будут покрыты немедленно: материальные затраты не имеют никакого значения. Присутствующие снова заплодировали.

– Тогда второй вопрос, – сказал ифрит, – здесь, в Ру, мы под защитой асператуса. Эти облака защищают нас от губительного солнечного излучения. Это хорошо! (Аплодисменты.) Но как мы будем жить там, где их нет? Представьте, вы занимаете пост Президента, премьер-министра, спикера парламента, а над вами и небо чистое, и солнце яркое, потому что нет асператуса. Как я могу послать своего коллегу на такое рискованное задание? Это же ни в Тынду, ни в Караганду!

Ифрит сел на место и закурил очередную сигару. Шайтаны зашумели, обсуждая эмоциональное выступление собрата. Барабас был вынужден встать.

– Спокойно, друзья, – сказал он уважительно, – никакой опасности на самом деле нет. Начнем с низших каст. Бесам, чертям, гулам и кутрубам, которые могут занять место дживы, но не способны до конца подавить человеческую природу, нужно просто быть осторожными и не покидать тело днем, если оно находится вне помещения. Шайтанам среднего звена, таким как силаты и мариды, ещё проще: у них больше возможности управлять физической оболочкой человека. Ну а высшие касты – инкубы, суккубы, ифриты – вообще, можно сказать, ничем не рискуют. Они имеют полную власть над телом человека. Для них существует единственное ограничение: превращать человеческое физическое тело в демоническое и летать они смогут только ночью.

– Но нам же придется работать! – возразил ифрит.

Услышав слово «работать», зашумели не только шайтаны, но и рогатые демоны, и Барабасу пришлось повысить голос.

– Это же смешно! – громко крикнул гроссмейстер, – вам здесь, в органах городской власти, не о чем волноваться, а там (гроссмейстер ткнул пальцем куда-то в потолок) ещё проще. Если глотки друг другу не перегрызете, то есть не будете вести себя позорно, как люди, и сможете держаться вместе, жить будете, как сыр в масле. Руководить, значит, руками водить. Причем, учтите, что со временем, мы построим такие установки, что асператусом затянет все небо планеты, Земля утонет в сумраке. И мы будем жить демонической жизнью не только ночью, но и днем. Ну а пока... с солнцем придется мириться.

– В человеческих оболочках на солнце становится некомфортно, – сказал козлобородый демон преклонных лет, – а чиновникам нередко приходится встречаться с электоратом, общаться, так сказать, с народом.

– Да, вам придется встречаться с людьми. Но где! На заводах, шахтах, других предприятиях. Откуда там, скажите, солнечный свет?

– Но у нас есть и потребности. Например, каждый уважающий себя демон не прочь поохотиться, – возразил инкуб в форме полковника МВД.

– Да, это важно, особенно для тех, кто будет занимать высокие посты в правоохранительных органах, – подчеркнул гроссмейстер. – Что ж, допустим, вы хотите поехать на охоту. Пожалуйста, вышли в Интернет, выбрали пасмурные дни – езжайте!

Барабас замолчал. Зал поглотила тишина.

– Да, это удобно, ведь метеорологи никогда не ошибаются, – поддержал Барабаса тот самый ифрит, который накануне дрался с инкубом.

– Ну что ж, будем работ... пардон, двигаться дальше, рассмотрим кандидатуры на должности в высших эшелонах власти, – сказал Барабас.

На этом видеоряд неожиданно прервался. Сашка не стал морочиться и восстанавливать связь с передающим устройством, а сделал следующее: он открыл в файловом менеджере домашнюю директорию атакованного сервера, выделил мышкой все видеофайлы, которые там были, и нажал клавиши F5 и «Ввод». Решив не терять времени, пока файлы скопируются на жесткий диск его ноутбука, Сашка достал мобильник, нашел в списке номер телефона Пинцовой... но поразмыслив, выбрал другое имя и нажал кнопку «Позвонить»...

XVI. Осиновые стрелы, серебряные пули

Инна в который раз настойчиво постучала, затем позвонила, но дверь квартиры, где жил Андрей так никто и не открыл. Зато открылась дверь напротив, и из нее на полголовы выглянул седовласый старичок.

– Дедушка, вы не видели своего соседа, Андрюшу? Студента. Он в этой квартире живет.

– Какой я тебе дедушка, – возмутился старичок, – мне всего-навсего семьдесят лет!.. В институт ушел твой Андрей. Ещё утром.

Сосед закрыл дверь, но хорошо было слышно, как он проворчал: «Ишь, нашла старика, да я на турнике десять раз подтягиваюсь!.. А девка-то ничего. Может, поближе познакомиться?».

Пинцова вышла во двор и села на скамейку, тут-то и прилетел Копростасис.

– Фуф, как же я устал тебя искать! – сказал запыхавшийся кьонг.

– Ну наконец-то, Копри, ты мне нужен.

– Подожди, дай отдышусь. Фу-фу-ф... Я ждал, пока занятия в институте закончатся, прилетаю, а тебя нет.

– Всех студентов отпустили ещё с первой пары. Занятий теперь вообще не будет, только зачеты и сессия... Копри, они всех преподавателей демонами заменили.

– Хо, и преподавателей? Но ты, надеюсь, виду не подала, что видишь нечистых?

– Я-то нет. А вот наш огнеборец Янус... ну, по раскаленным углям он нас на «Илионе» водил...

– О, по углям? Раскаленным?..

– Он в городе демонов увидел и всем об этом теперь рассказывает.

– Ай-ай-ай-ай-ай!.. Надо его срочно остановить, предупредить. Предупрежден, значит – вооружен! У тебя есть его телефон? Звони, договаривайся о встрече.

Инна достала мобильник и стала звонить Янусу.

– Не пойму я, – удивлялся кьонг, – их руководящие посты интересуют.

Я думал, они только начальников демонами заменят. Зачем же они в институт полезли, это же невыгодное место... Неужто – выгодное?..

Инна давно уже не слушала Копростасиса, потому что Янус, как только взял трубку, сразу же начал рассказывать, как быстрее добраться до новой тренировочной базы.

– Тихо, Копри, ничего не слышно, – сказала она кьонгу, и тот плотно зажал обоими крыльями клюв: другого способа замолчать Копростасис, видимо, не знал. Дослушав Януса до конца, Инна сразу же набрала другой номер. – Алло, такси? Улица Сернокислотная, 3, первый подъезд.

– Что? Я на такси не поеду! – снова открыл клюв кьонг.

– Значит, полетишь за машиной. У тебя и крылья, кажется, немножко подросли, нет?

Копростасис насупился и замолчал.

– Как хорошо в тишине, – молвила Инна.

Такси приехало быстро. Инна с Копростасисом сели в машину.

– На Капролактамовую, в самый конец, а потом – за город. Я покажу, – сообщила она таксисту.

– Знаю-знаю! – ответил водитель, – я вашу братию за сегодня раз пять туда доставлял. У вас что, грандиозный пикник? Так вы бы автобус заказали...

По накатанной грунтовой дороге такси выехало на опушку леса и остановилось. Инна расплатилась с водителем, и серебристое “Daewoo”, подняв огромное облако пыли, скрылось в просеке.

– А дальше куда? – поинтересовался кьонг, откашливаясь от выхлопных газов.

– Я на новой базе ещё не была, но, судя по всему, нам сюда, – сказала Инна, и они пошли по тропинке, ведущей вглубь осинового рощи.

– Надо было на велосипеде ехать, – каркнул Копри, – я бы на багажничке пристроился. Ты бы как крутанула педали: ж-жух, ж-жух. Мы бы быстро до базы добрались. У тебя есть велосипед?

– Нет.

– Ж-ж-жаль!

– Копруш, скажи, неужели нечистые раньше никогда не поднимались на поверхность?

– О, ещё как поднимались! А Гитлер и половина его окружения, думаешь, были людьми?

– Да уж это вряд ли!

– С помощью обратной свастики они раскручивали темную энергию и очень многого добились. Но на славян с пятиконечной звездой это не подействовало. Пентаграмма блокировала дьявольскую силу... А Нерон, а папа римский Урбан Второй.

– Урбан Второй?

– Да, тот, что первый крестовый поход организовал. Он и ещё добрый десяток римских пап были рогатыми демонами высшей касты либо огненными джиннами во плоти.

– А Сталин?

– Сталин, как ни странно, был человеком. Жестокий, параноиком, но человеком. А вот Берия и многие из его приближенных – ифритами и инкубами.

– А Гришка Распутин?

– Обычный черт самого низшего ранга, но очень уж талантливый.

– Который, по сути, управлял Российской Империей.

– Все демоны, так или иначе, стремились к власти.

– А сейчас у власти есть демонические существа?

– Да так, бесы и черти, иногда – водяные и воздушные джинны. Но и они мелюзга. Настоящая нечисть, которая полностью дискредитирует человеческую природу, старается себя не рекламировать. После того, как они научились делать доллар из воздуха и завладели мировой финансовой системой, им нет смысла показывать свое лицо. Земная власть иллюзорна. *O quam cito transit gloria mundi**! А деньги делают власть демонов абсолютной. Любое президентское кресло нетрудно купить за бумажки, которые можно печатать в неограниченном количестве. Демоны находят одержимых кандидатов, обязующихся выполнять все указания, и ставят их во главе государств. В любой стране, где деньги, и особенно доллар, стали самоцелью, правит нечистая.

– Почему же тогда Барабас не воспользовался этой проверенной схемой. Ему было бы выгоднее действовать где-нибудь в столице, а не в нашей дыре.

– Демоны друг другу не доверяют. Они так алчны в своем стремлении к власти, что уничтожают любого, кто к ней приблизится. Да и потом, Барабас не просто демон, он падший демиург. Он всегда поступает нестандартно. Думаю, его планы выходят далеко за пределы Ру. Мне кажется, Барабас копит силы. И этот маленький городок для него что-то вроде вашей тренировочной базы...

– Стоять! – слышался чей-то голос, и Инна остановилась. Рядом никого не было видно.

– Кто такие, куда идем?

– Ой, спускайтесь уже, – ответила Инна.

– Это ещё кто? – поинтересовался Копростасис.

– Типа «вольные стрелки». Дозор.

С дерева спрыгнул паренек в камуфляже. Два соседних куста ожили и встали на ноги.

– Ага. Ты кто? – спросил тот, кто спрыгнул с дерева.

– Гектор, ты что слепой, – улыбнулась Инна, – Елену Прекрасную не узнаешь?

– Да я-то Гектор. А ты вот кто такая! Как меня по жизни зовут?

– Шурик, ты заигрался, – ответила Пинцова и вытащила телефон, чтобы позвонить Янусу.

* *O quam cito transit gloria mundi* – (лат.) о как скоро проходит мирская слава. Фраза из книги немецкого философа-мистика Фомы Кемпийского (XV в.) «О подражании Христу» (I, 3, 6). Небезызвестное латинское высказывание «*Sic transit gloria mundi*» («Так проходит мирская слава»), которое произносится во время церемонии вступления в сан нового римского папы, является переделкой вышеупомянутого выражения.

– Здесь мертвая зона. Ни один мобильный оператор не доступен, – сказал первый двуногий куст.

– Низина! – пояснил технические причины второй куст.

– Действительно, – сказала Инна, убедившись в отсутствии сигнала.

– А кому ты хотела звонить? – поинтересовался Гектор.

– Сереге Янусу, – ответила Пинцова и как ни в чем ни бывало двинулась дальше по тропинке.

– Стой! – скомандовал Гектор.

– Ну, что ещё?

– Как убили Ахилла?

– Стрелой в пятку, Саша, это каждый ребенок знает.

– Фу, – расслабился Гектор, – Пинцова, как я рад тебя видеть!

– А сразу нельзя было догадаться?

– Понимаешь, Янус сказал, что под видом человека на базу могут проникнуть демоны. А мне ещё показалось, что ты с кем-то разговаривала.

– Пойдем, Инна, не видишь: они идиоты, – не выдержал Копростасис.

Оба куста, как подкосило, они мгновенно присели и замерли, а Гектор снова очутился на дереве.

– Это кто? – донесся сверху его голос.

– Да не трать ты, это друг. Если вы его услышали, значит, не все потеряно, – ответила Инна и снова двинулась вперед по тропинке.

– Что-то не видно духов леса, – заметил Копростасис. Только он это сказал, к ним подлетел зеленый леприкон. Оценив внимательным взглядом кьюнга и девушку, крошечный дух весело рассмеялся, осыпал их золотой пылью и улетел прочь также быстро, как и появился.

– Какой симпатичный, правда?! – восхитилась Пинцова. – Духи прячутся, Копруш, люди им доверия не внушают.

– А демоны? – задумчиво сказал кьюнг.

По чакрамам Инны пролетела звездочка, они раскрылись, и перед Пинцовой в лучах света явилась её душа.

– Как я поняла, с леприконами ты ещё не знакома? – спросила Инна.

– Не-а! – покачала головой Энио, явно смущенная присутствием кьюнга.

– Что ж, лети за ним, но когда позову – сразу возвращайся.

– Угу, – кивнула душа, поцеловала Инну в щеку и через миг исчезла в зарослях.

Пройдя через балку, Инна и Копростасис поднялись на холм, где и был расположен тренировочный лагерь. В его левом крыле несколько стрелков оттачивали свои навыки в стрельбе из лука. Их мишенями были выразительные чучела с головами из соломы обтянутой мешковиной и туловищами из пенопласта.

Ролевики учились стрелять с разных положений: на бегу, после кувырка и – с колена. Первым выстрел делал Приам, который, по-видимому, давал молодым мастер-класс.

– Полное натяжение, полное! – кричал он в адрес очередного стрелка, – распрями левую руку... Вот так, молодец!.. Привет, Пинцова!

В правом крыле тренировались арбалетчики. Их оружие было более точным, поэтому они стреляли по мелким мишеням – пивным и консервным банкам – и не с двадцати, как лучники, а приблизительно с сорока метров.

– Стрелы и болты без набалдашников, – заметила Инна, – а это уже не игровое оружие.

– Какие болты? – поинтересовался Копри.

– Копруша, арбалетная стрела называется болтом.

– А! – махнул крылом кьонг, – я Средние века и пол-эпохи Возрождения провел в Северной Америке, у индейцев.

– И что ж ты там делал?

– Отыгрывал роль Большого Орла Маниту. У меня, между прочим, это неплохо получалось!

– Так сколько ж тебе лет, Копри?

– Не знаю. Точнее, не помню.

– Так может ты видел, как строились пирамиды?

– Ага. И завоевание Индии ариями.

– Так ты ж ценная птица, Копростасис!

– Ну да. Только память меня часто подводит: тут помню, а тут – не помню.

– Так не бывает!

– Бывает, – возразил кьонг.

В глубине лагеря несколько ролевиков дрались на мечех. Но основная масса лесных романтиков собралась сейчас в центре лагеря под большим навесом. Янус стоял перед собранием, у обыкновенной школьной доски, подвешенной на крючьях к веткам сосны. Он сейчас был похож на молодого ученого, защищающего диссертацию. Рядом с доской висели довольно точная карта города Ру и схема химического комбината.

Инна с Копростасисом подошли ближе к слушателям. И вдруг, неожиданно для себя, в первых рядах Пинцова увидела Патрокла.

– Сашка, откуда ты здесь? – удивилась Пинцова.

– Я такое видео привез, у тебя челюсть отвалится, – ответил он.

– Заманчивая перспектива.

– Только тсс!.. – приложил Сашка палец к губам, – Янус просил не шуметь. Потом поболтаем.

– Итак, на схеме я отметил два здания, – сказал Янус.

– Общаги, – выкрикнули из толпы.

– Пусть будут общаги. Так вот, в одной из них квартируются черти и бесы, во второй – джинны и ифриты. Наша задача – уничтожить обе группировки.

– Ты предлагаешь по ним стрелять из луков и арбалетов? – спросила Инна.

– О, Пинцова, молодец, что приехала. У нас есть против них очень эффективное оружие. Ты видела наши стрелы? Их наконечники сделаны из осины. Одно попадание – один труп...

– Несусветная глупость, – сдержанно каркнул кьонг.

– ...ты просмотри видео, которое Сашка Сник... Патрокл привез! Нечис-

тые установили какие-то особые видеокамеры по всему городу в точках собственного скопления. А теперь все их видео у нас. В общем, мы их решили вынести.

– Это не камеры, а стриги, – ввязался в разговор Копростасис.

– Не знаю, маркой их веб-камер я не интересовался, – сказал Янус.

– Ясно. Барабас к этим тварям каким-то неизвестным науке методом через компьютерную сеть подключился. Стриги могут быть где угодно. Нечистые передушат нас, как котят, – сказала Инна и вышла к доске.

– Слепых котят! – уточнил Копростасис.

– Чтобы попасть в мишень, её надо видеть, – продолжала Пинцова.

– А что это у тебя за ком перьев на плече? – спросил Янус.

– О, Янус, ты его видишь? Это меняет дело. Короче, это кьонг. Его зовут Копри... Если его смогут увидеть все остальные, тогда, возможно, мы и победим нечисть.

– И как же это сделать?

– Я думаю, что те, кто прошел по углям, уже наполовину зрячие. А возможно, не только они. Мы же постоянно с лесом общаемся, многие из нас давно уже стали частью природы.

– Вот сейчас мы и проверим, – сказал кьонг и громко крикнул, – кто меня слышит, два шага вперед!

Из толпы вышло семь человек.

– Не густо, – вздохнула чудо-птица. – Кто видит – ещё шаг вперед.

Но больше никто не двинулся с места.

– Что ж, допустим, мы разовьем их способности, – сказал Копростасис, – но семь человек и один кьонг с демонами не справятся.

– Девять человек и один кьонг, – уточнила Пинцова, – ты забыл про меня и Януса.

– Все равно недостаточно. Рогатых не меньше полусотни и столько же шайтанов. Потом, ты забываешь про крылатую нечисть.

– Я вот думаю, Копри, почему они на игре тебя не слышали, а сейчас слышат, а Янус даже видит. Как так может быть? – спросила Инна.

– Эль, глинтвейн, водка – все, что содержит алкоголь – действует на светлую энергию разрушающе, – пояснила чудо-птица.

– Эй, братва, в лагере пива не пить! – крикнул Янус, и десятка два бутылок с пенящейся жидкостью в тот же миг полетели в мусорную яму.

– Теперь уже ничего не поправишь, – сказала Инна. – Слушай, Сереж, так здесь же не все! Зови тренирующихся, может ещё человек пять-шесть слышащих наберется.

– Эй, Приам, Аяксы, – крикнул Янус, – давайте-ка все сюда со своими «головорезами».

– И дозорных с постов поснимай, – посоветовала Инна, – они, кстати, в большой опасности. Неизвестно, что у этих демонов на уме.

Янус дал знак Одиссею, тот молча кивнул и пошел снимать посты.

– Минут через десять здесь будут все, – сказал Серега.

– Плохо, что нет мастеров «Илиона», девчонок... – с сожалением молви-

ла Инна, пересаживая Копростасиса со своего плеча на сосновую ветвь.

– Эй-эй, что ты делаешь, я и сам могу перелететь, – запротестовал кьюнг, но Инна поцеловала его в клюв. Копри от такой нежности аж глаза прикрыл и сказал: «Фыр-р!».

– Что фырчишь, не нравится? – удивилась Инна, – извини, Копруш, но у меня плечо от тебя затекло.

– «Фыр-р» по-кьюнговски значит «приятно»!

– Мастера смогут приехать только на следующей неделе, – отвечал Янус, – а девчонки... Смотря кто тебе нужен. Кассандра и Ифигения кашу готовят в палаточном лагере.

– И Брисеида? – с надеждой воскликнула Инна.

– Брисеида? Нет...

– Жаль.

– Я говорю, Брисеида не кашу варит, а над гоблинским напитком колдует. Говорит, по бабушкиному рецепту.

– Интересно, кто её бабушка? – каркнул кьюнг.

В низине, неподалеку от тренировочной площадки, Инна нашла палаточный лагерь, в котором женская половина готовила еду. Кроме представительниц слабого пола у костра сидел Ахилл с перевязанной ногой, и она на миг засомневалась: подходить ли к костру?

– О, казус белли, – радостно воскликнул Ахилл, увидев её, – можешь мне не верить, но я очень рад тебя видеть. Я наш вчерашний поединок никогда не забуду!

– Гена, ты меня извини, я была не права.

– Так то ж была игра, Пинцова, какие могут быть обиды! Да и не ты мне пятку прострелила. Классная у нас получалась Илиада!

– Как нога?

– Знаешь, тут девчонки травы поприкладывали – вообще не болит.

– Девчонки? – услышала Инна знакомый голос за своей спиной, – Брисеида одолень-траву полночи искала, полдня его чуть ли не в... пятку целовала, возилась с ним, как с младенцем... Попробуй ещё под одну юбку залезть, будут тебе девчонки!

Ахилл в свое оправдание лишь смиренно поднял руки.

– А ну, Геш, попробуй кашу, – сказала Кассандра и протянула ему большую деревянную ложку.

Брисеида поставила на землю большой кувшин, расписанный славянскими рунами.

– А мое зелье кто-нибудь решиться продегустировать? – сказала она.

– О, гоблинский напиток! – воскликнула Инна.

– Это Янус тебе такое нашептал? Он всегда всё путает: гоблинский на спирту, а это – гномий.

Дочь Брисея налила в кружку зелье и протянула Пинцовой. Инна сделала совсем маленький глоток, затрясла головой и громко крикнула: ух!

– Пробрало? – рассмеялась Брисеида.

- По-моему, он не гномий, а великаний.
- Похмелье снимает на раз! Жаль, что ты эльфийский не пробовала. Хотя мне кажется, гномий лучше.
- Я давно говорила, что ролевое движение без тебя многое теряет.
- Ну, теперь я настоящая ролевичка!
- Пстой, похмелье снимает, говоришь? – обрадовалась Инна.
- Да, а что?
- Точно, и в голове прояснилось... Слушай, ты же изобрела антиалкогольное зелье!
- Ну, не я, а моя бабушка. Я только лимон лаймом заменила и разных трав дала побольше.
- Знаешь, что: бери кувшин, пошли наверх. И вы, девчонки, тоже.
- А каша? – сказала Ифигения, подбрасывая в костер хворост и кривясь от дыма.
- Каша готова, снимай, – ответил ей Ахилл. – Идите-идите, я хоть в тишине у костра посижу. Эй, казус белли, кружку давай сюда.
- Слушай, он так изменился! – шепнула Брисеида Инне на ухо, когда они стали подниматься на холм.
- Да брось ты, люди редко меняются. Он не так прост, как кажется, я только вчера это поняла. И думаю...
- Что?
- Хорошо, что ты с ним подружилась, а я – помирилась.

- Отец Никодим наблюдал за своим двором через щелочку в сарае. Его супруга лежала здесь же, на сеновале и читала книгу.
- Ой, как хорошо, – сказала попадья, – отдохнуть от забот, от суеты мирской, побыть рядом с любимым муженьком, книжку умную почитать. Так только в молодости было. Спасибо, Никодим, что вытащил меня на сеновал.
 - И что ж ты читаешь, любовный роман?
 - Господь с тобой, в такой праздник романы читать. «Беседы с отцом Александром Сенем», – прочла с обложки попадья.
 - И тебе интересно?
 - А то! Вот он пишет, что только религия приводит к Богу, а вера может быть в кого угодно, хоть в черта, хоть в дьявола. А ты, что на это скажешь?
 - Вот так и скажу, матушка, не согласен я с отцом Александром.
 - О! Да Александра Сеня полмира православного наставником почитают! А ты, прям как Шариков в «Собачем сердце»: не согласен он.
 - Да, не согласен! Религия призвана людей в народ объединять, чтоб не заплутали они на пути к Богу, и раскола среди них не было. А вера – она во всех с разной силой проявляется, а мы её канонем церковным хотим заменить. Церкви надо доверять, а в Бога – верить!
 - Не дай Бог, кто-то услышит твою ересь!
 - "Ересь" по-гречески означает "мнение", даже у Сеня об этом написано, почитай. Но ты цыц! Никому не болтай, о чем я тут с тобой разглагольствую.
 - Что ж я, дура? Услышит кто, как ты к канону относишься, так тебя ж

прихода лишат. И так, как нищие живем...

– Тихо! Дай-ка ружжо... Ах вы окаянные, глянь-ка, матушка, они бочку с огорода норовят утащить. Будет вам и бочка, и люминий, и серебро в задницу, – прошептал батюшка и не спеша сполз с сеновала, – тихо сиди, не спугни мне чертей!

Матушка отложила книгу и по-пластунски поползла наверх. Она выглянула в щелочку и ахнула:

– Так никого ж нет!

Рогатых она не видела, и только две лопаты, как бы сами по себе, выкапывали на их огороде двухсотлитровую алюминиевую емкость.

– И зачем же вам, чертям необразованным, люминий? – поинтересовался отец Никодим у рогатой нечисти, подкравшись почти вплотную, и черти тут же побросали лопаты.

– Так... Как же жить, если не на что? – сказал рогатый, – а тут приемный пункт... рядышком, в городе. Металл хотели сдать.

– Что ты перед ним оправдываешься? Он же нас хочет из ружья убить, будто мы дичь какая-то, – сказала чертовка и рассмеялась, – нас пулей не возьмешь!

– Коли я вижу, то и пуля увидит, – ответил отец Никодим и вздернул затвор, – дробь-то у меня серебряная!

– Да хоть золотая, – махнул рукой черт, – ты что, сказок про вампиров насмотрелся? Говорят же тебе, не подействует.

– Это моя бочка. Её ещё мой дед вкопал, понятно тебе, окаянный? – сказал Никодим, не опуская ствол.

– Так бы сразу и сказал. Мы – черти законопослушные... Мы думали, что тебе она не нужна, – сказал рогатый, вытирая руки платочком.

– А спросить слабо? – не успокаивался Никодим.

– Мы ж не знали, что ты на чертей зрячий! – возмутился черт.

– Вот и подумали, какой толк спрашивать? А теперь всё понятно, – пояснила чертовка. Окаянные подняли лопаты и пошли прочь.

– И другим своим скажите, бочка мне нужна, сортир – моя частная собственность, и вообще, в моём дворе нечисти делать нечего! – крикнул вдогонку священник.

– Хорошо, поп, мы все поняли. Попадье – привет! – ответил черт и помахал на прощание копытцем.

– Слушай, здесь рядом дачи, там одни барыги, может, *им* цветмет не нужен, – предположила чертовка.

– А что, чем черт не шутит, пошли.

– Только теперь обязательно спросим.

– Ага. Может, и переночевать кто пустит, – согласился рогатый и окаянная парочка растворилась в дремучем лесу.

– Разобрался? – спросила матушка, когда Никодим вернулся на сеновал.

– С кем? – вопросом на вопрос ответил супруг.

– Да с чертями окаянными.

– А ты что, их видела?

- Нет, не видела.
 - Тогда, наверное, слышала.
 - И не слышала. Но ты же сказал, что пошел с нечистыми разбираться.
 - Мало ли что я сказал.
 - Так ты ж мой муж, я верить тебе должна.
 - И что же, веришь, что я не с людьми, не с коровами и не с самим собой говорил, только потому, что я твой супруг?
 - А в Библии так написано: как для мужа Бог, так для жены – муж.
 - Много чего написано, а читает каждый по-разному.
 - Ты прав. И видит каждый по-разному. Ещё утром я видела мир по одному, а сейчас – совсем по-другому. Вспомнила вдруг, как мы с тобой в молодости в этом сарае на сеновале от родителей прятались и подумала: как же я тебя любила! А потом думаю, отчего же любила? Люблю! И по сей день люблю. Ещё жарче, ещё проникновеннее. И чувствую, и знаю, и верю, что муж ты мой навсегда, и что мы – единое целое перед людьми и перед Богом. Как же мне тебе не верить, если ты и я – одно и то же!
- Отец Никодим отбросил ружье в сторону, упал на колени и отбил Господу земной поклон.
- Вот я глупый человек, – сказал он тихо, – позабыл я, что есть главное на земле грешной! Ружжо купил. За чертями охочусь. Крест фамильный продал. Веру потерял. А ведь то, что без любви творится, то глупо!
 - Так иди ж ко мне, коли понял, – позвала его попадья, и коровы в сарае непонятливо замычали. И вдруг, ружье выстрелило.
 - Ну ты даешь, Никодим! – воскликнула жена.
 - Так то ж не я, а ружжо, – ответил батюшка.
 - Да я не про ружжо: грешно в День Святого Духа так искушаться!
 - Что не по любви, а по похоти – то грешно.
 - Так это ж не та любовь, о которой в Писании написано.
 - А ты любовь в рамки не вводи, и получится, что именно та, – ответил священник.

XVII. Воины Света

Брисеида налила своё чудо-зелье в последнюю кружку. Паренек с луком наперевес, только понюхав содержимое, скривился и вздрогнул.

- Не нюхать, пить залпом! – скомандовал Янус.

Ролевики стояли на поляне широким кругом, положив левую руку товарищу на плечо. В правой руке каждый из них держал кружку с гномьим напитком.

- Гой еси! – крикнул Янус.
- Здраве буде! – ответили остальные.

Единым залпом ролевики осушили кружки. Асператус от их дужего крика заметно вздрогнул. Тяжелые демонические тучи надломались в яркой огненной вспышке, и в одинокую сосну на поляне, где совсем недавно тренировались меченосцы, ударила мощная молния. Дерево тяжело затрещало, но устояло, сбросив с себя лишь сухие ветки и отжившую хвою. И только одна сухая веточка загорелась, да и та, долетев до земли, безнадежно погасла.

Куда-то ввысь от дерева отлетал легкий дымок.

– Даже дождь не пошел, – разочарованно сказал Большой Аякс.

– Да, было бы нас человек триста! – вообразил Малый.

– И не жалко вам сосенку? – поинтересовалась Брисеида, забирая у них кружки.

– Ой, гляньте, – расхохотался Малый Аякс, тыча пальцем в сторону тренировочной площадки, где на ветке скромно восседал Копростасис, – а это что за чудо в перьях?

Все, кто только что стоял в кругу, тут же обратили внимание на кьюнга, и лес затрясся от дружного смеха.

– Смейтесь-смейтесь, – тихо сказал Копри, – видели бы вы то, что вижу я!

А кьюнг наблюдал невеселую картину: абсолютно разбалансированные тонкотелесные оболочки, вяло светящиеся терпко-алым цветом агрессии и грязно-зеленым цветом трусости, рваные, неустойчивые энергетические поля.

– Это и есть господин учитель? – поинтересовался Одиссей.

– Только без сарказма, Улисс, – ответил ему Янус совершенно серьезным тоном, – видеть его – одно, а нечистых – другое. Демоны несколько иной природы... Все на тренировочную площадку, стать полукругом!

– Много полукругов получится, – заметил Гектор, – здесь полсотни человек.

– Ну, это ты загнул, – возразил ему Янус, – от силы, человек тридцать.

– Ровно тридцать, если со мной считать, – послышался мужской бас. Все обернулись и увидели Ахилла, который не смог смириться с одиночеством и поднялся-таки на тренировочную площадку. Несмотря на боль в ноге, он стоял ровно и даже не хмурился.

– Молодец, Геша! Теперь мы точно победим, – подбодрил его Янус. – Так, кто не помещается – отступайте в следующий ряд. Начинай, кьюнг.

– А начнем мы с теории, – громко сказал Копростасис, откашлялся и продолжил, – ваш мозг привык к прямому, непосредственному восприятию мира, сейчас мы его научим косвенному восприятию, опосредованному. Инна, напиши на доске комплексное уравнение.

Над лагерем повисла тишина.

– Копри, нам только высшей математики не хватает. Давай-ка попроще, – возразила ему Пинцова.

– Ах, я и забыл, что говорил мой друг аббат Фария... Понимаешь, существует очень много способов расширить сознание: молитвы, мантры, десятки форм медитации, ушу, солнечный танец... Все они индивидуальны и связаны с религией, этносом, накопленным опытом, знаниями и много ещё с чем.

– Проще, Копри, ты же можешь, ты такой талантливый!

– Да, этого у меня не отнять!.. Придумал: рисуй свастику.

Инна взяла мел и стала чертить на доске гитлеровскую эмблему.

– Ты ж говорил, она блокирует светлую энергию.

– Да ты делай, что говорят, сейчас я главный... Внимание, это неправильный ключ, его ни в коем случае нельзя применять на практике! Пара оборотов – и вы станете агрессивными; ещё раз провернете – и ваш мир исказит-

ся, как отражение в кривом зеркале. Вы даже не заметите, как ваша душа провалится туда, откуда её очень трудно будет достать. Поздние последователи Заратуштры, Керенский, Гитлер... Я могу привести ещё десяток примеров, когда она погубила целые народы и религии, и ни одного – когда помогла хоть одному человеку. Свастика блокируется звездой. Обычной, пятиконечной. Не путать с серпом и молотом! – сказал кьюнг и весело рассмеялся над своей же шуткой.

– Копруша, а какой же ключ правильный? – спросила Инна.

– Так, не перебивай меня, женщина, – каркнул Копростасис. – Запомнили? А теперь Инна начертит другой ключ. Он тоже очень опасен. Никогда не применяйте его к другим людям. Рисуи ту же свастику, только с мягкими углами и в зеркальном отображении. Её концы всегда должны быть направлены против часовой стрелки. Перепутаете – ваш мир вывернется наизнанку, и наступит полный кирдык.

– Готово, – ответила Инна, закончив чертить на доске знак двойную свастику.

– Это что такое?

– Одолень-трава. Двойной знак огня. Славянский оберег.

– Я же просил начертить буддистский символ совершенства... Хотя, двойной даже лучше, только углы сделай дугой, чтоб ключ не застревал. Смотреть на ключ только прямо. Он обманчив, как кубик-перевертыш. Мысль может быть только одна: вы едины со вселенной и её абсолютным началом. У вас нет ни имени, ни рода занятий. Вы – клетки одного организма, песчинки одной пустыни. Остальные образы вам подскажет Он, если вы того достойны. А теперь... Вращайте ключ в своем мозгу, а я вам словом помогу, – продекламировал кьюнг.

– Ты хотел сказать, в воображении, – поправила его Инна, – как можно ключ вертеть в мозгу?

– Не вертеть, а вращать, – ответил Копри, – по часовой стрелке, не зажимая, а раскручивая энергию... Пусть я даже неправильно выразился, зато – в рифму! И вообще, стань рядом со всеми или отойди в сторону. Ты мешаешь проводить обряд посвящения в воины Света.

Инна присоединилась к товарищам и тихо шепнула имя своей дживы. И необыкновенную картину увидели те, кто был способен это видеть: из зарослей вылетели с десяток маленьких забавных существ в ярко-зеленых одеждах. Один из леприконов снял сюртук и шляпу. Как оказалось, это была Энио. Она попрощалась с новыми друзьями, исполнив чудный леприконский танец, послала им воздушный поцелуй, подлетела к Инне и скрылась в грудном чакраме.

Кьюнг сделал глубокий вдох, и кандидаты в воины Света повторили это действие в едином ритме. Копростасис выдохнул и спокойно продолжил сеанс:

*– Вам кажется, вы видите предметы,
на самом деле – отраженный свет.
Не признавая, что предметов нет,
мозг создал иллюзорный мир из света.*

*Все трансцендентно, все иной природы:
Не той, что мозг пытается явить!
Но трудно представленья изменить.
Все потому, что мир сознанием вашим
был изменен и несколько украшен.
Но как же быть теперь с другим предметом,
который свет не отражает этот?*

*Забудьте все, что знал ваш слабый разум,
и мир иллюзий растворится сразу.
Вы новый мир увидите душой –
неописуемый и сказочно большой!*

Это были последние слова Копростасиса осознанные Инной.

– Энио, где ты, Энио? – прокричала Пинцова. Инна всё ещё не могла поверить в то, что парит над долиной цветов. На ней была необыкновенная одежда, которая обтягивала все тело и нигде не давила. На одежде не было швов, её ткань переливалась всеми цветами радуги.

– Я здесь, – ответила душа, – и ты здесь: как это странно!

– Что это за змеиная шкура на мне?

– Ой, – махнула рукой Энио – это все Эрх. Он у нас любитель экзотики.

– Эрх?

– Эрхариурз, дракон воображения, забыла?

– И логики... Отчего же, помню. Ты о нем рассказывала. Он, кажется, соня?

Только Инна это сказала, как щелкнул электрический разряд, и в озоновом облаке нарисовался двуглавый.

– Звали? – сказала правая голова.

– К вашим услугам, хозяйки! – добавила левая.

– Какие мы тебе хозяйки, мы – друзья, – поправила Эрхариурза Энио.

– Ха!.. А что ж... вы... тогда... нами... распоряжаетесь? – поочередно сказали драконьи головы.

– Эрх. У нас просто разные функции. Я – менеджер. Инна...

– Приятно познакомиться! – вставил дракон.

– ...президент.

– А мы, получается, обслуживающий персонал, охранники.

– Зачем ты так, Эрхариурз. Во-первых, не охранники, а защитники. Во-вторых, у каждого из драконов есть и другие очень важные функции. К примеру, ты, Эрх, генератор идей, создатель новых образов, строитель, агроном... да у тебя куча профессий.

– Тогда я сейчас Инне наш новый лес покажу! – радостно щелкнул раздвоенным хвостом двуглавый.

– Ты его ещё не достроил, – возразила Энио.

– Эй, хватит спорить! – попыталась остановить их Инна, но её уже никто не слушал.

– Да там ерунда осталась. Березовая роща готова, сосновый бор – тоже, лужайка в смешанном лесу, пни...

- А река?
- Почти!
- Да у тебя там не вода, а биомасса какая-то.
- Не биомасса, а молоко. Это молочная река с кисельными берегами.
- А я тебя о чем просила? Лешим обычная речка нужна. А леприконам – можжевеловые кустики.
- Каким ещё леприконам? – озадаченно спросили обе драконьи головы.
- Стоп! – что есть сил крикнула Инна, – хватит спорить! Обсудите этот проект без меня.

Спорщики замолчали, и Инна спокойно продолжила:

- Я, кажется, поняла, зачем я здесь. Защищайте периметр.
- А ты куда?
- Мне нужно встретиться с Атманом.
- Я думала, мы пообщаемся, – грустно вздохнула джива и громко позвала по имени остальных драконов.

В чистом голубом небе появилась огромная белая клякса. Сейчас Джонги был похож на обыкновенную молочную тучку – выразительную и добрую.

- Что за леприконы? – шепотом продолжал Эрх.
- Маленькие такие, почти, как я, и все как один – зеленые, – прошептала в ответ Энио, – я с ними только сегодня познакомилась. Такие славные ребята!

К Инне подлетел рой пестро раскрашенных мотыльков. Они мило порхали над её головой, потом стали кружить все быстрее и быстрее, пока их полет не превратился в вихрь. Несколько мгновений – и вихрь стал единым облаком. Ещё миг – и Инна увидела перед собой одну большую черную бабочку. Дракон-бабочка нежно коснулся Инниной щеки своим огромным бархатным крылом.

- Я тоже рада тебя видеть, милый Ранхи, – сказала Пинцова, – Энио, а где четвертый дракон?

– Хорх? Небось, как всегда: выделяется. Хочет показать свою значимость.

- Кто же ты такой, Хорх? – задумчиво сказала Инна. – Ладно, Энио, охраняйте периметр. А я пойду в Храм Мандалы... Знать бы ещё дорогу к нему.

– Это там, где чаша? – спросила Энио. – Хм, так его мы и охраняем!

– Я понимаю. Но как попасть внутрь храма?

– Эй, ребята, – приказала Энио, – проведите Инну к воротам.

И в тот же миг над долиной поднялся сильный ветер. Кляксовый дракон стал огромным и стремительно летел на Инну.

– Что это? – спросила Инна, перекрикивая суховей.

Но вместо голоса Энио она услышала голос Копростасиса:

*– Ты знаешь этот путь. Сперва доверься Джонги.
В твоей вселенной миллиард миров,
но все пути и все е□ дороги
всегда ведут к основе всех основ.*

– Откуда Копри может знать, как зовут драконов Энио? – удивилась Инна.

Джонги разинул пасть и проглотил Пинцову. Все пространство вокруг нее заволочло плотным туманом, что, впрочем, продолжалось совсем недолго.

Туман быстро развеялся, и Инна обнаружила, что стоит на высоком скалистом берегу горной реки. Через реку был проложен неширокий подвесной мост, основание которого было желтого, а канаты – синего цвета. Инна догадалась, что это уже царство Эрхариурза.

– Спасибо Эрх, – поблагодарила она дракона и поспешила на другой берег реки.

Мост за её спиной загорелся, и она побежала. Но как только Инна достигла другого берега, пылающий мост и река за её спиной канули в разверзшуюся пропасть. Мир, в который она попала, окутала непроглядная чернота.

– Это, по всей видимости, одно из царств дракона воли, – предположила Инна.

Она громко позвала дракона по имени, но Ранхи не ответил.

Через некоторое время – то ли глаза её привыкли к темноте, то ли действительно стало светлее – Инна увидела грозные силуэты гор и скалистых возвышенностей. Она подняла голову и глянула на огромное, усыпанное звездами небо. Миллиарды далеких светил застилали небосвод от края до края. На нем не было знакомых созвездий.

Одна из звезд мерцала ярче остальных, чем сразу привлекла к себе внимание. И тут Инна почувствовала необыкновенную легкость, она сильно оттолкнулась от поверхности, и её тело устремилось в небеса.

Звезда росла на глазах. Инна летела все быстрее – мимо звездных и газовых скоплений, крупных солнц и маленьких планет – ввысь, ввысь, ввысь – пока не достигла той самой звезды. И она устремилась прямо в её чрево; и в самом центре звезды вдруг произошло невероятное: пространство распахнулось и Инна очутилась в следующем мире.

Здесь было очень высокое, кажущееся недостижимым небо. Инна парила в воздухе до тех пор, пока её ноги не ощутили твердую поверхность – неровную и прозрачную. Внизу клокотал и бурлил водоворотами бескрайний океан. Местами он казался перламутровым.

– А вот и твердь, а значит, царство Хорха, – заключила она, и через миг над нею пронеслась еле заметная тень, и на прозрачную поверхность опустился прозрачный птеродактиль. Он был намного больше Ранхи и уж тем более Эрхариурза. Инна осторожно подошла к нему, почти коснулась его крыла и молвила:

– Ты что, не хочешь меня пропускать?

Прозрачный мотнул головой и отвернулся.

– Хорх, пожалуйста, проведи меня к воротам храма, – сказала Инна, продолжая поглаживать его крыло. И тут птеродактиль изверг ужасный гортанный крик. Дракон резко взлетел в свои бесконечные небеса, после чего участок твердыни, где стояла Инна, размягчился, как полурасплавленный плексиглас. Аморфная поверхность под тяжестью её тела так быстро приня-

ла сферическую форму, что Пинцова ни понять ничего не успела, ни даже крикнуть. Она оказалась внутри цельного прозрачного кокона, который мгновенно отвердел и полетел в океан, где его подхватили беспокойные волны.

– Вот так Хорх! – сказала Пинцова. Устало вздохнув, она села на дно кокона. – Кто же ты такой и как с тобой бороться?

И тут она вспомнила слова Копростасиса об оружии против четвертого дракона.

– Терпение?.. Хорошо. Сяду и буду терпеливо ждать, пока Хорх не снизойдет до милосердия.

Перламутровый океан беззаботно игрался с коконом. Он подбрасывал его на волнах и облизывал пенными гребнями, а потом потянул в водоворот.

– Да угомонись ты! – крикнула океану Инна. Кокон бросало из стороны в сторону до тех пор, пока не засосало в пучину. Хорх, с неподдельным интересом наблюдавший за происходящим сквозь прозрачную поверхность, восторженно закричал. Но прошло несколько мгновений, и кокон всплыл в другом месте.

– Что-то с терпением у меня совсем неладит, – нахмурилась Инна, – но в конце концов, кто тут хозяин, я или этот шалопай птеродактиль? Да и вообще, я здесь – это не я!

– Ты же уже так делала! Учишь тебя учишь, а все не впрок, – снова услышала она голос кьонга. И Копростасис снова заговорил стихами:

*– Отрекись от себя, устремившись туда,
где основа тверда и не плещет вода.
Измени своё я и к истокам вернись,
и на веры прозрачную твердь обопрись.*

Хорх продолжал с упоением наблюдать за тем, как волны играют с коконом, как вдруг, потерял игрушку из виду. Прозрачный беспокойно крутил головой то влево, то вправо, его глаза пытались обнаружить пропажу, и тут он услышал:

– Ты это ищешь, курица общипанная?

Хорх поднял голову и увидел Инну, которая стояла прямо перед ним как ни в чем не бывало. В руках она держала прозрачный шарик; ростом Инна была вдвое больше дракона. Птеродактиль глотнул слюну и... потерял сознание.

– Стакан воды, – скомандовала Инна своей вселенной, и в её руках тут же возник сосуд с жидкостью. Она набрала в рот воды и брызнула на Хорха. Птеродактиль мгновенно очнулся, распахнул свои огромные выразительные веки и неистово закричал от страха. Ещё через мгновение Хорх бежал куда глаза глядят, то и дело поскользываясь на неподходящей для бега поверхности; испуг и смятение парализовали его крылья, он не мог ими даже пошевелить, а уж тем более – взлететь.

– Вот это дракон! – вздохнула Пинцова, – придется тебя кем-то заменить.

Через мгновение Хорх уже бежал обратно. Вернувшись к Инне, он виновато моргнул и тихо пропел извинительную мелодию.

– Хорошо. На первый раз я тебя прощаю. Но если ты ещё раз заставишь

меня или Энио тебя уговаривать... смотри мне! – Хорх понятливо кивнул, после чего Инна продолжила, – ты должен защищать Храм Мандалы. Кстати, как пройти к его воротам?

Птеродактиль в ответ пожал своими плечами-крыльями.

– Ладно, давай-ка разомнемся: крылья вверх, в сторону, вниз... Молодец! А теперь – ступай к Энио.

Дракоша оттолкнулся от твердыни и быстро исчез в бледнеющей высоте.

Когда он появился в долине цветов и занял свое место, ворота храма возникли перед Инной сами собой.

– Я хочу войти, – сказала она, и ворота тут же распахнулись. Инна прошла внутрь Храма Мандалы и взяла в руки чашу с темно-фиолетовой жидкостью. Но тут она растерялась: за алтарем никого не было, её личный Логос, её высшее Эго, её Атман исчез.

Инна подняла голову, глянула на купол с начертанной на нем картой вселенной, глубоко вздохнула, ещё раз обдумывая свое решение, и – пригубила чашу.

А тем временем Копростасис продолжал сеанс. Чудо-птица вертела головой, с любопытством наблюдая, как люди поят свое Суперэго, как светящиеся полумесяцы достигают кадыков, как раскрываются лепестки головных чакрам. Большинство из участников сеанса выглядели теперь куда оптимистичней: их ауры стали яркими и разноцветными. Новопосвященные воины Света открывали глаза и с удивлением смотрели на мир и на свои преобразенные тела. Копри не мог не заметить, что тонкое тело Инны сияет намного ярче, чем энергетические оболочки её товарищей.

Многочлепестковый лотос головного чакрама Инны раскрылся почти наполовину, что было весьма опасно. Но тут от тела девушки отделилась яркая звездочка, которая покружила-покружила над площадкой и скрылась в вышине.

– Держите Инну! – сказал Копростасис и несколько ролевиков подхватили девушку под руки и усадили на землю возле ближайшего дерева.

– Что с ней? – спросил просветленный Приам.

– Надеюсь, ничего плохого, и она просто в глубоком трансе, – ответил кьюнг.

Вскоре после того как Инна сделала несколько глотков из чаши, предназначенной для Атмана, из-под купола Храма Мандалы ударил мощный поток божественно-яркого света, который увлек её высоко в небеса. На какой-то миг Инне показалось, что этот луч света бесконечный и что он обеими концами упирается в единый центр божественного космоса. И тут она обнаружила, что её тонкоэнергетическое тело летит высоко над землей, обгоняя быстрые облака.

Внизу мелькали реки и поля, обширные равнины и высокие горы. Это был не её внутренний мир, а тот, в котором жило её физическое тело: внешний, земной. Хотя то, что Инна видела с высоты, совершенно отличалось и от той картины, которую наблюдают пассажиры самолета, и от фотографий,

сделанных из космоса, которые Пинцова не раз просматривала в Гугле и на Яндексе.

Череди облаков расступилась, и Пинцова увидела под собой Гизу. Инна устремилась вниз, покружила над Сфинксом и пирамидами и беспрепятственно проникла внутрь самой большой из них, пирамиды Хеопса.

– Почему я здесь? – подумала Пинцова.

– Это я тебя сюда позвал, – услышала она в ответ, обернулась и увидела демиурга светлых миров.

– Ты Атиша? – спросила она, не размыкая губ, и только теперь поняла, что они общаются мысленно, – это о тебе говорил Копростасис?

– Да, Инна.

– Почему ты позвал меня именно в пирамиду Хеопса, да ещё и в гробницу фараона?

– Это самое древнее человеческое строение и самое массивное, а самое тонкое – в самом твердом.

– Как это понять?

– Пирамидой Хеопса более четырех с половиной тысяч лет восхищаются люди всех рас и религий, отдавая ей на тонком уровне свои знания и опыт. Она есть кладезь опыта человеческого. Она, как библиотека, только книги здесь другого рода. Пирамида устроена таким образом, что вся информация сходится в гробнице фараона. Просто зайдя и наполнишь ею.

– И часто ты здесь бываешь?

– Нет, – улыбнулся демиург, – это место для новичков.

– Четыре с половиной тысячи лет? Некоторые считают, что пирамида Хеопса намного старше.

– Так ты у пирамиды и спроси. Человеку свойственно преувеличивать.

– Но есть такие вопросы, на которые пирамида ответить не может, так я поняла?

– Ты правильно мыслишь.

– И этот вопрос...

– ...готова ли ты идти дальше? Ты решилась на очень ответственный шаг. Я хочу тебя предупредить, что весь дальнейший твой путь будет очень нелегким. Если ты двинешься дальше, в твоей жизни не будет ни земного счастья, ни человеческого наслаждения. Сейчас ещё не поздно отказаться.

– Рубикон перейден. Я уже никогда не смогу жить прежней жизнью, – ответила Инна.

– Не спеши. Редкий мужчина ступает на этот путь. Для женщины же это практически невыносимая ноша. Тебе придется отказаться от своего я. У тебя не будет материального счастья, которое так необходимо земной женщине.

– Именно поэтому от меня отвели Андрея?

– Не знаю. Провидение нельзя понять, ему можно только следовать.

– Тем не менее, я согласна.

– Никогда не принимай скоропалительных решений. Если тебе дано время подумать, воспользуйся им. Когда с тобой Атман, ты по воле сердца стремишься только в небеса. А решение нужно принимать, когда стоишь на

грешной земле.

– Но Атмана не было в Храме Мандалы, и я сама отпила из чаши.

– И правильно сделала, потому что в данный момент ты – это он. Твои земное и небесное я слились.

– И так теперь будет всегда?

– Конечно же, нет. Когда-нибудь ты сольешься с Атманом окончательно. Но это будет в самом конце твоего пути.

– Меня, кажется, зовут, – печально улыбнулась Инна.

– Если зовут, значит, ты кому-то нужна. Земная жизнь имеет намного большее значение, чем тебе кажется. Какое бы ты ни приняла решение, помни, роль, которую тебе дали (на земле или на небе – неважно), нужно всегда отыгрывать честно и до конца, какой бы тяжелой и неприятной она ни казалась, – сказал напоследок Атиша.

– Наконец-то! – услышала Инна. Она открыла глаза и увидела перед собой лицо Сашки Патрокла. Оно было очень серьезным.

– Я думал, мы тебя потеряли, – сказал он трагичным голосом.

Тут же подбежал Янус.

– Инка, ты как, все нормально?

Инна огляделась по сторонам. Её взгляд выражал полное удивление: то, что она видела, поражало её воображение. Все растения вокруг выглядели, как живые. Воздух был наполнен какими-то удивительными существами.

– Да, Сережа, все просто сказочно. Слушай, я домой съездить хочу, сколько у меня времени?

– Думаю, не меньше часа, пока все раздуплятся со своими дживами, – ответил Янус.

– Санька, свозишь меня? Я домой после пар не появлялась. Надо арбалет забрать, ну и маме с отчимом на глаза показаться. А то, когда я пропадаю, они сразу в морг звонят, мое имя уже все патологоанатомы знают.

– Хорошо. Только быстро – туда и назад, – согласился Патрокл.

– Я через пять минут, только в себя приду, хорошо?

– Договорились. Только через пять, а не через пятьдесят: знаю я вас, женщин. Я жду в машине.

Инне на плечо сел Копростасис.

– Копри, что за сущностей я вижу в воздухе? – спросила она.

– Это нигодас, – пояснил кьонг, – через время твое зрение придет в норму и они снова станут для тебя невидимыми.

– Кто такие нигодас?

– Неразвитые, то есть невоплощенные души. Они есть везде, во всех стихиях. Они очень страдают.

– Я слышала твой голос, как будто ты был там, в моих мирах.

– Любое проявление внешнего мира находит отражение в микрокосме, и наоборот – каждая клетка имеет полную информацию о строении всего организма.

– Как же я раньше не могла понять такую элементарщину: все, кто вокруг меня, живут и во мне... Копруш, ты поедешь со мной?

– Нет-нет, хватит на сегодня автомобилей. Забыла? Я ж не люблю замкнутого пространства.

XVIII. Ирония любви

Сашка сидел в водительском кресле хэтчбека. Это был «Фольксваген Жук», современный и очень уютный. В салоне пахло мамиными духами. Сашка вытащил автомобильный прикуриватель и подсоединил вместо него ноутбук, затем запустил видеоролик, смонтированный из фрагментов видеофайлов, скачанных им сегодня с дьявольского сервера.

Он до сих пор не мог до конца поверить в реальность происходящего. Вот рогатые существа в своей «общаге», а вот их бесноватое потомство: бегают, прыгают, веселятся, играют. Сашка поймал себя на мысли, что дети нечистых ведут себя, как дети людей: оранжевый продукт в тюках возле развалин двадцать третьего цеха бесята с чертятами распотрошили, и химикат расцвятил все вокруг, вызывая у нечистых весьма положительное настроение.

В цехе, где обитали джинны, все было ещё экзотичнее: маленькие шайтаны из шлангов поливали друг друга серной кислотой, забавно хохоча и веселясь. Эмоциям не было предела.

На переднее сидение села Инна.

– О, прогресс, всего семь минут, – сказал Сашка, закрыл крышку ноутбука и передал Инне, – держи его на коленях.

– Как держать?

– Нежно! Батарея заряжается, не смыкай за провод.

Сашка завел мотор, и они поехали в город

– Санька, а почему ты их не видишь? – спросила Инна.

– Демонов, что ли?.. Не знаю. У меня, наверное, другой процессор. Ну, другая математика, понимаешь?

– В ноутбуке?

– В голове.

– Но ты ведь такой сообразительный и в то же время – тонкая натура, стихи пишешь.

– Ну и хватит, наверное, способностей. Каждому дано одинаковое количество энергии. Один человек лучше видит, другой тоньше чувствует, третий быстрее обрабатывает. Каждому свое. Возможно, я просто не воспринимаю этот диапазон полей.

– Полей? Ты что же, считаешь, что эти демоны просто сгустки энергии?

– Ну конечно. Все мы сгустки энергии, а точнее – сгустки информации. Вот скажи, из чего всё состоит: человек или проще того – камень?

– Из вещества... Из атомов.

– А те из чего?

– Протонов, нейтронов, электронов, мезонов и всякой другой ерунды.

– А эта «ерунда» в свою очередь?

– Что я, доктор физических наук? Не знаю!

– Физики тоже не знают, знают философы. В конечном счете, в основе любой твердой материи, плазмы или поля лежит информация, всего один бит: правда или ложь, единица или ноль, да или нет, инь или ян. Только в байте

каждого элемента атома не восемь, а намного больше бит, понимаешь?

– Ну да, конечно! – хохотнула Инна, – напхни-ка мне, а чем отличается байт от бита?.. Хотя, погоди. В макромолекуле ДНК не два, а четыре вида азотистых оснований. Бит живой клетки не двоичный, а четверичный! Информация о человеке – это не единица и ноль, не да и нет, а аденин, гуанин, тимин и цитозин, АГСТ, огонь, воздух, земля и вода...

– Это не важно: двоичная система счисления легко переводится в четверичную.

– Важно, Саша, важно! Ты меня сейчас на такую мысль натолкнул! Я же диплом по этой теме пишу! Ты прав, наука не может существовать без философии.

– Хорошо, что ты всё понимаешь, но ты меня перебила... Так вот, все мы – не что иное, как уплотненная информация. В нас зашит код, который куда сложнее любой компьютерной программы.

– Как в фильме «Матрица»?

– Круче.

– Земля, Солнце, песчинка, – все это сгустки информации, скомпилированной неким суперпрограммистом для конкретной пространственно-временной среды. Все эти программы связаны друг с другом и составляют одну большую операционную систему. А у любой ОС есть свой суперпользователь.

– Ты имеешь в виду Бога?

– «Бог» – слишком уж неконкретное, а потому – некорректное слово. Я предпочитаю другие термины: суперпользователь, суперпрограммист. Но это всего лишь термины, не больше. Это моя личная модель вселенной, я никому её не навязываю.

– Так что ж, по-твоему, нечистых тварей тоже создал суперпрограммист?

– Будем считать их вирусом. Хотя, если верны мои опасения, что сам человек – это вышедшая из под контроля вредоносная программа, тогда эти демоны – антивирус.

– Весело!

– Будем все же надеяться, что паразиты они, а не мы, – сказал Сашка.

– Значит, по-твоему, Барабас просто меняет человеческую программу на демоническую?

– Да, наверное, другого объяснения нет, во всяком случае, если пользоваться моей математической моделью.

– Хорошо. А можно их перепрограммировать?

– Да. Но сделать это может только суперпрограммист.

– Сашка, я верю, что ты способен изменить их код. Ведь ты такой...

– Слушай, не надо меня хвалить, договорились? Я и так уже хваленный-перехваленный, такой идеальный, что аж тошно. Я сорваться могу.

Они остановились на перекрестке перед переходом, пропуская весьма почтенную старушку с суковатой палочкой. У пожилой женщины из-под платка пробивались небольшие рожки.

– А я тебя не хвалю, я прошу, Саш, попробуй сделать это. Просто попробуй.

И Инна поцеловала его в губы, закрепляя сказанное поцелуем, как печатью.

– Может, хватит, Пинцова! На меня эти твои чары не действуют.

– Как, уже не действуют? – рассмеялась Инна, – ладно, не буду.

Сашка собрался трогаться, как вдруг, Инна громко крикнула: стой!

– Что случилось? – удивился он.

– Вон они! – сказала Инна.

– «Они»?

– Да Андрюха с этой бесноватой. Санька, будь другом, подожди пять сек, я быстро. – Инна протянула ему ноут.

– Да куда тебя несет, оставь ты пацана, он без тебя счастлив. Если любишь, оставь!

– Да он в опасности, понимаешь, в большой опасности. Все, жди меня здесь, я быстро, – сказала Инна, выскочила из машины и бросилась вдогонку за Андреем и П.С., которые уже скрылись во дворе дома номер три на улице Сернокислотной.

– Как бы ты не просила, здесь не получится: стоянка запрещена, – нахмурился Сашка и повернул во двор, ища место для парковки автомобиля.

Инна вбежала в подъезд. Шаги наверху на мгновение стихли, скрипнула дверь Андрюхиной квартиры, и влюбленная парочка зашла внутрь. Инна бегом поднялась на третий этаж. На её счастье, дверь осталась приоткрытой.

– Энио, скъявону! – шепнула она. Все чакрамы по очереди раскрылись, после чего в руках Инны засиял меч с корзинчатой гардой. Пинцова тихонько толкнула дверь плечом и вошла в квартиру.

Из спальни комнаты доносились довольно естественные звуки: Андрюхины ботинки полетели куда-то в угол, скрипнула кровать; и ещё один характерный звук – рвущейся ткани.

Медлить было нельзя. Инна ворвалась в комнату.

П.С. была сверху. На Полине Сергеевне уже не было одежды; прямо на глазах Пинцовой её тело из человеческого превратилось в суккубье. Пасть Полины Сергеевны медленно приближалась к лицу Андрюхи, который закрыл глаза и ждал сладострастного поцелуя.

– Нет! – заорала Инна. – Эй ты, животина рогатая, а ну оставь его!

Суккуба обернулась и устрашающе зарычала. Глаза её пылали неистовой яростью...

Сашка поставил машину на ручник, взял сигареты из бардачка, вышел и закурил.

– Бросишь тут курить, как же, – выругался он и перекинул Инну, – «надо арбалет забрать... предкам на глаза показаться... а то они сразу в морг звонят». Никакой ответственности!

Он глянул на Андрюхино окно, в котором только-только зажегся свет.

– Так и знай, Пинцова, докуриваю сигарету – и еду без тебя, – угрюмо молвил Сашка и сделал глубокую затяжку.

– Ша, девочки, сегодня драки не будет, – спокойным голосом сказал

Андрей. – Слушай, Пинцова, как тебе удастся всегда появляться в самый ключевой момент?.. Пупсик, пожалуйста, свари всем кофе.

– Эта пусть сама себе варит! – ответила П.С., кивнув в сторону Инны.

– Полиночка, такой кофе, какой ты варишь, ни один человек приготовить не сможет! Не в службу, а в дружбу. А мы пока поговорим.

– Ладно, любезничайте, – смягчилась суккуба, накинула халат и направилась к двери. Проходя мимо Инны, она все же не преминула съязвить, – экскалбур свой спрячь: не на турнире!

– Ладно, извини, я все поняла, я пойду, – сказала Пинцова. Её чакрамы закрылись, и меч Энио исчез.

– Да погоди ты, – сказал Андрюха. – Это ты меня извини: я должен был объясниться. Просто не было времени... Люблю я её, понимаешь! Никого так не любил.

– Андрей, ты только учти, что она оттуда, из преисподней. Она тебя под землю за собой потянет.

– Знаешь, Инна, куда потянет, туда и пойду. И все же, я надеюсь, что не я за ней, а она за мной пойдет. Так правильной будет.

– Эй, подруга, а кофе, – окликнула её П.С. у самого порога, – да не бойся, он не отравленный... Я что, зря старалась?

– Спасибо, Полина, я бы с удовольствием, но меня ждут, – ответила Инна.

Она вышла из квартиры, а по лестнице поднимался Сашка.

– Ну что, разобралась в делах своих амурных, точнее, чужих амурных?

– Все хорошо, Саш. Спасибо тебе за терпение.

– Едем за арбалетом?

– Конечно, едем, – ответила Инна, мотнув головой, как болгарин под турецким ятаганом.

– Точно за арбалетом?

– Ну а за чем ещё, Саш?..

XIX. Тройной удар

– ...Стоп, стоп, стоп, Инна, – поднял обе руки Янус, – так мы ни к чему не придем. Объясни толком. Как все мы здесь поняли, есть чистые бесы и другие адские твари, гарпии, виверны и...

– ...стриги, – сказала Пинцова. – Все летучие твари – чистые... нечистые. Есть ещё чистые рогатые и шайтаны, но среди этих есть и... не чистые нечистые.

– Они что, совсем того... падшие? – поинтересовался Гектор.

– Да нет, – поправилась Инна, – есть натуральная нечисть, которая заехала вчера на комбинат, а есть те, кто вселился в человеческое тело, заняв место потерянной или затоптанной души.

– Типа тех, которых мы в компе у Патрокла видели, – подключился Агамемнон, – есть натуралы и те, кто... не определился. Понятно. И что из этого?

– Первых убивать можно, а вторых нельзя.

– Значит, натуралов мочим, а тех, что не определились – не трогаем... Я бы сделал наоборот, мне больше натуралы нравятся, но на войне как на

войне... Позвольте полюбопытствовать, леди, а почему?

– Потому что тех, в кого вселились демоны можно ещё вылечить... наверное... Неужели ты будешь в нашу профессию из арбалета стрелять?

– Ох, я бы в нашего препода по ТММ не то что из арбалета, я бы в него из гаубицы пальнул! – сказал Малый Аякс.

– Что за ТММ? – спросил Гектор.

– Предмет такой: «Тупые и мерзкие механизмы», или «Тут моя могила».

– Ладно, отошли от темы. На комбинате все равно полукровок нет, – сказал Янус, держа в руках игровой меч, как указку. Видно было, что времени он зря не терял: схема химкомбината преобразилась, на ней появились жирные красные стрелки, иллюстрирующие запланированную атаку воинов Света, и символы черного цвета, в предполагаемых местах дислокации темных сил. – Итак, всем внимание! Вернемся к нашему тактическому плану. Имеется три объекта. Объект «Р» – общага рогатых демонов, объект «Ш» – общага шайтанов. И объект – «Г» – гнездовья крылатой нечисти в зоне очистных сооружений. Мы должны разбиться на три группы. Первая группа выдвигается через железную дорогу в направлении объекта «Г», вторая и третья через забор проникают на территорию комбината...

– ...где нас поджидают живые камеры – глазастые стриги. Через пять минут нас всех демонизируют, и мы пополняем армию не чистых нечистых, – перебил Януса Ахилл. – Стратег ты может и хороший, Серега, но тактика твоя, как там демоны говорили, ни в Тынду, ни в Караганду.

Все рассмеялись, а Ахилл медленно поковылял к «кафедре».

– Значит, сперва надо нейтрализовать стриг, – предложил Гектор.

– Всё это бессмысленно. Ну перестреляем мы стриг, потом – других нечистых, и толку? Их под землей – тьма тьмушая, завтра же появятся новые, – возразила Инна.

– Подождите, у Гешы, кажется, есть другая идея, – сказал Янус.

– Спасибо, Серега... Вы видео моего побратима Патрокла внимательно смотрели? Тогда скажите, новорожденные воины Света, чего боятся нечистые?.. Правильно, его самого – света небесного, прямых солнечных лучей. А что мешает солнышку светить, как положено? Асператус. А откуда он берется? Его ингредиенты выбрасывают в атмосферу три трубы... – Ахилл вытянул из колчана рядом стоявшего арбалетчика три болта и метнул в схему по очереди, – объекты: «Ар»... «Джи»... «Би».

– Ух ты, в яблочко! – восхитился кто-то.

– Я до комбината, конечно же, не доползу, – продолжал Ахилл, – но важно не присутствие, а участие... Вчера мне очень хорошо объяснили, что значит выражение «ахиллесова пята», и я понял, что все наши игры – это не просто забава.

– Если ты хочешь нас разжалобить, то выбрал неподходящее время, – хмыкнул Одиссей.

– Между прочим, Улисс, по сценарию ты самый умный и это должна быть твоя мысль, а не моя.

– Да ладно, игра ещё вчера закончилась.

– Игра будет продолжаться до тех пор, пока не отыгран сценарий.

– И что ж мы, по-твоему, не отыграли? – удивился Малый Аякс.

Ахилл рассмеялся, искренне удивляясь тому, насколько несообразительны его товарищи по оружию и возвел очи к небу:

– Видишь, Папа, с кем я играю?.. Троянского коня!

– Точно, – шелкнул пальцами Приам.

– Уничтожим асператус, и демоны сами рассосутся, какой смысл на них силы тратить! – сказал Ахилл, – детали обсудим у костра: не пропадать же каше, да и есть я хочу.

– Разумно, – согласились все и направились к палаточному лагерю.

– Эй, вы куда? – возмутился Ахилл, дождался, пока все обернуться и с хитрецей добавил, – а меня кто понесет?

Машинист маневрового тепловоза загнал на колею химического комбината третью, последнюю, как ему казалось, цистерну с надписью «Undulatus asperatus concentrate – В» и собрался было ехать в депо, как вдруг... ощутил странное наваждение; машинисту показалось, что какой-то весьма необычный голос настойчиво шепчет ему на левое ухо: «Не все, не все! Накажут, накажут!».

Если бы машинист обладал тонким духовным зрением, он, конечно же, обязательно обратил бы внимание, что здесь, в кабине маневрового тепловоза, почти вплотную к нему прислонились два загадочных существа больше похожие на тени, чем на нечто живое. А если бы вдобавок он был ближе к природе, то непременно бы узнал в этих существах самых обыкновенных лесных духов, а попросту, леших. Возможно тогда, он поговорил бы с этими застенчивыми созданиями по душам, чтобы узнать их поближе. Но нет, машинист духовным зрением не обладал.

– Посмотри наряд! – шепнул второй дух леса машинисту на правое ухо. И будучи, как и подобает железнодорожнику, человеком ответственным, машинист исполнил то, о чем шепчет его наитие. Он развернул соответствующий документ и с ужасом воскликнул:

– Эр. Же. Бэ. И что?.. «Бонус»?.. Ё-моё! В прошлый раз было три. Ну, и где эта четвертая цистерна?

– В тупике, на третьей площадке, – устав шептать, в полный голос сказал леший справа.

– Ну, поехали, поехали! Скоро дело сделаем, скоро сказка скажется, – добавил леший слева.

– Сказка?.. Точно сказка: если б я в документы не глянул, меня бы завтра с работы поперли. Этот директор химкомбината, чуть что не так, сразу начальнику станции стучит. Вонючка! – с чувством сказал машинист.

– А классно так кататься, да? – сказал леший слева. – Хэ-гэ!

– Всё, перекавалифицируемся из леших в тепловозных! – ответил правый.

– Идет! – поддержал левый инициативного коллегу.

– Ну и какого лешего мы должны помогать этим ролевикам? – возмушал-

ся другой лесной дух, стоя у заброшенного игрового капища, — они нам тут за три дня так поляну испоганили! Фу, не люблю людей!

— Да Энио попросила. Если бы не она, я бы ни за что не согласилась, — пояснила ему лешиха.

— Ну, если Энио попросила, тогда другое дело... Ну и где этот аспид? Ждешь его ждешь. Раньше к этому времени он уже дважды успевал пролететь, только в оба и гляди, чтоб не уташил. Фу, не люблю аспидов!

— О! Летит, — толкнула собеседника в бок лешиха. — Жора! Жора, просыпайся!

— Ну вот, — снова проворчал леший, — теперь Георгия попробуй добудись. Фу, не люблю сычей!

А сыч Георгий, несмотря на ночь, крепко спал и видел, наверное, увлекательный сон, ибо периодически вздрагивал и делал клювом вот так: брр, брр... Последний звук, им произнесенный, был наиболее продолжительным, потому что лешие изо всех сил затрясли дерево, на котором он сидел, и пернатый свалился с ветки. Но Георгий был ещё тот стреляный сыч: у самой земли он расправил крылья.

— Жорик, пора! — крикнула лешиха, и смелый пернатый взмыл в облака.

Георгий уже один раз так делал, буквально позавчера, когда спасал Энио, кроме того, он знал, что у него на земле есть зрители, а потому осмелел и продемонстрировал пару фигур высшего пилотажа прежде чем приблизился к ужасной морде летучей змеи. Как и в первый раз, он зажмурился, а когда подлетел к аспиду вплотную — распахнул глаза и зашипел.

Аспид отшвырнул маленького нахала правым хоботом и как ни в чем не бывало полетел дальше. Григорий повторил тот же маневр с левого крыла и получил аналогичный результат в симметричном исполнении. Сыч залетал сверху, снизу, обгонял летучую змею и нагло шел на таран — все не впрок: чудовище реагировало совершенно адекватно, отмахиваясь от него, как от мухи, и совершенно не желало менять взятый ранее курс. Тогда Георгий перешел к опасному плану «Б». Он залетел аспиду прямо в хобот и начал его щипать, царапать, щекотать, словом, стал вызывать раздражительную реакцию.

Когда чудовище пыталось его вытряхнуть, Жора растопыривал свои лапы и вонзался в хобот острыми когтями. В ходе двадцать девятой попытки аспид освободиться от назойливого сыча, последний излишне напрягся и нечаянно пукнул, после чего змея махнула хоботом так, что тот у нее чуть не оторвался. К счастью, предвидя болезненную реакцию мифической рептилии, Жорик перед последним рывком мирно сложил лапки и вылетел из хобота, конечно же, как пуля, зато без повреждений, а потому вскоре расправил крылья и заложил в воздухе крутую Петлю Нестерова. Лешие, которых из-за пней повылезало несметное количество, восторженно аплодировали мастеру высшего пилотажа. И вот тогда аспид, наконец-то, пришел в ярость и погнался за пернатым нахалом, который, в свою очередь, в бредущем полете направился в сторону затуманенного и закопченного гиганта химической промышленности.

– Так-так-так! – сказал черт, глядя, как на площадку загоняют очередную цистерну с концентратом асператуса.

– Тук-тук-тук! – ответил ему бес.

С тем они и вышли из своей дежурной каморки, так и пошли по шпалам, по очереди ритмично напевая: «Так-так-так, тук-тук-тук...».

Когда же рогатые сели на цистерны верхом, они не только запели, но и ритмично забили копытами о стальную поверхность. После чего железнодорожные емкости без дополнительной тяговой силы поехали вперед. И кому, скажите, это в голову пришло – придумывать тепловозы и подобную им технику?!

– Барабас приказал присматривать за сервером, – сказала Карга, – так что отлипни, отвяжись и не приставай.

– Сладенькая моя, – отвечал ей братец Паук, – ну что может случиться с современным компьютером? Это же чудо инженерной мысли! Пойдем, я тебе другое чудо покажу.

Он взял Каргу под руку и повел к двери в смежную комнату.

– Сим-сим, откройся! – сказал Паук и как бы случайно пнул ногой дверь, за которой обнаружилась небольшая спальная. Пол комнаты, покрытый истертым линолеумом, на растрепавшихся участках и кое-где в центре был устлан лепестками роз. Посреди спальни стояла древняя кровать со стальными быльцами. Над кроватью висело пикантное бра с безнадежно выцветшими плафонами фаллической формы. Карга широко раскрыла глаза, глянула на Паука и непроизвольно изрекла: вау!

– Какой раритет! – сказала Старая, когда к ней вернулся дар русской речи, – но... у тебя дым из ушей не пойдет?

– О, я так жажду отломить лакомый кусочек от этого пикантного пирога! – ответил братец, ухватившись обеими руками за пышные груди своей партнерши. Он судорожно затрясся, изрек: «Ням-ням», – и утонул лицом в безбрежных глубинах женской красоты.

– Проказник, – сказала Карга без пафоса.

– Булочка моя сладенькая, – шептал Паук, исследуя её упругую попку.

Но тут пышные формы его спутницы стали медленно терять форму. Грудь сдулись, как проколотые мячи, кожа Карги одрябла, и Старая снова стала старой.

Паук в ужасе закричал и отринул предмет недавнего воздыхания.

– Ты... точно Баба-яга! – панически произнес он.

– Болван, – ответила Карга, – зелье закончилось! Никуда не уходи, сиди здесь и следи за сервером, а я за новым флаконом слетаю.

Старая вышла в коридор, зашла в техническую комнату, там что-то стукнуло, булькнуло, лязгнуло, наконец она вышла, держа в руках ступу и метлу.

– Вот мужики пошли! Сказал бы, Каргушенька моя дорогая, я хочу тебя такой, какая ты есть, – негодовала она, – как молодая, так «сладенькая моя», а как старая, сразу Баба-яга. Тьфу!

Карга плюнула на метлу, села в ступу и полетела за омолаживающим напитком.

К тому времени, когда анахроничные троянцы и непредсказуемые данайцы выбрались из цистерны, удушающий смог над комбинатом заметно развеялся. Но аспид долго ещё гонялся за Георгием, напрочь дискредитируя химический туман. Адские летучие твари на аспидов нападать не решались, ибо это было чревато.

Воины Света снимали с себя защитные полиэтиленовые накидки.

– Придурки, я же вам бумажку с текстом давал, а вы что нацарапали? – возмутился Янус. Говорил он надорванным шепотом.

– Что нацарапали – то нацарапали. В твоих каракулях разве разберешься, – ответил один из ахейцев, исполнявших поручение.

– Ну-ну, почти вслух, только не ори.

– “Undulatus asperatus concentrate – bonus”. Язык можно сломать!

– Да нет, ты ниже читай.

Янус посветил на цистерну фонариком, и все увидели под названием химиката ещё одну надпись, красочную, в стиле граффити.

– Ну, «Мерен Траянский, 1 штука». А что?

– Идиот, а если б демоны заметили? Нам бы тогда всем «Кирдыльеры» приснились!

– Да не парься ты: все в лучших традициях ролевого движения! Скажешь, кто-то из демонов «Илиаду» читал? Я даже среди людей таких умников не встречал.

– Насчет «Илиады» не знаю, но что рогатые грамотнее тебя – это факт. И умнее. Видел, как они в кино гурьбой повалили? А комбинат как охраняют! Как церберы: муха не пролетит! Только вот... задолбали по цистерне копытами цокать. Аж в ушах звенит.

– Так что ж они, такие умные, не догадались, что цистерна пустая? – шепнул Гектор.

– Так может они глухие.

– Ага, и поют!

– Ой, хватит ржать! Вы сами как мерины... Мобилы на виброзвонок!.. Что? Приказано шепотом, значит шепотом. Распределились по группам!.. Эй, лучник, ты, кажется, в группе Агамемнона... Нет, точно не в моей... Значит, иди к Одиссею. Атакуем ровно в два. Пленных не брать! Часы сверим: на моих без двадцати пяти... Всё, рассосались по объектам. Ни пуха, ни пера!.. А я куда, по-твоему, пошел?

На тренировочной базе ролевиков остались Патрокл, Ахилл, Брисеида, Кассандра и Ифигения. Они сидели у костра. Патрокл загрузил «Back Trask» и ковырялся в компьютерной сети демонов.

– Ты думаешь, сможешь этими тварями управлять? – спросил Ахилл.

– На их сервере операционка типа «Red Hat», а я эту систему неплохо знаю. Я запущу проги прямо на дьявольском компе. А теперь молитесь, чтоб они пароль “root” не сменили и нас не засекали.

– Что за «рут»? – удивился Ахилл.

– Если ты такой вопрос задаешь, остальное объяснять бессмысленно. “Root” – это логин администратора с нулевым идентификатором, проще го-

вора, с неограниченными правами.

Сашкины пальцы бегали по клавиатуре, будто перед ним был не ноутбук, а фортепиано, а он был не программистом, а пианистом, исполняющим сложное музыкальное произведение. Ахилл только и успевал следить за сообщениями на дисплее. А его побратим, казалось, совершенно не задумываясь, что делает, тихо напевал себе под нос детскую песенку:

*– Я мышонок – очень маленький и ловкий,
И не ставьте вы у норки мышеловки!
Снова этот рыжий кот,
Он – опасный обормот,
Но зачем же нам тогда черный ход!..*

– Как ты в такие моменты ещё и песенки умудряешься сочинять? – поинтересовался Ахилл.

– Да и не только песенки, – добавила Брисеида.

– Сам не пойму. Наверное, их за меня кто-то другой сочиняет.

– Сашка, так ты ж гений! – предположила Ифигения.

– Не я гений, – возразил Патрокл, – а у меня есть гений. И он говорит, что мы на правильном пути.

– Мальчики, пора подкрепиться, – сказала Кассандра, протягивая тарелку с горячими бутербродами.

– А вот это сейчас лишнее, – молвил гениальный Сашка, – если на клавиатуру попадут крошки, там тараканы заведутся.

– Серьезно? – искренне удивилась Кассандра.

– Есть! – воскликнул Патрокл и с чувством собственного достоинства ударил по клавише ввода. На экране появилось окно с живым видеоизображением.

– Так это же городская площадь, а нам комбинат нужен! – сказал Ахилл.

– Да погоди, где наша сетевая схема? Вот она...

Патрокл развернул окно с графической схемой, наглядно демонстрирующей, как стриги подключены к серверу через “Wi-Fi”.

– Слушай, а если запустить какой-нибудь вирус, чтоб у этих стриг и гарпий мозги перегорели, – предложил Ахилл.

– Идея заманчивая, но бесперспективная, – ответил побратим, – запускать вирус на «Юниксе» все равно, что ковырять гвоздем Китайскую стену. Стоп! Попробуем-ка их программы перекомпилировать.

Сашка открыл несколько текстовых файлов.

– Ой, я такие буковки впервые в жизни вижу! – с ужасом прокричал Ахилл.

– Это язык «Си». Он проще пареной репы, – сказал Сашка, – меняем в программном коде символные указатели, переписываем некоторые управляющие конструкции...

– Ага, – закивал Ахилл, – как два пальца в нос засунуть.

– Смотри, элементарная булева алгебра. Меняем условие, например, гарпия и виверна должны атаковать, а мы здесь пропишем: «Лететь на север». Дальше, в общей программе для всех стриг задано: «Заменить программу

человека демонической». Где у нас главная функция «main»? Копируем сюда их же выражение: «Передать видео на сервер». Говорю, проще пареной репы!.. Сохранили. Теперь компилируем программный код стандартной командой «make install»... Все библиотеки на месте? Замечательно! А теперь – «reboot», то есть «перезагрузка».

– И что, будет работать?

– Перезагрузится – поглядим.

Сервер снял все задачи и по экрану монитора побежали какие-то непонятные надписи. Братец Паук пришел в замешательство. Он судорожно потянулся к клавиатуре, но даже предположить не мог, какие клавиши надо нажимать.

Однако очень быстро «Барабас ОС» загрузилась снова. Паук облегченно вздохнул, полагая, что ничего страшного не произошло, и странное поведение компьютера было обусловлено неизвестными ему серверными процессами.

– Ой, еле добралась! – услышала Инна, которая пряталась в укрытии перед самым входом в объект «Би». Она обернулась и увидела свою дживу, которая зажала нос рукой, от чего голос её казался комичным, – быстрее пусти меня домой, а то я в обморок упаду от этого букета запахов.

Иннин грудной чакрам раскрылся, и Энио исчезла внутри её тела. Одиссей глянул на часы и сообщил, что осталось меньше минуты.

– Готовность номер один! – скомандовал он.

– Ой, еле добрался! – слышался ещё один голос и все обернулись. Это, конечно же, был Копростасис. – Есть где приземлиться?

– Зачем ты прилетел, Копри, – сказала Пинцова, – говорили ж тебе, оставайся с ребятами в лесу.

– Па-ашли! – отдал команду Одиссей.

– Эй, стойте, у входа дьявольская пентаграмма, не поднимайте глаза и не смотрите на нее! – закричал кьюнг.

– Да тихо ты, всех демонов созовешь, – ответила Инна, и её голос вернулся эхом из бесконечных просторов полуразрушенного химкомбината. Копростасис сел ей на плечо, и они последовали за товарищами внутрь цеха.

– Странно, никого нет, – удивился Гектор.

– И все работает. Умеют же эти демоны отладить технологический процесс! – восхитился Малый Аякс.

– Аякс, ты, кажись, киповец? – поинтересовалась Пинцова у товарища по оружию.

– Не киповец, а приборист, – ответил тот.

– Так скажи нам, не прибористам, как отключить эту хрень.

Ролевики стояли в цехе, где было три больших емкости и с шумом работало множество механизмов: насосы, двигатели, клапана. В последней емкости, которая была прозрачной, было хорошо видно, как ярко-синий концентрат асператуса смешивался с воздухом и мощным насосом выдувался в трубу.

– А ты, как технолог, объясни принцип действия, – ответил Аякс.

– Предположительно... Здесь идет нагрев, – указала Инна на первую емкость. – Во второй бадье, по-видимому, добавляется катализатор. В третьей – всё смешивается с воздухом, а потом выбрасывается в атмосферу.

– Понятно. Здесь нам делать нечего. Нам нужен стенд вторичных приборов, – ответил Аякс.

– Зачем?

– Нужно нарушить контроль температуры и увеличить количество катализатора.

– И тогда это все рванет, – заключил Гектор.

– Правильно мыслите, воины Света! – похвалил товарищей Копростасис.

– Эти стенды должны быть где-то рядом, – сказал Аякс и вдруг осекся, – тихо: стрига!

В производственное помещение влетела пучеглазая тварь и ролевики замерли.

– Ух ты какая глазастая! – только и сказал Одиссей.

Дьявольское создание впилось в них лупатыми глазищами-камерами.

У Одиссея в кармане завибрировал телефон.

– Брать трубку, не брать? – спросил он совета у друзей.

– Бери, Улисс, а я её пока отвлеку, – ответила Инна и улыбнулась стриге, – цыпа-цыпа-цыпа, какая же ты красавица!

– Инка, тебя! – протянул ей телефон Одиссей. Пинцова, не отрывая взгляд от дьявольского создания, прислонила к уху мобильный телефон.

– А если сейчас Елена Прекрасная превратится в Медузу Горгону, что будем делать? – спросил Одиссей у Аякса.

– Надо зажмуриться и тикать, – предложил тот.

– Фуф, – облегченно вздохнула Пинцова, завершив вызов, – это теперь наши стриги.

– В каком смысле? – спросил Гектор.

– Наши и все тут! – ответила Инна, – за подробностями – к Ахиллу... По его словам, стенд показывающих приборов находится в отдельном здании, он один на все три цеха асператуса.

– И далеко до него? – поинтересовался Одиссей, раскрывая планшет с картой-схемой.

– Говорит, метров триста на север.

– Вот это здание! – ткнул пальцем в карту Гектор.

– Кстати, Янус и Агамемнон со своими группами уже там, – сказала Инна.

– Бегом! – скомандовал Одиссей.

– Ой, я лучше пешком полечу, – каркнул Копростасис.

– Руки вверх, – скомандовал Янус, и черт, которому ролевик приставил к горлу игровой нож, покорно сдался. – Рассказывай, мерзкий бес, как температура повысится.

– Я не бес, я черт, – стал пояснять представитель подземного царства, – у меня рога, видишь? А у бесов, хе-хе, только рожки: ма-а-аленькие!

– Да мне одновалентно, какая у вас классификация. Отвечай, как это работает!

– А я что тебе, инженер? Работает и работает. Мы только за приборами следим. Все данные в компьютере.

В помещение ворвалась ударная бригада Одиссея.

Черти, бесы и джинны стояли под прицелами лучников и арбалетчиков лицом к приборному стенду.

– Быстро вы бегаєте, – сказала Инна. – Надо выяснить, как регулируется температура, и повысить концентрацию катализатора.

– Да знаю. Но этот черт не колется, – отвечал ей Янус.

– Эй, ты, анчибел двурогий, отвечай, как работает система, – вышел из себя Одиссей.

– Я не анчибел, я черт, – сказал черт.

– Эй, ребята, все просто, – успокоил всех Аякс, – вон та группа приборов температуру регистрирует, хотя... расстреливай весь стенд, а там – что получится.

Арбалетчики вскинули арбалеты, лучники натянули тетиву...

– Не надо, – в ужасе закричал демон под игровым ножом, – асператус взорвется!

– Тебя как зовут? – поинтересовался Янус.

– Федя, – ответил черт.

– Надо, Федя, надо!.. Все демоны на пол! Пли! – скомандовал Янус, и безумный залп стрел пронзил приборы разного класса точности...

Карга зашла в техническую комнату, аккуратно прислонила метлу к ступе, достала зеркальце, подвела помадой губы, поправила прическу и, насвистывая легкую мелодию, направилась в компьютерную лабораторию.

Братец Паук смотрел на монитор и никак не мог понять, что происходит. На экране то активизировались, то сворачивались окна, в консоли появлялись то короткие, то длинные команды. Чаще всего всплывали окна с видеорядом, фиксирующие изображение с живых видеокамер. Карга зашла в комнату.

– Ну что, ты меня заждался, мой паучочек? – сказала она, но тут в три раскрытых окна на мониторе брызнула краска: красная, синяя и зеленая. Акустическая система компьютера извергла то ли хрип, то ли треск...

– Что это было? – сказала Карга.

– Не знаю, но так красиво! – ответил Паук.

Над химическим комбинатом прогремело три ужасающих взрыва.

Сначала гроыхнула установка по выбросу красного асператуса, и стены цеха, в котором разогревался и смешивался с воздухом концентрат, окрасились в ярко-алый цвет. Затем рванул объект «Джи», и цех с емкостями зеленого цвета остался без крыши, и из него фонтаном забила зеленая струя. Когда поднялась температура в первой емкости на объекте «Би», а во второй активизировалась реакция, насос, выбрасывающий в трубу адскую смесь, застучал как сумасшедший и изрыгнул в трубу такое количество реактива,

что та, бедная, не выдержала избыточного давления и разлетелась на кирпичики у самого основания, после чего рухнула, погребая под собой обветшавшее здание цеха. Третья, прозрачная, емкость подлетела высоко вверх и взорвалась в воздухе, забрызгав глаза пролетающей мимо виверне.

Тройная ударная волна достигла города Ру, и тот вздрогнул всеми своими улицами и площадями. Окна в институте зловеще задрожали.

– Ого! – сказал Паук.

– А ну, пошел вон от сервера! Что ты натворил, кретин!

– Я его не трогал, мамой клянусь! Он перезагрузился и тогда все началось. Это вирус?

– Удаленное управление, идиот! – зашипела на него Карга, и Паук забился в угол.

Над комбинатом раздался продолжительный победный клич ролевиков:

– Ура!!!

– Инна, вокруг вас какие-то сущности, – сказал в телефон Патрокл.

– Я перезвоню, – ответила Пинцова.

– Что случилось? – спросил Ахилл у Патрокла.

– Сам не пойму, моих стриг заклинило, – ответил тот и громко крикнул в трубку, – Инна, выглянь в окно!.. Черт, она отключилась.

– Звони ещё раз.

– Сам позвони. У меня тут форс-мажор, – ответил Патрокл. На экране ноутбука появилось сообщение: «Сеть недоступна!»

– Все, нас засекли. По машинам и по домам! Что вы смотрите?

– Саш, не у всех папа директор телерадиокомпании, – заметила Кассандра.

– Значит, все в мою машину.

– А меня кто понесет? – сказал Ахилл.

– А ты скок-поскок на одной ножке, – посоветовала дочь Брисея, но тут Ахилла подхватила на руки Кассандра.

– Нельзя бросать раненого бойца, – сказала, как отрезала, женщина-гора.

– Всю жизнь мечтал о женщине, которая может вынести с поля боя, – расцвел в улыбке Ахилл, но увидев, как смотрит на него Брисеида, добавил, – шучу, шучу, шучу!

– Надо было ухандохать этот дьявольский сервер, – сказала Брисеида, – и все проблемы разрешились бы сами собой.

– Это бы все усугубило, – ответил Сашка, – с помощью сервера Барабас держит нечистых, как собак на цепи. Не будет сервера – не будет контроля. Бог знает, как повели бы себя нечистые без этого короткого поводка.

– Ребятам надо срочно уходить с комбината, – сказал Ахилл. – Кассандра, не упусти хрупкий груз!

Он достал телефон и позвонил Пинцовой.

XX. Мактуб*

Инна выглянула в окно. Производственное здание, в котором они находились, окружили нечистые всех мастей. Ифриты, мариды, инкубы и суккубы зависали в нескольких метрах над землей, но нападать почему-то не решались. Черти с бесами и кутрубы были ещё осторожнее: они прятались в кустах, за деревьями в прицевовом палисаднике и в развалинах соседних зданий. В начавшем сереть небе летали черные тени стриг, гарпий и виверн, но они тоже не атаквали.

– Спасибо, Геша, но не всё так просто. Утром созвонимся, – сказала Пинцова и завершила вызов.

– Что будем делать? – спросил Янус.

– Главное – без паники, – вздохнула Елена Прекрасная, – нам бы только ночь простоять.

– И день продержаться?

– Нет, милый Янус, день – за нас. Интересно, из демонов может получиться плавленый сыр?

– А если будет пасмурно?

– Облака – не асператус. Представь если озоновый слой убрать, мы с тобой через час в жаркое превратимся.

– При чем тут мы?

– Для них асператус, как для нас озоновый слой, а дневной свет, как для нас ультрафиолет...

И вдруг, воины Света услышали громкий голос:

– Граждане террористы, вы окружены. Сопrotивление бесполезно. Сдавайтесь!

– Откуда у демонов рупор? – удивился Янус.

– По-моему, это не демоны, – засомневалась Инна.

– А кто же, по-твоему, Глеб Жеглов?

– Злые буржуины!

– Классно я их? – с чувством собственного достоинства сказал Гриша.

– Молодец, дружище, – похвалил его Барабас и отобрал рупор. – Ребята, здание окружено, здесь спецназ. Ролевые игры закончились. Выходим с поднятыми руками. Мечи, луки и арбалеты бросаем в сторону и мирным шагом идем к автомобилю для перевозки арестованных. Мы ждем пять минут, потом начинаем операцию захвата.

– Ну вот, рассвет нам теперь не поможет, – сказала Инна.

– А у нас здесь за... – крикнул Янус в окно, но Инна вовремя закрыла ему рот рукой.

– Серега, ты что, никаких заложников. Нас и без того террористами назвали. Сдаемся!

– Погоди, может есть другой выход из этого здания, – сказал Аякс. – Эй,

**Мактуб – (араб. – так предначертано, судьба, участь, рок, предрешенность). Согласно мусульманской вере, Аллах создал Перо, которым он приказал записывать в Писание список всего, что произойдет (катаба). Слово «мактуб» является пассивным причастием от «катаба».*

Федор, как тебя, черта, по отчеству... есть здесь запасной ход?

– Я с вами не якшаюсь, вы меня работы лишили, – обиженно ответил черт.

– Бедный Федя, куда ж он будет прятаться, когда солнышко взойдет? – пожалел нечистого Гектор.

– Есть тут один вариант, – сказал черт, – канализация для активных отходов типа серной кислоты. Мы быстро туда – нырь...

– А куда она ведет, прямо в речку?

– Да ты что! Сперва – на биохимочистку...

– Так, ребята, никаких канализаций, – строго сказала Пинцова, – нам только химических ожогов не хватало. Идем сдаваться. Мактуб!.. Копри, что бы я ни вытворяла, не обращай на меня внимания. Как только дам знак – лети отсюда что есть духу, найди Ахилла, а лучше – Патрокла, понял?

– И что передать, пусть вытягивают вас из КПЗ?

– Ни в коем случае! Пусть ролик смонтируют и разместят, где только возможно: на «YouTube», «Яндексе», на местном телеканале. Сашка знает, как это сделать. И скажи, чтобы никому из нас не звонили. Иначе их тоже повяжут.

Ролевики стали выходить из здания. Они бросали оружие наземь и под прицелами двух десятков автоматчиков в свете нескольких мощных прожекторов шли в воронку. Инна вышла последней. Остановившись на пороге здания, она с силой швырнула арбалет к ногам гроссмейстера, затем с чувством поцеловала свой мобильный телефон и с размаху разбила его об асфальт, со словами: «Какой же ты бываешь странной, о, девичья моя любовь!».

– Бойтся, что мы по последним звонкам вычислим её друзей, – покачал головой Барабас, – ах, Инночка, зачем же ломать технику: мы ведь уже всё о вас знаем.

– Мне тоже часто кажется, что я его люблю. Но если разобраться, я ведь его ненавижу! – всхлипнул Гриша, достал из кармана мобильник и размогзил его о кузов воронки.

Отвлеченные этой почти театральной сценой ифриты и инкубы с суккубами проморгали кьюнга. Копростасис взмыл на недосыгаемую для них высоту. Но не тут-то было: в небе его поджидали летучие твари, и кьюнг оказался лицом к лицу со стригой, чье демоническое тело злоухало гнилыми червями, отчего Копростасиса чуть не вырвало.

– А, попался, вредный кьюнг! – расхохоталась Карга и совместила курсор мышки в форме прицела с фигурой тибетской чудо-птицы.

– Стреляйте по нему, стреляйте, – заорал Гриша, тыча пальцем в небо. Спецназовцы цели не видели и стали палить из автоматов по небесам, ориентируясь на Гришин палец.

– А я уж понадеялся, что у тебя ума прибавилось, – разочарованно вздохнул Барабас.

– Ваше великолепие, когда вы меня на работу брали, ума не было, так откуда же ему сейчас взяться? – пожал плечами полуинкуб.

– Мазилы! – крикнул Копростасис. И тут мимо него пронеслась виверна.

– Куда же ты, тварь пархатая! – неистовствовала Карга, пытаюсь наладить управление адским змием. Но мечехвостый дракон команд не слушался и пикировал, как подбитый «Юнкерс», прямо на гору оранжевого продукта неизвестного никому состава.

В отблесках прожекторов за спиной спецназовцев поднялось огромное оранжевое облако, о природе возникновения которого они не могли даже догадываться. Инна лукаво улыбнулась, видя их глупое недоумение, подмигнула Грише и грациозной походкой прошествовала к фургону.

– Следующий! – сказал в рупор Барабас. Но на пороге вместо ролевика появился черт Федор.

– Так там из людей уже никогошеньки нету, – сообщил длиннорогий. – Прикажете на ролевиков жалобу написать?

– Пиши, Федя. Пиши... заявление по собственному желанию, – ответил гроссмейстер.

Над городом Ру взошло приветливое золотистое солнце. Оно купало в своих нежных лучах главное здание городского отдела внутренних дел, где всегда были рады гостям и радушно их принимали.

Камера предварительного заключения была рассчитана на восемь человек, но в нее под конвоем завели двенадцать ролевиков.

– У нас переполнение, – объяснил юный сержант и закрыл дверь прямо перед носом Януса.

– Так-так-так, – сказал задумчиво лидер воинов Света.

– Тук-тук-тук, – ответил на это Малый Аякс, и камера взорвалась истерическим хохотом. – Слушайте, кажется, это какое-то заклинание. Может, с его помощью двери можно открыть?

И арестованные стали хором повторять абракадабру.

– Чертовы чары нам не помогут. Нам бы сейчас по глотку гномьего зелья, эти двери не только б открылись, они бы в труху рассыпались! – сказал на это Янус и пошел к своим нарам.

Остальных двенадцать ролевиков посадили в соседнюю камеру. Пинцовой среди них не было.

Инну завели в отдельную комнату без окон, где из мебели имелось только два стула и широкий деревянный стол. За ней закрыли дверь и оставили на некоторое время одну. Грудной чакрам раскрылся и из него появилась Энио.

– Ну что скажешь, душа моя грешная, кажется, мы с тобой зашли слишком далеко, – грустно вздохнула Инна, устало усаживаясь на стул.

– Это круче, чем по углям ходить, да? – весело сказала джива. И так радостно она рассмеялась, что Инна невольно улыбнулась в ответ.

– Да не переживай ты, Инночка моя, я Её видела!

– Кого?

– Ну, как тебе объяснить, – махнула рукой Энио, – Её! У нее нет имени, она такая большая и светлая, всегда впереди идет...

Дверь скрипнула. Джива тут же спряталась. В комнату вошел Барабас.

– О, какая честь: его великолепие собственной персоной пожаловали! Кажется, так вас величают «коллеги»? – съязвила Пинцова. – А почему *сам* не пришел? Ну, этот ваш, Король мира... Или как его, Rex Mundi, Сатана, Люцифер?.. Подскажите мне, несведущей, как правильней называть вашего... шефа.

Барабас спокойно прошел в комнату и сел напротив, положив ногу на ногу; он долго смотрел на Инну, не прекращая вращать в руках свою вальяжную кривую трость, и наконец-то молвил:

– Вы действительно несведущая. Никогда не призывайте того, чьи имена только что так небрежно произнесли, если хотите остаться в живых. Я говорю не столько про ваше тело, сколько про вашу единственную ценность, душу. Хотя, большинство людей, как я погляжу, к судьбе собственной дживы совершенно безразличны.

– Вы плохо знаете людей и нас же за это ненавидите. Поэтому, мой вам совет: пока не поздно, проваливайте туда, откуда пришли!

– Грубо... С чего вы взяли, будто я и есть воплощение зла? Я не жесток, как многие из людей, не жажду вашей крови и страданий. Я – самый обыкновенный строитель миров, демиург. – Барабас встал и начал прохаживаться по комнате, так ему, видимо, было легче говорить. – Нижние слои вызывают у человека страх, ибо отличаются от мира грубых материй. Однако, как бы вас это не удивляло, они тоже являются частью вселенной. Если мы с вами подружимся, я вам обязательно их покажу.

– Это приглашение на экскурсию в ад?

– Умерьте свой сарказм, Инна Пинцова. Сама по себе вы не представляете никакой ценности. Вы – пустышка, разбалованная порочным интересом мужского пола девица, требующая к себе жалости и необоснованного внимания.

– Но ваш-то интерес ко мне чем-то обоснован?

– Что ж, буду искренен. В вас есть то, что может мне доставить определенные, скажем так, неудобства.

– Энио.

– Да, ваша джива.

– Вы хотите купить Энио?

– Это был бы самый глупый мой поступок.

– Но вы сами сказали, что кроме души у человека нет другой ценности.

– Дык душа ценна для вас, но не для нас. Парадокс, да?.. Знаком вам такой термин: «человекооружие»? Нас, демонов, интересуют ваши физические тела. Человеку, живущему разумом, эманации собственной души кажутся глупыми, ведь они заставляют тело страдать. Мы предлагаем освободиться от страданий, и многие люди на это с легкостью соглашаются. Мы берем на себя опеку над дживой, а взамен получаем человеческую оболочку, гарантируя при этом, что разум не будет знать забот. Так вот, слабо развитую дживу можно держать в изоляции несколько маха-юг. Но чем сильнее развита душа, тем больше накладные расходы на её содержание. Нам не нужны сильные дживы, это невыгодно.

– И поэтому вы мне предлагаете...

- Мирный договор.
- О, вы – демон-миротворец. Логичнее было бы нас наказать за причиненный вред.
- Вы про асператус? Это мелочи. Восстановить то, что вы разрушили, не проблема. Через несколько дней мы заново отстроим установки. Я догадываюсь, что у вас есть видеофайлы с нашего сервера. Можете размещать их где угодно, хоть по всему миру. Мы даже вам посодействуем в этом. Для нас это будет хорошим пиаром. Обожаю формировать общественное мнение!.. Вы, конечно же, доставили нам определенные хлопоты своими безответственными ролевыми играми, но эти хлопоты – ничто по сравнению с теми издержками, к которым может привести наше с вами дальнейшее противостояние.
- Ну, ваши издержки понятны, но нам-то какой прок в таком союзе?
- О, вы начали торговаться! Это хорошо... Неужели вам понравится отбывать наказание за терроризм, точнее – за групповой терроризм?
- Ничего, переживу. Лучше тюрьма, чем смерть души.
- Вы правы, человек многое может пережить, особенно если учитывать, что тюрьма вам вряд ли грозит. Скорее всего, вы и ваши друзья отделаетесь условным сроком. Но подумайте, зачем такие жертвы? Вы, кажется, на хорошем счету в институте, наукой занимаетесь. И тут – на тебе – терроризм! Да с такой статьей ни вы, ни ваши товарищи никогда не добьетесь в этом мире мало-мальски весомого положения, вы разрушите фундамент своей карьеры раз и навсегда. А я вам предлагаю мир. Для вас это плохой мир, но он всегда лучше, чем хорошая война. Тем более что смерть души – это бессмысленная аллегория. Обещаю, если вы успокоитесь, ваших джив я не трону.
- Знаете, что я думаю? Вы нас просто боитесь.
- Боюсь? Горстки юных романтиков? Инна, это смешно!
- А если завтра таких, как мы будут сотни, а позже – тысячи?
- Вы хотите сказать, что сможете убедить современного человека в том, что душа реально существует? Каким, интересно, образом? Может быть, вы расскажете людям сказку о своей дживе и о злых демонах? Или кино снимите под названием «Энио, или чертовски невероятные приключения ролеви-ков в городе Ру»? Бросьте, что бы вы ни предприняли, вас никто не воспри-мет всерьез. Современный человек безнадежно рационален. Он лелеет свою самость и не в силах понять мудрость того огромного мыслящего организма, клеткой которого является. Демонизм может победить только объединенная душа, которая в этом веке появиться не может. Так что не делайте глупостей и примите со своими «партайгеноссе» мой «нулевой вариант».
- И что конкретно от нас требуется?
- Дык ерунда: дайте слово жить, как обычные люди, и ни во что не вмешиваться и ступайте на все четыре стороны.
- И вы тут же нас всех отпустите?
- Сию же минуту.
- И вы не боитесь, что уже в следующую минуту я и мои друзья нарушим данное слово.
- Я расскажу вам одну историю. После битвы при Каннах Ганнибал

отправил в Рим с предложением равноценного обмена десять своих пленников, с каждого из которых взял клятву вернуться, если обмен не состоится. Двое клятву нарушили, но вскоре они покончили с собой, не выдержав *taedium vitae*, то есть отвращения к жизни. Только человек с недоразвитой душой и больным разумом может возомнить, что ему позволено безнаказанно нарушать законы вселенной. Я вас не тороплю, Инночка. Подумайте. Однако отнеситесь с почтением ко времени. И не будьте эгоисткой, в камере все-таки ваши друзья.

В комнату вошел конвоир.

– Да, и о том, о чем я уже вскользь сказал: лично вам я предлагаю не только мир, но и партнерство, которое даст вам массу преимуществ, – добавил Барабас, – конечно же, у нас другая организация досуга, иные ценности и приоритеты, но структура та же. Вся власть этого мира исходит от нас. Подумайте о своей будущей судьбе. Вы можете многого добиться не только в области генетического синтеза.

– Вы же сказали, что я пустышка.

– Я имел в виду Инну Пинцову. Но вы – это не только она.

XXI. Дно

Открылась дверь, и в четырехместную камеру с двухъярусными нарами завели Инну. В камере сидели две девахи. Стиль их одежды сразу выдавал профессию, которую не особо приветствуют органы внутренних дел.

– О, рыжая, глянь, какую дурукули* в наш в обезьянник подселили! – сказала черноволосая девица, которая явно заскучала без новых впечатлений.

– И вам, девочки, здравствуйте, – ответила Инна, садясь на нары.

– Смотри, Лиса, она интеллигентка. Наверное, в институте учится. Глянь, какие джинсы у нее классные. Слышь, подруга, а давай махнемся. Смотри, какая у меня обалденная юбка, тебе – в самый раз!

– Отвалите, девочки, я сейчас не в юморе, – сказала Инна спокойно.

– А кто сказал, что мы шутим? Глянь, Лиса, какой у неё прикольный джемпер, брендовый! Ну, в общем, добазарились, подруга: мне брюки, рыжей – джемпер. Хотя... Лиса, давай наоборот. А ну, дай, материальчик пощупаю!

И деваха потянулась к джемперу.

Инна взяла её за руку, легонько провернула и отвела в сторону кисть. Черноволосая на ногах не устояла: её массивный задок сработал, как противовес, и увлек деваху в дальний угол камеры.

– Э, подруга, этого делать не следовало, – заорала она, поднимаясь, вынула откуда-то из-под своей короткой дерматиновой юбки надколотое дамское зеркальце и бросилась с ним на обидчицу. Иннины чакрамы раскрылись, ролевичка выставила левую ладонь перед собой, и нападавшая замерла на расстоянии метра, как будто между ней и Инной возникла прозрачная стена. Инна сделала резкое движение рукой, и деваха с грохотом повалилась на пол.

– Так, девочки, мне надо отдохнуть. Подойдете ближе, чем на метр, сверну шею. Понятно?

* *Дурукули* – (зоол.) Вид мелких приматов.

- Ага, – сказала Лиса. – Ты где так научилась?
- В тренировочном лагере.
- А за что тебя в обезьянник бросили? С виду такая фефа, – спросила нападавшая, держась за кисть и усаживаясь на нары.
- За групповой терроризм, – ответила Инна.
- А «групповой», это как?
- А вы подумайте... Всё, завязали лишний базар, гутарьте между собой. И чтоб, как мыши! – сказала Инна и легла на нары. По её чакрамам ещё раз пробежала яркая звездочка.
- Гля, как покойница легла! – прошептала Лиса.
- За терроризм? – шепнула собеседница.
- Групповой!
- Ни хрена себе!
- Гадкие они какие-то, – сказала Энио, когда Инна очутилась в долине цветов, – от них так воняет! И как их дживы ещё не задохнулись.
- Не вини их. Человек не совершенен. А я – так совсем ничтожество, – ответила Инна.
- Ты? Ты, Инночка, славная!
- Не все того же мнения, Энио. Видно, только благодаря тебе я кому-то ещё нравлюсь.
- И кто ж это такое сказал?
- Барабас. Но я и сама чувствую, что он прав.
- Ай, нашла кого слушать! – махнула рукой джива, – он что, для тебя авторитет? Не обращай внимания. Ты мне нравишься, а это – самое главное!
- Спасибо, душа. Я буду стремиться стать достойной тебя... Я смотрю, долина цветов преобразилась!
- Это Эрх, он добавил розы и орхидеи, а на небе – ещё одно солнце. Подожди, он же допридумал лес, и скоро мы пригласим леших и леприконов в гости. Полетели, я покажу. Дракошки, отбой!
- Энио, сейчас не время.
- Ну что ж такое, когда же настанет время?! – расстроилась джива.
- Скоро, Энио. Держите оборону.
- Джонги, Ранхи, Эрхариурз, Хорх... Ребятки, надо ещё немножечко подежурить! – крикнула Энио, превознемогая грусть, а Инна устремилась в самый центр белого облака, которое с её приближением превратилось в чистое небесное озеро. Инна нырнула в него; она поплыла глубоко ввысь, а вода тем временем превращалась раскаленную плазму; плазма становилась все подвижнее и разреженнее, пока не стала ветром: сначала горячим, а потом – сильным и порывистым; ветер подхватил её и понес сквозь облака, которые быстро развеялись, и Инна увидела землю; ветер аккуратно поставил её на твердую поверхность, перед входом в Храм Мандалы и стих. Храмовые ворота отворились, и Инна зашла внутрь; она подошла к алтарю, взяла чашу и отпила из нее. Мандала, начертанная на внутренней стороне купола, провернулась, из её центра ударил столб яркого света, который и унес Инну за пределы её собственных вселенных.

В гробнице фараона было тихо и прохладно.

– Как же задать вопрос? – громко подумала Инна.

– Вопрос поставлен некорректно. Перефразируйте, пожалуйста, – ответила пирамида.

– Можно ли победить Барабаса и его черную свору?

– Да.

– Замечательно! – обрадовалась Инна, – а как?

– Вопрос некорректен, – сказала чудо света.

– Чем с ним бороться?

– Тем, что в тебе.

– Это меч?

– Нет.

– Как это «то, что во мне» выглядит?

– У него нет формы и других признаков.

– Как оно называется?

– У него нет определений.

– Прекрасно. И как же мне его найти?

– Вопрос некорректен.

– Где это оружие спрятано? – снова спросила Инна, и пирамида на некоторое время задумалась и наконец ответила. – Это вообще не оружие.

Инну разбудил Копростасис. Он с трудом протиснулся через решетку и недовольно закричал:

– Я, значит, её еле нашел, а она ушла в себя!

Пинцова открыла глаза и села на нарах. Лиса только-только слезла со своих нар. Не на шутку испуганная резким подъемом Инны, она смиренно сказала:

– Я водички попить. Можно?

Инна проигнорировала её вопрос, и девица замерла в нерешительности: идти ей к крану с водой или оставаться на месте?

– Копри, ты нашел Ахилла и Патрокла?

– Да, – ответил кьонг, – они уже запустили видео в Интернет.

– Хорошо. Думаю, Барабас блефовал. Нам с ребятами надо как-то отсюда выбраться, но я не знаю, как.

– Зато я знаю! – сказала Энио, которая совершенно неожиданно вылетела из грудного чакрама, – нужно снова попросить о помощи леших.

– Опять ты, Энио, со своими лешими. И как же они помогут?

– Да они заморочат голову любому, менты тебя сами выпустят. Вольф Мессинг, думаешь, к кому обращался, чтобы его фашисты из камеры смертников освободили?

– Нет, Энио, я больше не хочу тобой рисковать, это очень опасно. Ты – единственная моя ценность. Пусть Копростасис к ним слетает.

– Да лешие его даже слушать не будут. Они его боятся. Все, я полетела! – молвила джива и исчезла за решеткой камеры.

– Копруша, быстро за ней! У меня плохое предчувствие, – сказала Инна, и кьонг стал просачиваться через решетку. Глянув на девиц, которые, рази-

нужно рты, наблюдали, как террористка разговаривает сама с собой, она решила усилить впечатление и добавила:

– Аллаху Акбар*!

– Воистину Акбар! – хором ответили девицы.

– Новые технологии, – сказала Инна, – у меня в зубе микрофон, а в ухо имплантирован динамик. Слышали утром взрыв?.. Наша работа! Вот что такое групповой терроризм.

– Ахилл, Патрокл... Мне эти имена знакомы, – почесала затылок Лиса.

– Что стоишь, как истукан, иди, пей воду. И мне заодно принеси... если не трудно.

Энио летела через город Ру, обгоняя попутный ветер. За ней по пятам, изо всех сил размахивая короткими крыльями, торопился кьонг.

– Стой, несносная дживчонка, не видишь, я за тобой не поспеваю, – кричал он вдогонку Энио.

– А ты поспевай, – отвечала ему джива, – нам Инну вызволить надо и её друзей. Шевели крыльями.

– Ну, пожалуйста! – каркнул кьонг.

Энио зависла перед небольшим полузатененным окном ломбарда «Душенька».

– Ладно, уговорил, подожду, – сказала душа, вздыхая.

Она повернулась и... увидела ужасную картину: за окном, на упаковочном столе, в несколько рядов были разложены небольшие прозрачные кубики-контейнеры, закрытые со всех сторон, но с небольшими отверстиями по краям каждой грани. Внутри контейнеров были заключены такие же, как она крохотные дживы.

– Ребята, держитесь, я вас выпущу! – крикнула Энио, выхватила из ножен меч и полетела через узкую отдушину вовнутрь.

– Куда, стой! – только и успел крикнуть Копростасис.

– Нет, этот кьонг определенно шалопутный: ну что ты бьешься как муха о стекло? Вот освобожу заключенных, тогда и вернусь. Шебутной, аж жуть! – сказала она. Энио подлетела к одному из кубиков и со всего маху ударила по нему мечом, но на его поверхности даже царапины не осталось.

– Крепкий, говоришь, да? – покачала головой джива, сунула меч обратно в ножны и стала толкать контейнер к краю стола. – Сейчас ты у меня разобьешься!

И тут она услышала голос:

– Котофей, иди сюда, глянь, что джива вытворяет.

Энио подняла голову и увидела перед собой инкуба.

Через мгновение в комнату влетел ифрит с сачком.

– Наверное при упаковке выскочила, – предположил огненный.

Энио вытащила меч и предупредила:

– Держитесь от меня подальше, я очень проблемная!

– Ты смотри, – рассмеялся инкуб и нечистые стали приближаться, – а ну иди сюда, маленькая вредина!

**Аллаху Акбар* – (араб.) *Аллах всемогущ!*

Энио бросилась к отдушине, но джинн ловко поймал её сачком.

– А это что за ком перьев? – сказал инкуб.

– Где?

– Да вон, в окно глазеет. Давай поймаем, зажарим и съедим... Вот, черт, улетел.

– Все равно туда нельзя: там солнце, – сказал ифрит.

Он вытрусил пойманную дживу из сачка в полый цилиндр упаковочной машины, плотно закрыл крышку и нажал большую красную кнопку. Под действием искрящегося электромагнитного поля Энио сразу оказалась в центре цилиндра. Внутри машины сработал поршень. Он выдавил со дна густую прозрачную массу в форме скобы, которая тут же застыла, сработал второй поршень, и такая же скоба появилась сверху. Машина клацнула. Скобы сошлись. Энио оказалась внутри прозрачного контейнера.

– Всё, десяти штук достаточно, отправляем эту партию, – сказал ифрит. Машина выплюнула контейнер с Энио, инкуб собрал остальные девять, заложил все по очереди в другую машину. Один щелчок – и прозрачные коробки засосало внутрь машины.

– Какая же всё-таки удобная штука – пневпочта! – восхитился огненный джинн.

Инна почувствовала в области сердца острую боль и легла на нары в позе эмбриона, скорчившись от спазма.

– Эй, подруга, что с тобой? – спросила черноволосая девица. Она подошла, присела рядом с Инной и коснулась рукой её лба, – температуры вроде нет, но ты вся дрожишь.

– Укройте меня одеялом и не трогайте. Чтобы я не говорила, не обращайтесь внимания, – попросила Пинцова.

– Слушай, тебе врач нужен, – сказала Лиса.

– Не надо врача, я ещё пожить хочу.

– Лиса, давай одеяло! – скомандовала черноволосая, – и попроси охранника принести кипяток. У меня «полкорабля» чая в кармане завалилось.

– Не надо чая, просто укройте.

– Хорошо-хорошо. Спи, – сказала черноволосая, укрывая Инну.

– Не плач, Джонги, всё будет хорошо, – прошептала Пинцова.

– Бредит, – сказала черноволосая.

– Нет, общается с другими террористами, это всё новые шпионские технологии, – предположила рыжая.

– Какие технологии, Лиса, она нас на понт взяла. Ей просто хреново.

Иннино эго стремительно летело вниз, пронизывая почерневшие от влаги облака.

Наконец-то показалась долина цветов, которую обуревал сухой колючий ветер.

Долина была уже совсем близко, мгновение – и Инна разобьется!.. Но тут долина цветов разверзлась как пасть громадного чудища. Пинцова полетела вниз, вглубь, в бесконечность, в бездну. Падение казалось неопишимо

долгим, но дно у бездны все же было.

Дно содрогнулось. Инна ощутила удар и завопила от нестерпимой боли.

На ней не было ни царапины. Но боль рвалась изнутри и, казалось, вот-вот разорвет её гибнущее эго в клочья...

– Что? – Атиша схватился за голову, – да ты представляешь, что ты наделал, кьонг!

– Я ничего не мог изменить, все произошло так спонтанно, – сказал Копростасис.

– Дуй к Инне и оставайся с ней. Делай что хочешь, но чтоб ни одна тварь из преисподней к её телу не подступилась.

– Бедные мои перья! – сказал Копростасис.

Лорем Ипсум завис над центральной площадью города Ру.

– Быстрее, кьонг! – поторопил его Атиша, и Копри камнем бросился вниз. Замок-дворец выбросил светящуюся дорожку прямо к центральному входу в здание городского совета.

– Ваше великолепие, к вам молодой человек, он такой настойчивый, что я вряд ли смогу его удержать, – услышал Барабас голос Полины Сергеевны в селекторе.

– Так впустите его, я не сильно занят, – ответил демиург нижних слоев.

Тут же открылась дверь, и на пороге приемной народного депутата появился демиург горнего мира.

– Атиша? Вот так сюрприз! – искренне удивился гроссмейстер.

П.С. ещё раз провела брасматиком по ресницам и те стали необыкновенно длинными.

– Ты выглядишь умопомрачительно, куколка! – сказала она своему отражению в зеркале. И действительно, её второе я было милым и очаровательным, то была златокудрая девочка, лесная фея, нежный цветок с запахом утреннего леса, умытый росой, чистый и прекрасный.

И тут в приемной народного депутата сверкнула молния и раздался гром. Помещение затрясло так, будто в кабинете Адера Ивановича рванула пара килограммов тротила. Двери в кабинет угрожающе задрожали, но устояли. С потолка на полусуккубу посыпалась штукатурка. Полина Сергеевна раздраженно фыркнула: с её лица сошел недавний румянец, от красавицы в зеркале не осталось и следа. П.С. сорвала заколку, швырнула её в мусорную корзину и интенсивно затрясла головой, пытаясь избавиться от штукатурки.

– Нет, ну хоть кто-то из мужчин, хоть когда-нибудь оценит мою прическу? – слезно запричитала она.

По подземелью волной прокатился звериный рев.

– Это церберы, – тихо молвил тоненький голос из соседней клетки. – Тебя как зовут?

– Энио, – сказала Иннина джива. Она сидела на полу ужасно тесной клетки, обняв руками колени и глубоко задумавшись.

– О чем печалишься, душа? – снова обратился к ней тот же голос. Энио подняла голову и глянула на собеседника. Это было существо, похожее на подростка лет пятнадцати, невысокого роста в чудной зеленой шапочке. Чем-то он напоминал сказочного гнома. Энио вздохнула и ничего не ответила.

– Думаешь, как сбежать?

– Если знаешь, зачем задаешь глупые вопросы?

– Отсюда не сбежишь. Вон, видишь старичка тремя клетками левее?

– Вижу.

– Так вот, он с прошлой маха-юги сидит. Отсюда не выберешься!

– А ты чья душа, и как тебя зовут?

– Я Гулливер. Не знаю, где мой хозяин сейчас, но когда я сюда попал, он был тринадцатым наследником престола.

– Какого престола?

– Императора «Священной Римской империи».

– Что, тоже в прошлой маха-юге?

– Да нет. Он был тринадцатым наследником престола императора германских и австрийских земель. Ему нужно было убить двенадцать наследников и заполучить трон. Поэтому в 1356 году он меня... продал. Так я и попал в заточение. А тебя за что продали?

– Меня не продавали. Меня похитили. Я сама виновата.

– Если не продавали, тогда тебя, возможно, будут искать.

– Она меня уже звала. Ей нужна моя помощь

– Кто звал?

– Инна.

– Твоя хозяйка?

– Хозяйка? Нет. Мы друзья... больше чем друзья! Теперь я поняла, мы – одно целое, – сказала Энио и посмотрела высоко вверх. – Какое же здесь тяжелое небо!

– Не разговаривать! – громыхнул голос. У клетки Энио появился огненный джинн с нетбуком в руках. Это был охранник. – Перекличка, ха-ха-ха! Новенькая? Как зовут?

– Энио!

– Ха-ха-ха! Энио, Энью или Эньо, через мягкий знак?

– Эни-и-ио!

Джинн четыре раза щелкнул по клавиатуре. Но нетбук, видимо, завис и он лупанул им со всего размаху о клетку. Экран погас и вспыхнул вновь, отобразив необходимый файл из базы данных.

– О, ещё одна бесплатная джива! – восхитился джинн и снова по-дурацки хохотнул. – Как я люблю этот двадцать первый век!.. Следующий!.. Ну, тебя-то я помню, проказник. Только... Гуллевер или Гуллявер?..

Энио глянула вниз. Клетки с душами висели над огненной рекой, в которой бурлила неоднородная вязкая масса из расплавленного метала и полужидких горных пород.

Клетки здесь были повсюду. Клетки, клетки и только клетки! Они висели в тысячу ярусов, от края и до края казавшегося бесконечным подземного тоннеля.

Интерьер кабинета народного депутата канул в заповедье. Поединок демиургов проходил в необыкновенном месте, если это вообще можно было назвать местом. Они его называли нулевым уровнем: здесь не было ни пространства, ни времени, ни верха, ни низа, ни света, ни тьмы, словом, абсолютно ничего. Возможно, существование такого уровня покажется совершенно нелогичным и неподвластно человеческому пониманию. И что из этого: ни светлый, ни темный демиург людьми не являлись.

– Мой светлый друг Атиша, откуда столько эмоций? – удивился Барабас и с легкостью отразил удар огненного меча, – давно у нас не было спарринга на нулевом уровне.

– Когда-то ты был человеком, и у тебя тоже была душа. Так что же с тобой случилось?

– У меня и сейчас есть душа. Только это не джива, а маленький дьяволенок, ибо я осознал всю гнусность человеческой природы.

– Эх, Барабас, я думал, демонические слои сгладят твоё разочарование в людях, и к тебе снова вернется понимание Божьего промысла.

– Не будь так наивен, Его промысла никому не понять.

– Да, но я верю в то, что он праведный и светлый.

– А человек возомнил, что деяния Всевышнего призваны лелеять некую индивидуальность. Дык посмотри, как себя называет этот болезнетворный отросток природы: человек разумный. И грустно видеть, что ты, Атиша, с ним заодно.

– Ты перешел все, границы, Барабас, отпусти её! – сказал Атиша.

– Дык отпущу, как только она сделает выбор. Я ей сделал предложение, как и ты, между прочим. Я дал ей время на раздумье. И это, мой славный друг, тебя абсолютно не касается, – ответил демиург нижних слоев и сделал решительный выпад, – ты же знаешь законы: каждый свой путь выбирает сам. Как ты смешон, Атиша, когда боишься потерять ученицу!

– О чем это ты?

– Не «о чем», а «о ком»! Об Инне, конечно же.

– Как же Инна сможет сделать выбор, когда ты лишил её дживы.

– Дык её душа с ней.

– Нет, Барабас, её джива в преисподней.

– Ерунда! Мы с Инной утром очень мило общались. Джива была на месте.

– Лжешь, лукавый, Энио в аду.

– Не может быть, я бы знал... Да хватит мечом махать, Атиша, в каком аду?

– Тебе лучше знать, ты же демиург нижних слоев.

Интерьер кабинета снова материализовался, и Барабас молвил:

– Вот так новость!

Двери кабинета распахнулись, из них вышли грассмейстер и горный демиург.

– Шеф, вы надолго? – поинтересовалась П.С.

– Буду через полчаса. Нет, через час, – ответил Барабас, и они с Атишей

быстро удалились.

– Весьма надеюсь! – сказала полусуккуба, – может, хоть теперь смогу себя в порядок привести.

– Поверь мне Атиша, я ни о чем даже не подозревал, – говорил гроссмейстер, быстро спускаясь по ступенькам, – надо ж было такое придумать: ломбард душ!

– Конкурирующая организация, говоришь?

– Ну! Проклятые коммерсанты, как они поспевают?

В ломбарде «Душенька» был перерыв. Сотрудницы коммерческого заведения пили кофе, закусывая шоколадками в форме джив, и мило обсуждали новости моды. Барабас нажал кнопку звонка у входа и держал её до тех пор, пока ему не отворили. Он показал депутатское удостоверение и вместе с Атишей зашел внутрь.

– Вы что, читать не умеете, – возразила та самая барышня, которая принимала в офисе отца Никодима, – не видите, мы кушаем.

– Где кабинет менеджера? – спросил Барабас.

– По коридору налево, но он вас не примет, у него важный разговор, – ответила сотрудница и бросила недоуменный взгляд на Атишу, одетого слишком уж просто – в белые льняные одежды, – а вы, молодой человек, тоже с депутатом?

– Да, но можно, я здесь его подожду, – скромно ответил демиург.

– Тогда не тратьте время, возьмите рекламку на стенде, почитайте. Уверена, наши цены вас обрадуют.

– Уже радуют.

– Тогда заходите после обеда, мы вам скидку сделаем, – сказала барышня и пошла доедать шоколадную дживу.

Атиша поразмыслил и решил подождать Барабаса в его машине.

Боль притупилась.

Инна лежала в серой пыли. Здесь не было низин и возвышенностей, деревьев, камней, звезд; здесь было ни холодно, ни жарко, ни сухо, ни сыро; здесь было никак; это было дно.

– Наверное, это и есть тартар, – предположила Пинцова.

– Без падений не достичь высот, – напомнил ей женский голос.

Инна подняла голову. Перед ней стояла высокая фигура. Лицо собеседницы скрывал широкий капюшон, в руках она держала фонарь, похожий на тот, что оставил Барабас в лесу.

– Ты кто? – спросила её Инна.

– Я та, с кем тебе нельзя соприкасаться.

– Смерть, что ли?

Собеседница сдержанно засмеялась.

– Зови меня Идущая Позади. Я – твое прошлое. Я прикрываю твою спину. Но если я тебя коснусь...

– Я умру?

– Смерти не существует, есть только перерождение. Скажем так, тогда

маятник качнется в другую сторону и я окажусь впереди.

– Так может, пришло время сделать это?

– Тогда бы я с тобой не разговаривала, я просто взяла бы тебя за руку.

– А если это сделаешь не ты, а я; если я возьму тебя за руку? Я же не зря очутилась здесь, на дне!

– Я не люблю быть впереди. Впрочем, это твой выбор, а не мой. Давай руку.

– Сейчас... Скажи мне только одно, когда маятник качнется назад, мой теперешний мир рухнет?

– Что за пессимизм! То, что было небом, станет дном и наоборот. Мир не рухнет, а просто перевернется. Давай руку, хватит рассуждать!

– Подожди, а что будет с Энио?

– Она тоже станет другой, так сказать, вывернется наизнанку. Вы – одно целое. Точнее, ты – только часть её.

– Наверное, Барабас был прав: я никчемная пустышка, требующая к себе жалости и необоснованного внимания... Пока был жив отец, он убаюкивал меня, жалел, лелеял. И я так привыкла к его заботе и любви, что захотела стать похожей на него, захотела стать... мужчиной.

– Твое мужское начало, которое решило мечом победить зло, проиграло... Сколько тебя можно ждать? Давай же руку скорей!

– А, будь, что будет! – сказала Инна. В тот же миг она почувствовала в себе силы, поднялась на ноги и, сильно оттолкнувшись от безликого дна, устремилась вверх, с удивлением наблюдая, как её собеседница с фонарем превращается в маленькую, ничего не значащую точку.

У них все схвачено, некроманты козлорогие, – выругался гроссмейстер, садясь в лимузин.

– Что, свои же одурачили? – поинтересовался Атиша.

– Какие там «свои»! Говорю же тебе, коммерсанты, ООО «Душенька». Я о них и знать не знал. Представляешь, он мне бухгалтерию начал показывать и лицензии. Гляжу, а они все с моей подписью. Это все П.С.: принесла пачку бумаг, сказала, что все проверено, я всё не глядя и подписал.

– И что же, нельзя никак прижать злодеев? – иронично сказал светлый демиург.

– Можно. Только волокиты не оберешься. По судам заморишься бегать. У нас, в нижних слоях, демократия... то есть бюрократия ещё похлеще, чем здесь, наверху. Но главное то, что Энио у них вообще не значит.

– Ну и что мы будем делать?

– Ты – ничего. Возвращайся в свой замок-дворец. Я этот вопрос сам решу.

– Надеешься, что Инна перейдет на твою сторону?

– В данный момент этот вопрос неуместен... Да не переживай ты. Я тебе обещаю, что через час-полтора её джива будет там, где ей и положено быть. Впрочем, можешь прокатиться с нами. Гриша, рули в андеграунд!

Копростасис протиснулся через решетку внутрь камеры и сел на нары

рядом с Пинцовой.

– Инночка, – всхлипнул он, – что ж я наделал!

Не открывая глаз, Инна сдернула с груди одеяло. Центральный чакрам раскрылся.

– Туда? – с ужасом каркнул Копростасис, – я когда-то посещал микрокосм одного хитрого мага. Еле выбрался оттуда. Он хотел от меня избавиться. Надеюсь, Инна, ты ничего не имеешь против меня... Эх, была ни была!

Он перевел дух, зажмурился и запорхнул в чакрам.

Сильный ветер подхватил тело Копростасиса. Две грозовые тучи расступились, как бы раскрывая ему дорогу в долину цветов, но когда он поравнялся с ними, произошел разряд, и мощная молния чуть было не подожарила кьонга. К счастью, разрядом зацепило только хвост, который и горел-то недолго под ливнем. Изнеможенное тело чудо-птицы рухнуло прямо у порога домика Энио.

– Ну и ливень! – сказал кьонг, с трудом открыв глаза.

– Джонги из-за Энио очень расстроился, – вздохнула Пинцова.

– Пустишь погреться?

Инна подобрала кьонга и вернулась в сферу.

Обнаружив, что дождь на него больше не капает, Копри вскочил на ноги и встрепенулся.

– Я принес тебе хорошую новость: Атиша пошел к Барабасу просить за твою дживу, Энио скоро будет на свободе.

– Наивно полагать, что Барабас его послушает.

– Это почему же? Они хорошие друзья.

– Друзья? Хорошие? Как так может быть?

– Да их сама Попатумгала не разберет, этих демиургов. Они постоянно в какие-то игры играют. Словом, с человеческим пониманием ты в их дружбе не разберешься.

– Кто такая Попатумгала?

– Да жена моя бывшая, умная аж до умопомрачения. Но это отдельная история.

– Слушай, кьонг, помнишь, ты сказал, будто я воплощенная женственность.

– Ну да. Я от своих слов не отказываюсь. Но должен признать, мужское начало в тебе тоже не слабое.

– Да Бог с ним, с мужским началом, ты мне скажи, в чем заключается женственность?

– Это не вопрос, а фиг знает что.

– Ну, Копри!

– Трудно сказать определенно... Мужчина смотрит вдаль, а женщина – перед собой. Мужское больше проявляется в солнце и времени, а женское – в земле и пространстве...

– ...мужское оплодотворяет, а женское призвано рождать, – продолжила мысль Инна.

– Мужское оплодотворяет только на физическом плане, а на тонком уровне – все наоборот!

– Эти Сашкины единица и ноль, правда и ложь, да и нет... что же из них мужское, а что – женское?

– Я думаю, это всего лишь условности, зависящие от направления вектора, – молвил кьюнг, – что в тебе твоё, а что чужое, вот в чем важно разобраться! Подчинись своей истинной природе, стань самой собой, и твоя женственность возьмет верх...

И тут их беседа прервалась, так как долину цветов затрясло.

– Что это, землетрясение? – всполошился кьюнг.

– Опасность, – пояснила Инна, – сможешь меня защитить?

– Ой, лучше я за драконами посижу.

– Копрушенька, они тебя если не зажарят, то живьем съедят. С ними может управляться только Энио. Ну и меня они в последнее время немного слушаются.

– Немного? А с тобой ничего не случится? – поинтересовался Копри.

– Не переживай, меня они уж точно не съедят. Ну, давай, лети вверх.

– Что значит «давай»? Подбрасывай!

Грудной чакрам Инны раскрылся и оттуда пулей вылетел Копростасис. Он подлетел к самому потолку.

Осмотрев с высоты камеру, кьюнг ничего подозрительного не заметил. Девахи, сидя на нижних нарах, шептались ни о чем, а прямо возле Инны пристроился довольно упитанный черт, который гладил Пинцову по голове, прямо-таки, как мама в детстве, приговаривая: “Красивая...”.

– Стоп, – сообразил кьюнг, – а откуда здесь рогатый?

Копростасис по праву защитника долбанул демона откровенно неприветливо и тот схватился за голову.

Кьюнг приземлился на нары, закрыв Иннин грудной чакрам своим мифическим телом, как амбразуру, и вежливо сказал:

– Я вам предлагаю покинуть это помещение, во избежание конфликта.

– С какой стати, я тут давно прописался! – возмутился черт, – а вот ты, кудлатый, явно здесь впервые нарисовался.

– Где ты живешь, в этой камере?

– Когда в этой, когда – не в этой, тебе какое дело!

– У тебя, наверное, и отдельная жилплощадь имеется?

– Конечно, и с харчами проблем нет.

– Вот и вали в свою вонючую нору! – смело сказал Копростасис...

XXII. Хранилище душ

Лимузин Барабаса пересек границу демонического города.

– Это наша столица, – пояснил гроссмейстер.

– Интересные у вас жилища, – заметил Атиша, рассматривая пейзаж за окном. В глубине подземного города хорошо просматривались тесные кубические лачуги шайтанов, цилиндрические многоэтажки рогатых демонов, пирамидальные гнездовья гарпий и виверн.

– Здесь все идеально, – равнодушно пояснил гроссмейстер, – мы любим логичные и правильные формы.

Вход в подземную пещеру, над которой адским огнем тлела надпись "Хранилище людских душ", охранялся очень тщательно. Мало того, что вдоль контрольно-пропускного тоннеля несли бдительную вахту земляные джинны и черти с трехголовыми церберами, у главных ворот был организован пост. Упитанный силат с обрюзглым животом внимательно проверял документы и пропускал механический и гужевой транспорт только после досконального досмотра. Перед лимузином Барабаса контроль проходила трехколесная повозка, в которую был впряжен гигантский черный скорпион. Что могло не понравиться постовому в этой таратайке, сказать было трудно, но рядовые бесы и черти вот уже полчаса ползали под ней с фонариками и что-то вынюхивали.

– Это что, дым валит из сторожевой каморки? – поинтересовался Атиша.

– Ты что, пар, конечно же! На поверхности земли отопление, а у нас охлаждение. Лед загружают в устройство похожее на вашу печь и таким образом охлаждают помещение. Лед добывается в основном на поверхности, он очень дорогой, но что поделать, такова жизнь в нижних слоях.

– В горнем мире средняя температура 20 – 25 градусов, нам не нужны печи.

– Везучие.

– А почему бы не придумать какую-нибудь холодильную систему? – спросил Атиша.

– Холодильники-то есть, только не всем они доступны. И это правильно! Власть держится на нищете. Не будет нищеты – наступит анархия. Порядок – это дешевая рабочая сила, строгая иерархия в обществе, полное подчинение низших каст высшим. Мы строго придерживаемся этих правил и поэтому у нас нет хаоса, не то что наверху.

Постовой наконец-то поставил штамп в документах водителя вьючного скорпиона, поднял перед трехколесной повозкой шлагбаум, и её место занял Барабасов лимузин. Автомобиль был снабжен кондиционером, поэтому в салоне было довольно прохладно, а как только сработал стеклоподъемник, стало ясно, что очень хорошим кондиционером: в лицо Атиши дунул обжигающий ветер.

Гроссмейстер подал водяному джинну документы. На всех трех листах были печати и выразительная подпись. Постовой подозрительно посветил на одну из бумажек фонариком с обратной стороны, внимательно присматриваясь к подписи.

– Сам Великий Черный подписал? – хмыкнул силат.

– Что, слепой, не видишь? – рявкнул на него Гриша.

– Давай поживее, офицер, – поторопил его Барабас.

– А кто это с вами в салоне, человек?

– Ты что, читать разучился? Там белым по черному написано: секретная миссия, не обыскивать, лишних вопросов не задавать.

Джинн внимательно изучил остальные два листа с подписями и разрешил проезд.

– У вас же компьютерная техника на грани фантастики, да и другие

технологии на высшем уровне, а здесь – раннее средневековье! – не удержался от эмоций Атиша, когда Барабас закрыл окно и лимузин двинулся вперед.

– Поэтому все и стремятся отсюда наверх. А ты говоришь, демиургу здесь делать нечего. Моя роль благородна, какой бы гнусной она тебе не казалась.

– Гнусно то, что ты рекламируешь этот мир наверху.

– Неправда. Люди сами его рекламируют. По моему разумению, человек должен стремиться в горный мир. Чем людей привлекают демонические слои, я сам теряюсь в догадках.

Лимузин остановился. Гриша взял документы и пошел оформлять освобождение Энио.

– Я думал, ты сам пойдешь за живой, – сказал Атиша.

– Нельзя. Джинны сразу заподозрят неладное. Работу должны выполнять слуги.

К клетке Энио подлетел знакомый ифрит-охранник с раскрытым нетбуком.

– Эняо? – спросил он.

– Ты уже спрашивал, Энио меня зовут.

– Я так и сказал, – хмыкнул шайтан.

– Так, клетку номер 832040 – на транспортер! Пошевеливайтесь, ленивые марицы, я сегодня ещё не обедал! – крикнул огненный.

– Тебя куда-то переводят? – спросил Гулливер.

– Не знаю, – пожал плечами Энио, – наверное.

– Жаль, я уже успел привыкнуть к соседству с тобой. Ты славная.

– И ты славный, Гулливер. Обещаю, мы с тобой ещё увидимся.

Гриша вернулся в лимузин с запакованным контейнером, в котором была Энио, и передал коробку Барабасу.

– А теперь, Гришуня, аккуратно, но быстро – на поверхность, – приказал гроссмейстер.

– Может, распакуешь? – сказал Атиша.

– Рано. Засекут, – ответил гроссмейстер.

– Я что-то не понял, Барабас, ты что, подпись Великого Черного подделал?

– Дык, как будто мы не на одном факультете демиургов в универе учились. Сам-то сколько раз подпись декана на бегунках подделывал?

– Не на бегунках, а на хвостовках.

– Бегунками они назывались!

– Да ладно, ты б ещё начало кальпы вспомнил. Лучше скажи, когда ты успел документы подготовить!

Автомобиль минул пост и Барабас несколько повеселел.

– Я что, в первый раз подпись Черного подделываю? Бланки у меня есть готовые, любой текст в них можно вставить. У меня их много, ещё на пару сотен лет хватит. Отгадай, кем Гриша был до недавнего времени.

В ответ Атиша только плечами пожал. Машина пересекла границу демонического города. Информационный дорожный знак гласил: «Конец населен-

ного пункта «г. Йу-Эс». Настроение Барабаса заметно изменилось в лучшую сторону.

– Он золото из магмы выпаривал. А такой работой у нас занимаются или бесы самого низшего ранга, или черти, осужденные за тяжкие преступления, или политзаключенные. У Гриши своя длинная история жизни. Он был диссидентом. Стихи писал.

– Политические?

– Обычные, про солнышко и травку, которая растет только там, наверху. Однако у нас любая поэзия запрещена.

Я решил, что такой инкуб мне подходит, кой-какие документы подделал и с каторги его вытащил. Посадил его инкубью сущность в тело одного развратника. Теперь он у меня водителем. Гриша, конечно, глуповат, среднее арифметическое его интеллекта ниже сорока процентов. Но это не его вина: у того развратника мозги оказались размером с грецкий орех.

– Хорошо, хоть не с фундук, – сказал Григорий, чем развеселил не только Барабаса, но и Атишу.

Из адского чрева тоннеля вылетела стая испуганных летучих мышей, и вслед за ними из утробы земли показался лимузин, волоча за собой облако пыли. Автомобиль резко затормозил на лесной дороге. Облако едва не накрыло лимузин: в последний миг его удачно отнесло ветром в сторону.

Барабас неоднозначно вздохнул, но Гришу на этот раз ругать не стал. Вместо этого он опустил стекло, после чего развернул упаковку с контейнером.

– Теперь можно, – пояснил гроссмейстер, надавил на грани куба и разломил контейнер на две скобчатые половинки.

Энио мигом вылетела в окно.

– Интересно, она найдет дорогу? – усмехнулся демиург нижних слоев.

– Надеюсь, теперь она будет осторожнее, – сказал на это Атиша.

И тут Энио вернулась и зависла перед самым лицом Барабаса.

– Что тебе, душа? – спросил он.

В ответ Энио сделала реверанс в сторону Атиши, кивнула головой и подмигнула Грише, крепко поцеловала в щеку Барабаса, а уж после этого удалилась.

– Слушай, друг, делаешь доброе дело – делай его до конца, – сказал Атиша.

– Да ты даже не сомневайся: приедем в город, я даже в исполком заезжать не буду, сразу – в горотдел МВД.

– Зачем же так тянуть, при нынешних-то средствах связи!

– Ну и жук ты, горний демиург, ох и жук!

– Послушай, я все советую сделать в твою пользу: Инна быстрее выберет твой мир, если ты проявишь ещё капельку благородства.

– Нет, Атиша, ты определенно лукавый. Да она давно сделала свой выбор.

– Тогда о чем ты переживаешь?

– Переживаю? Я что, человек?.. Думаю, Инна не из тех людей, кого привлекают нижние слои. И я послушаю тебя только для того, чтобы смягчить свое падение.

– Да ладно, перестань, ты же знаешь, что не упадешь, а возвысишься.

– Хитрец ты, горний демиург. Ох, хитрец! – ответил гроссмейстер и

достал смартфон.

XXIII. Воздушные пираты

Когда Энио вернулась в камеру предварительного заключения, черт уже добивал Копростасиса. Рогатый держал почти бездыханного кьонга за горло, приговаривая:

– Я тебе покажу вонючую нору, ворона недоношенная!

– Это что такое! – вступилась за него Энио и вытащила меч.

– Хм, – сказал черт, не зная, как оправдаться, но в конце концов нашелся, – простите, леди джива, но этот господин, как его...

– Копростасис, – еле слышно прохрипел кьонг.

– Ага, господин Копростасис весьма нелестно отозвался о моем жилище. На почве его неучтивых высказываний и произошел этот инцидент.

– А как он назвал ваше жилище, господин черт? – поинтересовалась джива.

– Простите, у меня язык не поворачивается... Извините, вонючей норой.

– Так вот туда и вали! Это мой друг! – отрезала Энио.

– О, прелестная леди джива, ваше слово для меня закон, – сказал нечистый и отпустил задыхающегося кьонга.

– Ты забыл добавить «юная» к слову «леди».

– О, простите, прелестная юная леди!

– Как, ты ещё здесь? – удивилась джива.

– Не извольте гневаться, исчезаю, – сказал черт и вернулся в грудной чакрам черноволосой девахи.

Инна открыла глаза и радостно воскликнула: «Энио».

– Я вернулась! – улыбнулась джива, – меня освободил Барабас, и я его поцеловала.

Двери скрипнули, и Энио тут же спряталась.

В камеру зашел охранник и объявил, как на параде:

– Гражданка Пинцова, с вещами на выход. Нужно будет подписать маленький документик.

– Я не собираюсь ничего подписывать, – возразила Инна.

– Да это формальности, – объяснил сержант, – напишите, что не имеете претензий к нашим органам, и вы свободны.

– К «вашим органам»? О да, вы правы: к ним у меня никаких претензий.

– Ура, нас отпускают! – как ненормальный заорал на всю камеру Копростасис.

– Да тихо ты, Копри, – шепнула Инна, а потом спросила у сержанта, – а как же мои друзья?

– Заявитель отозвал заявление и не имеет к вам никаких претензий. Все свободны, черт бы вас побрал.

– Нет уж, спасибо, своих чертей оставьте при себе.

Ролевики стояли у здания горотдела МВД. Вечерело. Пора было расходиться по домам.

– Что ж, на сегодня приключений хватит. До завтра, Инночка, – сказал

Янус, крепко обнял её и по-дружески поцеловал.

– Господи, это же так просто! – воскликнула Инна, – Энио поцеловала Барабаса, и он нас отпустил. Вот оно, оружие, которое вообще не оружие, вот оно, женское начало!

– Ты о чем? – недоумевал Янус.

– Жители города Ру должны почувствовать, что все мы – единое целое, один большой организм. Только тогда мы прогоним демонов. Мы должны пробудить души людей!

Инна тоже обняла Януса – крепко, по-дружески, без похоти – обняла и поцеловала, Инна подходила к Аяксам, Одиссею, другим воинам Света, обнимала их, целовала и говорила:

– Просыпайтесь!

Парень с девушкой, проходившие рядом, глянули на них оторопело. Янус подошел, обнял обоих, целуя в щеки, и произнес:

– Просыпайтесь!

К отделению подошли четверо сотрудников патрульно-постовой службы, которые вели двоих задержанных.

– Просыпайтесь, – обняла и поцеловала сержанта Инна, и представители власти стали по-братски обниматься и целоваться с нарушителями спокойствия.

Ролевики двинулись по городу, целуя и обнимая каждого встречного, и скоро волна поцелуев и объятий захлестнула весь город.

– Просыпайтесь, – обнимались водители с пешеходами.

– Просыпайтесь, – целовались продавцы с покупателями.

– Просыпайтесь, – говорил человек в деловом костюме, обнимая бомжа.

– Просыпайтесь, – кричали демонстранты с желтыми флагами, бегущие навстречу митингующим с серо-буро-малиновыми вымпелами, а встретившись, крепко обнимались и целовались.

– Просыпайтесь, – трижды каркнул пересмешник, наблюдая, как под деревом кошка обнимается с собакой.

– Просыпайтесь! – понеслось долгое, нескончаемое эхо по широким улицам и узким переулкам города Ру. И даже когда на город опустился вечер, в окнах оживших городских домов то здесь, то там появлялись силуэты людей, которые обнимали друг друга и целовали и шептали при этом: «Просыпайтесь!».

Отец Никодим ехал на велосипеде домой. Около двух часов он катался по лесу и ощущал сейчас в мышцах приятную усталость. Он пел псалмы Давида и чувствовал себя великолепно. И тут, подъезжая к своему хутору, батюшка узрел окутанную неземным светом фигуру в районе водоема, на котором, как и обычно, плавали уточки. Никодим притормозил и достал из футляра очки: без них он не очень хорошо видел, особенно вдаль.

– Господи! – перекрестился батюшка, поспешно вернул очки в футляр и покати к озеру.

Сын Человеческий присел на воде и гладил водоплавающую. Когда Он

увидел служителя церкви, то встал и мирно пошел к берегу.

– Если б Я не по воде, а по земле пришел, поверил бы, что это Я? – спросил он у священника, подойдя ближе.

– Наверное, нет.

– Правду говоришь. Ибо возомнил, что Бог ограничен и ко всем людям должен приходиться таким, каким тебе известен: в человеческом облике, в белых одеждах, с крестом и по воде яко посуху.

– Прости, Господи!

– А фамильный крест пограл.

– Да, Господи, с благими намерениями – да в геенну огненную.

– Думаешь, Я из-за креста к тебе пришел?

– Так и думаю, Господи, Ты все знаешь.

– Так то ж твоя реликвия была. Твой крест. Я на своем уже повисел... Эх, Никодим, как велика твоя гордыня!.. Оставь сейчас все и вместе с женой своей иди к террикону на той стороне реки.

– Избави, Господи, то ж... лысая гора, там же нечисть собирается.

– Коли боишься, не ходи. Но Я прошу.

– Зачем, Иисусе?

– А ты сделай, как Я говорю, и сам все увидишь. Ступай, – сказал Иисус, и священник сделал, как Он сказал.

– Будьте здоровы, гой еси, мир вам, здравствуйте, – эхом пронеслось над терриконом, который окружили сотни жителей города Ру.

– Ой, батюшки! – ужаснулась попадьа, прикрывая рукой раскрытый от удивления рот: она узрела среди собравшихся Владислава Владиславовича, того самого главу областного секретного ведомства. – Я сама не видела, но бабы говорят, что он голубой.

– Цыц! – ответил жене отец Никодим, – не хватало, чтоб ты видела! Может, у него свое понимание любви. Раз он здесь, значит, душа его проснулась. А раз душа его проснулась, значит, Господь к нему пришел. А раз Господь к нему пришел, куда ж ты со своим, прости Господи, копытом сущешься?

И матушка после этих слов супруга богобоязненно перекрестилась.

Здесь были люди разных вероисповеданий и разного достатка. Это было видно по их одежде. Но это не мешало им обняться и поцеловаться.

Они стали в круг и говорили, по очереди обращаясь друг к другу:

– Я чувствую тебя. Я чувствую силу твоей прекрасной души, для которой не существует преград на этой земле. Я верю в тебя, и в то, что мы пройдем вместе через все испытания, которые нам на сегодня выпали. Верь и ты в меня!

Были в кругу и Инна, и Янус, и Ахилл, и Патрокл, и Брисеида, и Кассандра и много-много других ролевиков. На них не было лат, они не держали в руках ни арбалетов, ни копий, ни мечей.

Инна повернулась к Сашке Патроклу, обняла его и поцеловала.

– Нет, Саш, подожди, не так, – сказала она, снова его обняла, и снова

сказала, – Саша, прости меня. Я обязательно изменюсь и стану достойной порывов собственной души, я перестану пренебрегать тем богатством, что внутри меня и не буду запира́ть на ключ свою истинную любовь...

– Я тоже верю в тебя, – обрадовался Сашка и обнял Инну. Как друг, не как влюбленный.

Круг сомкнулся. И над терриконом возшло необыкновенно светлое сияние, очаровывающее своей чистотой и белизной, и из груди каждого, кто стоял в коле, вылетела его сокровенная джива. Крошечные существа взлетели высоко вверх и рассредоточились.

– Как пойдём, «свиньей» или «фалангой»? – крикнула Энио.

– Не хотим «свиньей», – сказали женские дживы.

– И фалангой не пойдём, – крикнули мужские.

– Тогда может быть «клином» или «каре»? – снова спросила Энио.

– Отстой все это, мы же не пехота, мы – воздушные пираты, – донесся молодой бас.

– Звучит красиво, но ассоциации не очень, – пропел чей-то тоненький, как свирель голосок

– Ладно, – махнула рукой Энио, – раз мы не пехота, пойдём «Кубанской этажеркой*», согласны?

– Это круто, – хором согласились дживы.

Они мгновенно выстроились в этажерку, как будто летали в таком порядке сотни раз. Сонм человеческих душ ринулся во чрево террикона.

Дживы ворвались в мир нечистых духов, облепленный раскаленными сталактитами и сталагмитами, как в пасть зловещего монстра. С отчаянным кличем они пронеслись над огненными реками и каменистыми склонами ада. Ослепленный светом, оглушенный громом, задыхающийся, тлеющий багровым свечением мир демонов вздрогнул от страха.

Инкубы, суккубы, черти, бесы, джинны, виверны, гарпии, стриги... – все демонические сущности нижних слоев стали искать спасения от наводящей на них только ужас армады джив. Нечистые прятались в своих тесных лачугах и ветхих гнездах. Ни одна подземная тварь не решалась противостоять дживам, которые были, как единый кулак, как огненный щит, как пламенный меч, как единая душа.

Но дживы не жаждали смерти своих исконных врагов. Они пришли сюда только лишь с одной целью – освободить плененные, проданные, потерянные и заблудшие людские души.

У пропускного пункта в хранилище душ рухнул шлагбаум, сметенный шлейфом, который влекла за собой армия джив. Трехголовые адские псы от страха прижались к земле, обхватив свои головы лапами; церберы не рычали и не выли, они – скулили, моля о пощаде.

Но дживы летели дальше – к клеткам плененных душ.

«Воздушные пираты» рубили замки и срывали петли. Освобожденные

* **Кубанская этажерка** – ступенчатый боевой порядок самолетов-истребителей, обеспечивающий высокую маневренность и боеспособность. Применялся советской истребительной авиацией во время Великой Отечественной войны.

дживы присоединялись к армии своих спасителей.

– Гулливер! – прокричала Энио, добравшись до клетки друга. Вместе с другими дживами она перерубила толстую дужку замка, и дверца клетки распахнулась. – Гулливер, как я рада тебя обнять! Я же говорила, что мы ещё увидимся.

– Я знал, что ты вернешься. Я видел это в твоих глазах, но я даже не надеялся, что это случится так скоро.

– Лети за мной, не отставай, Гулливер.

– Подожди, Энио, давай освободим старика, а то он ещё полкальпы свободы не дождется.

– Идет, Гулливер! – ответила Энио, они радостно притопнули, прихлопнули, ударили по рукам и полетели к клетке старейшины арестантов...

В зале заседаний исполкома городского совета города Ру творилась суматоха. Демонам было не до трубок и не до сигарет. Поверить только, никто из них сейчас не курил!

– Так может, разнесем в щепки этот город Ру, пока души других городов против нас не объединились? – предлагал ифрит, прикрывая розовым платочком нервно дергающийся глаз и почесывая редющую лысину незаконно занимаемой им человеческой оболочки.

– Не стоит, – отвечал Барабас, – это нам же во вред. Если закроют террикон – ничего страшного: будете выбираться наружу тем путем, каким ходите уже тысячи веков – через узкие разломы и заброшенные шахты. Но, уверяю вас, это объединение джив долго не продержится.

– Я без боя не сдамся! – завопил колченогий инкуб. Он хотел что-то добавить, но не успел: в зал заседаний ворвались ролевики в окружении сонма джив.

– Ну что, духи злобы поднебесной, узурпаторы человеческих миров, тел и должностей, как будем расплачиваться за содеянное? – сказал Малый Аякс.

Вперед выступила Инна.

– У вас есть время до завтрашнего утра, чтобы убраться из города, – предложила она демонам. – Да не шумите, ребята, злом только зла и добьешься. Пусть идут с миром. Жители Ру уже знают цену душе, так что в этом городе нечисти больше не будет. Террикон будет открыт только до завтрашнего утра. А потом мы его наглухо запечатаем. Так что поспешите, господа нечистые, собирайте манатки...

Пока ролевики выясняли отношения с нечистой силой, здесь же, в зале заседаний, Энио решала свои вопросы.

– Ты почему плачешь? – спрашивала она у одной из джив.

– Мой хозяин от меня отказался, – отвечала расстроенная душа.

– Ну и чихни на него, – сказала Энио, и её собеседница, совершенно неожиданно для самой же себя, действительно чихнула.

– Молодец. Будешь жить у меня. У нас с Инной столько вселенных!.. Кстати, это всех касается (Гулливер, а тебя – в первую очередь): у кого нет дома – приходите ко мне. Завтра мы с Инной позовем леших и такой пир

закатим. Закачаешься!..

XXIV. Эпилог

Барабас шел по центральной площади города Ру. На ней было много людей, но никто не обращал на демиурга ни малейшего внимания.

Люди, собравшиеся у здания исполкома, ходили по кругу с пестрыми разноцветными флагами и плакатами, на которых были написаны разные лозунги.

– Де-мо-нов! Де-мо-нов! Де-мо-нов!.. – скандировали активисты.

И тут Барабас увидел Лорем Ипсум. Замок-дворец Атиши сделал маневр над городом Ру и завис над площадью. Барабасу подали светящуюся дорожку, и вскоре он оказался в замке, поклонился и поздоровался с Лоремом. На живой террасе появился Атиша.

– Гой еси, Барабас! Тебя куда отвезти?

– Дык, куда угодно, только подальше от Ру!

Демиург снял шляпу и аккуратно обломал свои рожки. Он подержал их в руке и хотел было выбросить, но решил здесь не мусорить и сунул артефакты в карман.

– Что-то ты сник, дружище, – молвил демиург горних высот, – жаль с рогами расставаться?

– Нашел ценность!

– Что же тогда тебя тревожит?

– Да вот, размышляю: люди выгнали демонов из города, а светлым Ру так и не стал, так неужели тот светлый град, который я видел, был иллюзией?

– Разве ты не научился отличать химеру ото льва? Ты видел будущее!

– Это что, какое-то абсолютное будущее, которому никогда не стать настоящим?

– Что ты, конечно же относительное: для кого-то оно уже настало, а кому-то его не достичь и вовек. Да пусть люди сами решают свои конфликты с временем! – махнул рукой Атиша. – Ты лучше скажи, тебя из преисподней выгнали или ты сам ушел?

– Дык... надоело! Пора менять ампула, – ответил Барабас, – уйду в бродяги.

– Понятно, – с сожалением вздохнул светлый демиург, – а я уж думал тебе кое-что предложить.

– Опять какую-то хитрость затеял?

– Ну почему хитрость... Сыграем?

– Э, нет: я в шахматы больше не игрок!

– В преферанс.

– Вдвоем неинтересно.

– Обижаешь! – сказал Атиша, на террасе появилась Инна и смущенно кивнула недавнему врагу. Барабас оживился:

– Дык мы тебе в два счета на гору запишем!

– Расслабься, у меня тоже напарник есть, – продолжал светлый демиург, и ему на плечо сел Копростасис.

– Копри, ты что, «Пулю» пишешь? – удивилась Инна.

– А то! Да ты меня на мизере фиг поймаешь!

– Этот ком перьев твой напарник? – рассмеялся Барабас, поднимаясь на террасу, – так и быть, играем.

Пока Копростасис тасовал и раздавал карты, Барабас шепотом спросил:

– Слушай, Атиша, а что твоя ученица, беременна, что ли?

– Открою тебе секрет, мой старый друг: она женщина, а с ними такое иногда случается. Инна недавно замуж вышла.

– И кому теперь кислицы снятся?

– Не переживай, её муж – обыкновенный парень, на сто процентов земной.

– Каким же образом она светлые миры будет творить на сносках?

– Ты мне творчество в рамки не вводи!.. Эх, Барабас, зря ты тогда бегунок подделал. Ты мне после игры напомни, чтобы я тебе конспект дал почитать: негоже иметь пробел по такому важному курсу, как «Равновесие светлых миров»!..

Лорем Ипсум пронесся над снежными вершинами и широкими равнинами, над пустынями и океанами, над тайгой и джунглями. Замок-дворец чувствовал себя неотъемлемой частью всего, что простиралось над ним и под ним, а потому был счастлив.

Райские птички внимательно следили за движениями дирижера и насвистывали «Скерцо для оркестра» Сергея Рахманинова. Белые вороны вместе с похожими на птеродактилей драконами хором исполняли вокальную партию, которую пернатый маэстро добавил в великое произведение буквально накануне.

Во фруктовом саду вместе с ангельскими детьми играли в прятки человеческие дживы и двуглавые драконы. Энио досчитала до двадцати и сняла с глаз повязку.

– От меня не спрячешься! – рассмеялась душа, и от этого радостного смеха над главным куполом замка-дворца, венчавшего шестнадцатиярусную пагоду, взошла девяностодевятицветная радуга, в сияние которой сразу же устремились херувимы и серафимы, кляксовые и бабочковые драконы, а также другие небесные существа, которых трудно даже вообразить.

**Рубежное,
2012 г.**

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ

медитативный рассказ

В далёком, но близком краю, там, где солнце никогда не заходит за горизонт, но всегда светит, жил когда-то человек, у которого не было ничего, даже имени. Так его и звали: Человек Без Имени.

Как он туда попал, неизвестно. Ведь в этом краю жили одни только короли со своими королевами, президенты и премьер-министры со своими президентшами и премьер-министершами, шахи, цари, императоры... в общем, разные правители и повелители, которые устали повелевать и править и решили отдохнуть.

У каждого из них был замок или дворец; каждому прислуживали свои придворные мастера, художники, музыканты и другие подданные. Законники писали законы, строители строили дома, повара готовили блюда. Словом, все были заняты своим делом. И правители-повелители были довольны, потому что их желания исполнялись. Но если какой-нибудь царь или президент загадывал такое желание, которое в его королевстве не могли исполнить (да ещё вовремя!), он обращался к Человеку Без Имени, который жил на берегу моря в обыкновенной хижине.

Больше всего на свете Человек Без Имени любил лепить из глины людей с красивыми лицами и разных животных. Помимо этого, он и строил, и куховарил, знал, как сделать из любого металла золото и серебро, а из обыкновенного гранита драгоценный камень, умел заговаривать змей и крокодилов и много чего ещё. Сам для себя он ничего не хотел и не желал, потому что однажды приказал себе быть счастливым, но не было такого желания, которое Человек Без Имени был не в силах исполнить.

Однако правители-повелители редко выходили из своих замков. Точнее, они делали это только тогда, когда им было совсем уж невтерпеж, ибо были непомерно ленивыми. Заказывали они обычно какую-то ерунду. Чаще всего просили вылепить из глины чудище, которое будет стеречь их драгоценности. Слуг своих они никогда не присылали. Мало того, даже из замков их не выпускали, боясь, что те, как только выйдут за ворота, сами станут королями или президентами. И потому Человек Без Имени подолгу оставался без посетителей.

Порою так, в одиночестве, он часами, днями, а то и годами просиживал на берегу своего бескрайнего моря, поглядывал на солнце и бросал в воду камешки. Но вот однажды это ему надоело, и он решил чего-нибудь пожелать. И, несмотря на то что был он счастливым, это у него получилось.

– Всю жизнь я лепил из глины чудищ и драконов по чьему-либо заказу и, наверное, заслужил право создать творение по воле собственной души. Построю-ка я памятник самой Любви! – сказал он самому себе, оставил в хижине записку для правителей-повелителей, мол, скоро буду, и отправился в каменную долину.

Там Человек Без Имени не торопясь собрал все камни, что были разбросаны где попадая – все до одного! – и начал строить. Долго ли, коротко ли – построил.

То были две огромные стены, вплетающиеся друг в друга, как два влюб-

ленных сердца; то была скульптура, похожая на огромную девушку; то были все звери и все люди, и все вещи – одновременно.

Закончив работу, взобрался Человек Без Имени на самый верх, чтобы посмотреть на свое изваяние и вдруг замер: за всё то время, пока он строил, лепил и колдовал, рядом со стеной-скульптурой вырос замок. Да такой красивый, каких Человек Без Имени в жизни не видывал. Удивился он, и даже рот разинул от удивления. А пока удивлялся, произошло ещё нечто.

На самый высокий балкон замка вышла то ли принцесса, то ли царевна... словом, девушка неопишуемой красоты. Она, конечно же, не была красивее Любви, точную копию которой слепил и выстроил Человек Без Имени. Нет же! Она просто была неповторимой. Но почему-то... плакала.

– Зачем ты плачешь? – спросил Человек Без Имени, когда почти перестал удивляться и вспомнил, что умеет разговаривать. И царевна-королевна, то есть девушка, ответила ему, что нельзя ей не плакать. Потому что она всё знает и всё умеет, и живёт так хорошо, что иному даже во сне не приснится, и только одно остаётся загадкой: Любовь. К ней сватались многие принцы и странствующие рыцари, но ни один из них не показал и не рассказал, кто такая Любовь и где она живёт.

И тут обрадовался Человек Без Имени, потому что встретил человека, которому может помочь. И сказал он девушке (или принцессе: зовите её, как хотите), – посмотри же, вот она: я построил памятник самой Любви!

– Но я ничего не вижу, кроме тебя и огромной стены, на которой ты стоишь.

– О, как же ты можешь ничего не видеть, если это и есть Она!.. – ответил он, но потом подумал: «Может Любовь можно увидеть только изнутри?», – и пригласил свою новую знакомую в гости.

Принцесса не умела становиться птицей (чему Человек Без Имени опять-таки удивился, ведь она говорила, будто умеет всё); девушка спустилась по винтовой лестнице, вышла из своего замка к самому подножию памятника, но только было дотронулась до одного из камней, как памятник Любви... развалился и привалил своего строителя.

Так вышло, что камень, к которому она прикоснулась, был самым первым и самым главным камнем изваяния.

Разозлилась девушка. И на себя, и на Человека Без Имени (думая, раз он разбился насмерть, значит, на него можно злиться), и на саму Любовь. Вернулась она домой, да и вышла замуж за первого встречного поперечного принца.

А Человек Без Имени долго лежал под камнями раздавленный в лепёшку, пока тоже не разозлился и не превратил все строительные камни в пепел. И остался от изваяния Любви лишь один – тот самый, первый – камень.

Тогда собрал Человек Без Имени все свои силы и приказал камню рассыпаться в мельчайшую пыль. И тот, испугавшись, и впрямь рассыпался, но не до конца: остался от камня камешек, точь-в-точь как алмаз величиной с детскую слезинку. Сколько не кричал на него человек, сколько его не заговаривал, камешек не поддавался колдовству. И тогда Человек Без Имени запла-

кал, понимая, наконец, в чем он бессилён.

А когда закончились слезы, открыл он глаза и увидел перед собой сказочный город, из которого вышла королева (а может, и президентша, кто их разберет... словом, женщина), которую он всегда любил, но забыл об этом. И вспомнил Человек Без Имени всё, что должен был вспомнить даже — имя своё; и поцеловал жену, и вошел с ней в замок, который всегда был его домом. Но перед тем собрал он оставшийся от изваяния пепел, смешал его с глиной и слепил Нового Человека.

ТАЙНА

медитативный рассказ

— Честно-честно, там никого не было, ни одного человечка, а только пирожные, мармелад...
— Знаю-знаю: "мармелад и шоколад, и много-много сладкой ваты!". Ах, неужели, в самом деле?.. — покачала головой Марта.

— Правда-правда!

— Тогда пойдем туда прямо сейчас.

И Марта взяла его за руку.

— Ну же... что ж ты встал, как вкопанный, показывай, где твой магазин.

— Нет. Так не получится.

— Ну ты и врун, Жорик! И гляньте на него: даже не покраснел. Не знала, что ты такой врун. Теперь я не приглашаю тебя в гости на бабушкин пирог.

Марта артистично, почти по-взрослому, отвернулась и пошла прочь.

Жорик грустно вздохнул: ему так нравилось, когда они держатся за руки! Но... ничего не поделаешь. Его лучшая подруга оказалась преобыкновеннейшей девчонкой. Такой же, как все.

— Ну и ладно! Раз не верите в мою Тайну, так и живите, как дураки, — громко сказал Жорик как бы вдогонку Марте, которая уж минуту как скрылась за входной дверью своего подъезда и, наверное, уже принялась вместе с бабушкой за её ужасно вкусный малиновый пирог.

А поведать кому-нибудь Тайну так и не перехотелось. Ведь если Её знает только один человек, ему не с кем играть. А когда не с кем играть, жизнь становится скучной и безынтересной, как у взрослых. Тут у Жоры зачесался нос, и в связи с этим, он сунул в ноздрю аж полпальца.

— Ты что это ругаешься, Георгий? — слышался голос за его спиной. Это была, конечно же, мама. Правда, говорила она так, как будто была не мамой, а воспитательницей из садика.

Она почему-то всегда возникала именно в тот момент, когда Жорик ковырялся в носу. Он даже экспериментировать пробовал: ковырнет раз-другой и мама тут как тут. А взрослые говорят, будто чудес на свете не бывает. Впрочем, что им удивляться: взрослые всегда врут.

Правда, на этот раз он вовсе не собирался вызывать маму — наоборот, очень хотелось еще часок-другой погулять. Это вышло у него непреднамеренно. Ох уж этот предательский нос!..

— А я и не ругаюсь. Просто они все глупые, — ответил сын.

— Что ж, раз все глупые, значит, пора домой.

— Да нет же, не все и не всегда. Только вот Марта...

— Так. Значит, Марта глупая. А вчера ты говорил, что она твой лучший друг.

— А я от неё и не отказываюсь. Она просто не верит в мою Тайну.

— Опять какие-то небылицы ей рассказывал?

— И совсем не небылицы...

— Жорик, покажи мне на пальцах, сколько тебе лет... Сколько? Ого, целых шесть! Какой же ты у меня взрослый!

Жора скривился:

– Это неправда. Я не взрослый, не хочу быть взрослым.

– Правда-правда! А взрослым не к лицу называть друг друга дураками. Пообещай мне, что с этих пор ты забудешь это нехорошее слово. Договорились?

И они ударили с мамой по рукам. Но Жора так и не перестал кривиться: мама опять говорила неправду, ведь взрослые – даже по телевизору – порой такие гадости произносят! А дурак – это не гадость, а в большинстве случаев, горькая правда.

– Ну что, рассказывай свою Тайну, – неожиданно сказала мама, и Жора понял, что какое-то мгновение назад он напрочь проговорился.

– Не-а, – лукаво молвил он, тут же юркнул в подъезд и торопливо поднялся по лестнице на второй этаж, где был его дом.

Дома ждал обед. Как всегда, такой сытный, что лопнуть можно.

– Я не буду кушать и сразу пойду спать, – торжественно заявил Жора, конечно же, очень рассчитывая, что мама этому безмерно обрадуется, потому что она всегда говорила, мол, дневной сон – это для него самое главное. Но...

– Георгий, – строго сказала мама, – я настаиваю!

– Ну зачем же мне есть эту невкусную курицу, а тем более, совсем невкусный суп, если... если...

– Если что?

– Понимаешь, мамочка... Ты только не сердись, но ТАМ столько пирожных и конфет!

– Что ты не сможешь попробовать все?!

– Угу, – кивнул Жора, поразившись маминой проницательности.

– Жорик, а где это "ТАМ"?

– В магазине, – ответил он, застенчиво шаркая ногой.

– В заправдышнем?.. Ну же, рассказывай. Все равно ты уже наполовину раскрыл свою Тайну. Честно-пречестно, я никому ее не выдам.

– Конечно же, в заправ... в настоящем, – горячо молвил Жора. Он уже умел читать и знал, что с взрослыми лучше говорить на их, взрослом, языке и по возможности избегать таких слов, как "заправдышный".

– В кондитерском, – уточнил он, – точнее, в кондитерском отделе такого большого-пребольшого магазина.

– Ты туда попадаешь, когда засыпаешь?

– Да, – снова кивнул Жорик и еще больше удивился маминой проницательности, – я делаю вот так... – Жора крепко зажмурил глаза и слегка сдвинул пальцами кончики ушей, – и улетаю – далеко-далеко. А потом раскрываю глаза, а кругом пирожные, конфеты...

– ...и много шоколада, – продолжила за него мама.

– Ага. Только на ушки давить надо сильно-сильно. И лежать надо в кровати, на спине.

– Понятно. Ну а теперь давай есть суп.

Жора после этих слов чуть было не заплакал.

– Ну, мама, так нечестно!

– Жорик, я тебе верю, правда. Но ты же знаешь, что сладкое едят на десерт, то есть после первого и второго.

В общем, первое пришлось съесть. Зато курицыну ножку удалось сократить почти наполовину. Жорка притворился, будто "так наелся, что больше не в силах глотать", и этот фокус, как ни странно, прошел без задоринки. В Жоркином животе осталось много места для сладостей, и он с радостью отправился в спальню, где лег в кровать, крепко зажмурил глаза, сильно сдавил кончики ушей и через мгновение очутился в заветном магазине.

В кондитерском отделе с момента его последнего визита, казалось, ничего не изменилось. Он глянул на полку слева, где было превеликое множество пирожных – безе, бисквитов, корзиночек с миндальным орехом и трубочек с розовой глазурью, – конечно же, очень вкусных, однако... все это он пробовал вчера. На полке справа были сплошные конфеты: шоколадные, мармеладные, леденцовые и даже шоколадно-мармеладно-леденцовые, но ими Жорка обедался позавчера.

Впереди полки не было, только лишь огромная – шириной на всю стену и высотой, как два папы – дверь из серебристого матового стекла. Что находится за ней, можно было только догадываться.

Однажды Жорик попытался ее открыть, но у него ничего не вышло. А все из-за того, что у двери не было ручки и даже чего-либо напоминавшего ручку. Ох, как это грустно, когда перед вами скользкая стеклянная дверь!

Как вдруг, Жорик увидел ЕЁ... Ах, как же он раньше не замечал эту БОЛЬШУЩУЮ КРАСНУЮ КНОПКУ, как же сразу не догадался, что ОНА существует! А ведь он уже играл в разные-пре разные компьютерные игры и знал, что у таких дверей обязательно есть секрет.

Через миг Жорка был у двери. С огромным трудом он дотянулся до кнопки.

И вот, внутри включился свет, дверь вздохнула всей своей пневматикой и плавно скользнула внутрь стены, а за нею обнаружилась большущая холодильная комната с мороженым.

Жорка не стал пробовать обычное мороженое в вафельных стаканчиках. Еще бы, среди этого тайного клада Деда Мороза он обнаружил такое мороженое, от одного вида которого все его недруги из вражеской песочницы в соседнем дворе попадали бы на то самое место, по которому мама с папой шлепают: Жорка держал в руках целый железнодорожный состав аж из пяти... минуточку... теперь – из четырех расписанных разноцветной глазурью вафельных вагончиков и – преогромного! – шоколадного паровоза.

Мороженое во всех вагончиках было разным. В последнем оказался пломбир с изюмом. В четвертом... секундочку, сейчас выясним... фруктовое с мандариновыми дольками. Жорка был почти готов разузнать, какого вкуса мороженое в третьем вагончике, как вдруг, услышал шум из соседнего отдела...

* * *

Нельзя сказать, что мама на все сто поверила Жорику. Но когда она помыла посуду и совершенно уставшая пошла вздремнуть в свою спальню, то вдруг поймала себя на мысли, что было бы совершенно неплохо, если бы то, о чем говорил сын, оказалось правдой. Она крепко зажмурила глаза, сдавила пальцами кончики ушей и тут же ощутила вибрацию по всему телу.

Руки, ноги и туловище задрожали так, будто через маму кто-то пропустил высоковольтный электрический ток. Ей стало ужасно страшно. "Откуда же он взялся, этот неестественный страх", – подумала она, и чуть было не прекратила эксперимент, но тут вспомнила, как радостно улыбался сын, когда поведывал ей Тайну. Эх, была не была! И мама сказала свое веское "нет" страху, и страх тут же невесть куда делся.

Она расслабилась и в сей же миг – телепортировалась.

Раскрыв глаза, мама обнаружила, что стоит посреди огромнейшего продуктового магазина. "The New York City BIG CENTER. Hypermarket", – прочла она на большущем голубом шаре, который крутился-вертелся прямо над ее головой.

"Как бы не упал!" – подумала мама. И тут же сообразила, что в отделе под вывеской "Sausages" она будет чувствовать себя куда безопаснее.

Мама уже не первый год посещала курсы английского, и знала, что New York City – это самый центральный в мире город, BIG CENTER – большой центр самого центрального города, Hypermarket – большой супермаркет, а Sausages... В общем, мама направилась в колбасно-сосисочный отдел самого большого и самого центрального в мире продуктового магазина.

В столице мира была ночь, магазин был закрыт, но свет горел практически в каждом отделе. Не теряя времени на раздумья, мама взяла продуктовую тележку и направилась к ближайшей товарной полке.

Она даже не заметила, как тележка наполнилась товарами до самого верху, хотя мама брала лишь самое необходимое, только из того расчета, чтоб Жора и папа наконец-то насытились и больше никогда не капризничали.

В тележку поместилось пять качалок разносортной колбасы, пара кружочков сыра "Рокфор", с десяток йогуртов, несколько упаковок мюсли, пара пакетов молока и столько же – кефира, индейка, два рулона туалетной бумаги повышенной мягкости, набор кухонной утвари... и все. Двум совсем скромным ведеркам с красной и черной икрой в тележке места не нашлось, но мама решила сейчас не жадничать, а вернуться за морепродуктами второй ходкой. Она зажмурила глаза, сдавила кончики ушей, и...

– Face the wall and don't move!¹ – услышала она приятный мужской голос, открыла глаза и увидела перед собой двух полицейских.

– О, ребята, вы американцы? Меня зовут мама, – сказала мама и протянула руку для рукопожатия.

– Is it the "R" word? – спросил один полицейский у другого, и почему-то закавычил букву R в воздухе лишь одной, левой рукой. Возможно потому, что в правой держал пистолет².

– Yes. The Russian mafia³, – кивнул другой.

– Нет-нет, не "рашн": Donbas forever! East Ukrainian... I from Ukraine... The "U" word⁴... – улыбнулась мама, "закавычивая" в воздухе букву U. И в этот момент полицейские надели на неё наручники.

В их маленьком провинциальном городке был только супермаркет. Папа в него совсем не ходил и даже дороги туда не знал. А вот мама с Жориком не раз бывали там на экскурсии.

Работала мама в научно-исследовательском институте, конструктором на полставки. Папа – в том же институте – начальником. Денег папе и особенно маме платили мало. И мама давно уже мечтала уехать в Америку, где научных работников о-го-го как ценят!

Что ж, придется теперь и папе телепортироваться в Нью-Йорк: кому, как ни ему маму из полиции вызволять. Заодно не в каком-то там супер, а в целом гипермаркете побывает.

– Главное, чтобы он поскорее с работы вернулся, – вздохнул Жорка, еще совсем немножко понаблюдал за тем, как маму в наручниках фотографируют вездесущие журналисты, что есть сил сдвинул пальцами нос и очутился в своей квартире.

Эх, на нос надо было давить, чтобы обратно вернуться!

Хотя... дело, в принципе, не в этом. Мама хоть и проницательная, но так, к сожалению, и не поняла, что Тайна ведь не в сладостях, и не в том, на что давить. Тайна в том, что все наши желания, какими бы невероятными они ни были, непременно сбываются.

Не поняла мама. Поймет ли папа?

1 “Не двигаться, лицом к стене!”

2 “Это слово на букву «R»?”. Культурные американцы, как правило, избегают ненормативной лексики. Если нехорошее слово все же необходимо употребить, они называют лишь его первую букву. А чтобы было понятно, что это не просто буква, закавычивают ее, как в разговоре с мамой. Например, вместо слова «негр» они говорят: “Слово на букву «н»”. Офицер хотел сказать что-то вроде: «Эта женщина русская?», но, видимо, боялся ее этим обидеть.

3 “Ты прав: русская мафия”.

4 “Да будет вечным Донбасс! Восточно-украинская [мафия]... Я из Украины... Нехорошее слово на букву «U»...”

ХУДОЖНИК СОЛНЦА

рассказ

Знаменитый художник Эдуард Риф. Прислушайтесь, как звучит: Эдуард – гордо и величественно, как раскат грома, Риф – лаконично и ослепительно, как вспышка молнии!

Хм. Еще бы! Я долго подбирал псевдоним. А то, что за имя: Паша! Глухое, как дырявый барабан. А фамилия еще хуже... Я не стану вам её называть, ладно? Зовите меня просто художник Риф. Можно без слова «знаменитый», ведь я прославлюсь лишь в будущем, возможно, только после смерти.

Но вы, наверное, спросите, почему сейчас мои картины никто не покупает и я нигде их не выставляю. Ну, во-первых, их у меня не так-то много, чтобы продавать направо и налево. Во-вторых, я твердо уверен, что должен оставаться вне поля зрения критиков. До времени. Пока не напишу ту самую Картину (заметьте, Картину с большой буквы!), которая завоюет мир. Все знаменитые художники в своё время были в андеграунде. Поверьте, мы очень терпеливые.

Меня разбудило солнце.

Оно меня не порадовало, а напротив, разозлило. Две недели на Старом хуторе почти беспрерывно лил дождь, а утром следующего дня мой отпуск заканчивался и ровно в шесть я должен был заступить на смену на сигаретной фабрике, где работал слесарем шестого разряда, несмотря на то что по призванию был художником.

Я понимаю, погода тоже имеет право на выражение чувств, но зачем же было мешать моему творчеству? Каждый вечер, перед тем как заснуть, я умолял небо прекратить дождь, но утром обнаруживал, что погода снова в депрессии.

Жил я в заброшенном доме. Несмотря на то, что окна в нем были без стекол, а крыша протекала в нескольких местах, здесь имелось самое главное – хорошо сохранившаяся русская печь. Так что с приготовлением пищи проблем у меня не возникало; спал я на великолепной лежанке, мог погреться и просушить одежду, когда возвращался домой после многочасовых прогулок по лесу весь до нитки промокший, словом, жил я, как Емеля из сказки. Жаль только, что по Щучьему велению Картину не напишешь.

Я зевнул, потянулся, как кот, достал из рюкзака, что болтался на гвоздике над моею головой, помятую армейскую флягу и хлебнул глоток воды... Да, пора было выбираться из постели и идти к ручью: вода во фляге испортилась и была гадкой на вкус. Я набрал её из мутного колодца во дворе, как только сюда приехал, но когда в двух шагах от дома обнаружил ручей, о фляге как-то забыл, и воду из неё так ни разу и не попробовал. Минутку... Это, конечно, покажется странным, но, несмотря на отвратительный вкус, мутная водица прояснила мой ум.

Я слез с печи, подошел к окну, улыбнулся солнцу и внезапно будто прозрел от его ослепительного света. Я понял, художнику нужно не время, а вдохновение.

Кисти и краски, холсты и мольберт – все это лежало в багажнике моего

автомобиля. А что, скажите, что еще нужно мастеру, чтобы сотворить великое полотно?!

И тут я подумал: не поеду! Никуда не поеду. Останусь здесь. Посажу в огороде картошку, разведу коров и кур, отремонтирую дом и буду жить-поживать да славы наживать. Чихал я на сигаретную фабрику!

Я все же сходил к ручью, набрал свежей воды, умылся. А когда вернулся, меня уже ничто не могло остановить.

И я глянул солнцу в глаза: задержись, мгновение, остановись, миг!..

Меня разбудило солнце.

Оно было таким же прекрасным, как на сотворенной мною Картине... Но как же это я оставил её во дворе, не смекнув, что снова мог пойти дождь? Эх, растяпа! Слава Богу, что день снова выдался погожим.

Я уложил шедевр в салон своего «Запорожца» и поехал в город.

Стоп-стоп, не надо меня упрекать, я, конечно же, не забыл о своем твердом решении поселиться на хуторе. Но, согласитесь, надо же было появиться на работе, чтобы подать заявление об уходе!

До города было не больше тридцати километров, но я добрался до него лишь через сорок минут. Это невероятно, но прямо перед моим носом на дороге будто из-под земли возникали другие машины, и несколько раз я чуть было не угодил в аварию. Водители знают, что иногда, особенно когда переутомишься, такие «чудеса» случаются. Неужто я перетрудился? Хм, бывает же!..

Дома я тщательно побрился и переоделся. Невероятно, но оказалось, что у меня два абсолютно одинаковых костюма и галстука, никогда раньше этого не замечал. Однако самое странное было впереди: сбрив бороду, я увидел в зеркале не долговязого и тощего шатена с умными глазами и отпечатком романтичности на лице – таким я был раньше, – но гордого, способного на поступки мужчину.

На фабрику я поехал на машине, правда, несмотря на пробудившееся во мне осознание собственного достоинства, все теми же черепашьими темпами.

Вскоре я понял, что моя спешка ни к чему бы не привела: я не застал начальника в его кабинете. Пришлось коротать время в мастерской. Мои бывшие коллеги, слесари, как всегда до получения нарядов, забивали в «Козла». Я их поприветствовал, но никто даже не потрудился посмотреть в мою сторону. Ну и ладно. Я не люблю домино (хотя это и не давало им повода не здороваться), чтение мне кажется более увлекательной заменой безделью. «Рыба», – воскликнул кто-то, и доминошники начали новую игру.

Я сгреб в одну кипу разбросанные по всей мастерской газеты. Интересно было узнать, что же произошло в культурной жизни за минувшие две недели.

«Рыба», – повторил с прежней интонацией тот же голос.

«Известный кинорежиссер Артур Гураль приступил к съемкам новой полнометражной кинокартины «Энио»...», – кричал один из анонсов. «Может мне переквалифицироваться в киношники?» – подумал я, перелистывая стра-

ницы. У меня было несколько дельных киноидей... «Главная героиня – студентка, которая любит ролевые игры. Вооружившись мечом и облачившись в доспехи, она отыгрывает роль Елены Прекрасной в полевой игре...

«Рыба», – сказали за игровым столом, и в глубине души я злорадно усмехнулся: ничья третий раз подряд – это было действительно смешно.

«...Существа из нижних слоев захватывают высокие руководящие посты, но люди и в мыслях не допускают, что ими руководит нечисть, выбравшаяся из своего тесного подземного мирка на поверхность земли в маленьком провинциальном городе...»

«Рыба...»

«...Нечистые грозят распространиться по всей планете. Кто же их остановит...»

«Рыба...»

Ну, это уже слишком. Выкрики, шум – это же невыносимо! Чертова «рыба», чертов «Козел», чертово домино!.. Я демонстративно швырнул газеты в сторону игроков и гордо вышел в коридор. И вовремя: навстречу по коридору шел начальник.

Я поправил галстук, проверил на месте ли заявление – оно лежало, как и положено, во внутреннем кармане пиджака...

«Рыба...»

...Почти не обратил внимания на всякие там возгласы и твердым шагом пошел навстречу шефу. Я был уверен, что больше никогда не переступлю порог мастерской и было уж раскрыл рот, чтобы сказать об этом начальнику (в мягкой манере, разумеется), как вдруг, он растворился в воздухе.

Мой начальник – человек уравновешенный, игры в прятки не в его стиле. Тем не менее – факт всегда остается фактом – он исчез.

Я сильно сдавил пальцами виски, крепко зажмурил глаза, распахнул... Прошло некоторое время, пока начальник снова не появился...

«Рыба...»

...и снова исчез. И тут я понял, откуда брались автомобили на дороге и почему у меня два костюма, и почему ничья в домино постоянно повторяется: время остановилось! Точнее, оно заиклилось в пределах нескольких секунд, заело, как заезженная виниловая пластинка.

Мой шеф в очередной раз исчез; появился; «рыба», – донеслось из мастерской; «рыба-рыба-рыба...» – чередой бесконечных повторений откликнулось эхо из глубины моего сознания. «Это, наверно, какая-то игра», – робко прошептал мой внутренний голос. Лучше бы он сказал, что я сошел с ума.

Да, это действительно была большая, бесконечная и страшная игра; игра, в которой нет целей и некуда идти. Не к кому идти! Игра, в которой ничто по-настоящему не движется, никто не рождается и не умирает, потому что смерть правилами не предусмотрена; игра, которую затеяла со мной мертвая вечность, пустота. Наверное, именно так выглядит бездна!

И тут я почувствовал удар в позвоночник. Я упал на колени, с трудом обернулся и, конечно же, никого не нашел у себя за спиной. Удар по спине, в живот, по глазам... Я взревел от боли, но эта боль была рождена осознани-

ем того, что люди уже никогда меня не услышат, не увидят, и не почувствуют. И в моем зверином реве прозвучало усиленное в тысячи крат мое человеческое несовершенство: все, что меня окружало было смертным, а я — вечным.

Мое сознание охватил мрак. В панике я бросился прочь от мертвой вечности, как зверь, спасающийся от лесного пожара и ищущий место, где нет огня...

Меня разбудило солнце.

Вечное солнце. Оно показалось мне черным.

По аллеям прогуливались люди. Туда-сюда шнырял полицейский патруль. Рядом со мной на траве маленький мальчик играл с собакой. Я всегда любил детей. Но этот ребенок был некрасивым. Во всей моей длинной вчерашней жизни я ни разу не встречал некрасивых детей.

Я лежал посреди центрального городского парка. На мне уже не было ни пиджака, ни галстука. Рубаха и брюки были в болотной грязи, от меня исходил непереносимый зловонный запах. Интересно, как это я умудрился отыскать в моем городе болото? Я не помнил. Нужно было привести себя в порядок, и я поспешил принять «душ» под фонтаном (всю жизнь об этом мечтал).

Фонтан «охраняли» здоровенные львы. Будь они настоящими львами, а не медными скульптурами, они бы все равно не учуяли меня. Я смело разделся догола и стал под фонтан, но тут услышал детский крик:

— Мамуля, смотри, он тонет!

Я, наверное, покраснел, да?..

Ребенку было лет семь. Он показывал пальцем в мою сторону. Мамуля тоже смотрела вроде как на меня. Это была молодая, весьма симпатичная женщина.

— Что ж, сынок, — молвила она и присела на корточки, чтобы быть одного роста с сыном, — на корабле очевидно произошла катастрофа. Наверное, кораблю не повезло с капитаном.

— Он — пьяница! — заключил мальчик.

— Вероятно, ты прав, — согласилась мама.

— Он такой же, как дядя Костик? — полюбопытствовало дитя.

— Ох уж этот твой любимый дядюшка... — вздохнула родительница.

Я обернулся. За моей спиной плавал опрокинутый на бок импровизированный корабль в виде куска пенопласта с мачтой из спички и парусом из конфетной обертки.

И тут я решил сотворить чудо. Должны же быть хоть какие-то привилегии у невидимки! Вот первая — творить чудеса. Я подогнал «судно» к себе поближе и принялся ремонтировать его парусное вооружение, как вдруг, возник другой парусник, абсолютная копия того, что был у меня в руках. Гонимый попутным ветром, он резво рассекал опасные волны фонтана. Я разинул рот от удивления и долго пытался уразуметь, в чем же суть этого «фокуса», пока кораблекрушение не повторилось.

Все было просто. Похищенный мною предмет в тот же миг заменялся новым. Мертвый мир восстанавливал справедливость. Мертвым он был только лишь для меня. Такое положение вещей вдохновляло. Тут же ко мне вернулось чувство голода. И вообще, я ощутил себя нормальным человеком. Мой мозг начал генерировать идеи. Я обрел надежду на возвращение.

Я выбрался из фонтана, натянул брюки, оставшуюся одежду выбросил в урну для мусора и – жизнерадостный и решительный – твердой походкой зашагал в направлении ближайшего торгового центра.

Джинсы, легкие летние туфли и рубаху подходящей расцветки я подобрал себе быстро и без проблем, а вот с предметами профессионального труда дело обстояло сложнее.

Сперва я запасся красками. Думаю, на год мне бы их вполне хватило. Потом вспомнил про рамочки и подрамники. Особенно важным было найти хорошую рамку для моей гениальной Картины. Потом я увидел на полке картон (кстати, очень высокого качества) холст и грунтовку для него...

Я чувствовал себя ребенком, которому подарили игрушки всего мира. Мои руки от счастья немного дрожали.

В общем, взгромоздил я на себя прилично, еле из отдела вышел. И тут же все бросил: идиот, кретин – я ж теперь вечный! Заходи куда захочешь, бери, что пожелаешь и когда тебе это заблагорассудится. Сейчас ведь не это главное!.. Съесть бы чего-то.

Я немного понаблюдал из окна универсама за происходящим на площади. Засек время. Получилось, этот мир живет ровно сто тридцать пять секунд. И из супермаркета направился к автостоянке. Как только я там оказался, появилась серебристая спортивная машина.

Хозяин запер автомобиль. Я очень вежливо изъясился из его волосатых рук ключи с пультом сигнализации и через считанные секунды был уже за рулем. Я запустил двигатель и отъехал чуть в сторону. Эпизод с автомобилем повторился. Теперь уже без моего участия. На стоянке припарковался тот же автомобиль; вышел тот же владелец; он запер машину и преспокойно пошел в магазин. Я ликовал: не будучи каким-то там миллиардером, я мог иметь все, что мне заблагорассудится – дачи, автомобили, яхты, любое имущество.

Сразу же, как начался очередной цикл, я нажал на педаль газа и поехал к следующему пункту своей «экскурсии» – в ресторан «Греза». Две минуты пятнадцать секунд я мог смело выжимать из двигателя всю его многолошадную мощь и не опасаться, что в меня кто-то врежется.

Вот уже пять лет я копил деньги на новый автомобиль. Мне порядком надоел прихотливый «Запорожец», который достался мне когда-то в наследство от бабушки. К чему мне эти деньги теперь?..

Я проехал приблизительно половину пути от магазина до ресторана, и только тогда сообразил, что ошибся в своих расчетах и что в момент, когда кончится мое время и истекнут эти злосчастные две с четвертью минуты, я могу попасть в аварию. Я не знал прошлого и потому не мог знать будущего. Когда закончится очередной цикл, люди, автомобили, вообще – все движущееся

щееся, в один миг возникнут в неизвестных мне точках пространства. Возможно — под колесами моей машины, возможно — в этом вот салоне. Когда я двигался пешком, из-за малых скоростей столкновения были маловероятны. Теперь же я запросто мог сбить человека. Я не успевал возвратиться к универмагу, где все изучил. До конца цикла оставалось двадцать пять секунд.

Я не мог остановиться на тротуаре или нырнуть в какой-нибудь двор: людные места. С быстродействием компьютера я перебирал в памяти всю известную мне информацию об окружающих меня улицах, площадях, подворотнях. Тщетно. Я обнаружил, что свой родной город я знаю не лучше, чем африканские джунгли.

Выручил меня газонокосильщик. Его адская машина имела такой устрашающий вид и делала столько шума, что взрослые и дети старались держаться от нее подальше. Он косил траву рядом с дорогой. Оставалась какая-то пара секунд до конца цикла. Я выскочил на бордюр на приличной скорости и притормозил в паре метров от газонокосильщика, на некошеной траве. Я перевел дух. На этот раз все обошлось. Оставшиеся триста-четыре метра до ресторана я преодолел пешком. С этих пор я зарекся пользоваться в этом мире личным транспортом.

В ресторане меня накормили досыта. Точнее, я сам себя накормил. Не мог же я сесть за столик и ждать официанта.

Я сразу пошел на кухню и выбрал себе из меню все, что полагается: несколько весьма внушительных и аппетитных люля-кебаб, много салатов и десерт, бутылку «Муската “Черного камня”» сорокалетней выдержки... Пообедав, я сказал всем спасибо и проверил, все ли мною съеденное возвратилось на кухню. Результат оказался положительным: еда и вино выглядели нетронутыми, а я был сыт.

Вино я решил взять с собой. Бутылку с его остатками я закупорил и собрался было уходить, как вдруг, послышался шум мотора. Звук этот был лишним.

Можно было не подходить к окну и не проверять остроту своего слуха. Но я подошел. И проверил.

Перед самым входом в «Грезу» остановился роскошный «Мерседес» бизнес-класса. Элегантно открылась дверца и из машины выкарабкался маленький бородатый старикашка поразительно гадкой внешности. Он был одет в длинный черный плащ... Изначальный ярко-синий цвет плаща кое-где еще пробивался сквозь слой вековой грязи, но такие участки были малоприметными. Поэтому, правильнее будет считать, что плащ был черным.

Старикашка был обут на босу ногу в кроссовки того же цвета, а в руках, будто фокусник, вертел небольшую трость. Голову его венчала широкополая шляпа — единственная не замусоленная вещь из всего его гардероба. Убор этот, по всей видимости, был шит для какого-нибудь придворного француза во времена последних Людовиков. Где старикашка отыскал эту шляпу было любопытной загадкой. Но я решил его об этом не спрашивать. Ведь старик явно думает, что он один в этом мире. И ему, кажется, нравится быть одно-

му: вон как улыбается. Мысль о конкуренции может его разозлить. Еще не известно, что у него за трость такая. Может там внутри – кинжал.

Старикашка запер «Мерседес» и направился в ресторан.

Запер. На ключ!

Значит, я ошибся: он знает о моем существовании. Или здесь, кроме нас двоих, живут и здравствуют другие люди? Множество людей. Что ж, вполне может быть. Я ведь в этом мире чуть больше суток. Я, как младенец, еще ничего не ведаю и ни к чему не приспособлен. Меня здесь ждут опасности, испытания. Чтобы заработать право на существование в каком-либо новом для тебя мире, нужно выдержать сотни, тысячи испытаний. Несколько уроков я уже получил. А сколько их ждало меня впереди!

Скрипнула входная дверь. Это старикашка зашел в зал ресторана. Я спрятался за штору. Стены и потолок зала были облеплены зеркалами. Сплошь зеркала. Наблюдать за старикашкой было нетрудно. По логике, он должен был пойти на кухню и выбрать свои любимые блюда. Тогда бы я тихо, как мышь, прошмыгнул к выходу. Но нет же, он поступил иначе. Проще поступил, грязный старичишка.

Он сразу уселся за стол, отобрал у одного из посетителей тарелку с недоеденным супом и принялся суп этот доедать. Меня чуть не стошнило, когда до меня дошел запах от его одежды.

О, это был не просто запах! Это невыносимое зловоние было мне хорошо знакомо: пахло той самой болотной гнилью! Я прикрыл нос и рот ладонью и другой рукой потянулся к рычажку, запирающему окно. Мне нужен был воздух. Обыкновенный пыльный городской воздух, которым можно было дышать.

Я практически бесшумно приоткрыл окно и сделал полный вдох. На все легкие. А потом посмотрел вниз. Совершенно случайно. Посмотрел и... чуть не вывалился из окна: в старикашкином «Мерседесе» был человек. Девушка лет восемнадцати. Нет, она не сидела в салоне. Она стояла. В салоне и... на земле одновременно. Она вросла в старикашкин автомобиль. Она была мертва.

Это было невыносимое зрелище. И я произнес громкое гортанное «уа».

Старикашка тут же вскочил и подбежал к окну. Он одернул штору и бросил короткий взгляд на меня, потом – на свою машину. И снова посмотрел прямо мне в глаза. В его взгляде не было и доли удивления. Он не был обескуражен, как я. Он лишь спокойно сказал:

– А, это ты, Шпонка-Риф? Ты что ли в прятки со мной играешь, хм. Давай-ка, садись за стол. Неплохой повод выпить на брудершафт... Да что это с тобой, Шпонка-Риф? Иль ты из-за той девки в моем «Мерсе» такой бледный?

Не узнаю тебя. Экое зрелище! Ты же знаешь, – эта девка, как и все другие люди, ходячий мертвец.

Для иллюстрации старикашка пнул в плечо своего соседа по столику. Тот упал и помер. Через какое-то время сосед снова появился. На прежнем месте. Еще один сосед: тело первого так и осталось лежать у стола. Старикашка почему-то печально вздохнул, а потом отобрал у нового соседа новую тарел-

ку с супом. Не наелся, значит...

– Ну, хорошо, если ты настаиваешь, я отгоню машину куда-нибудь в сторону, и твоя барышня снова появится. Целая и невредимая... Эй, Шпонка-Риф, да что ж с тобой, ты куда?..

Вы, конечно же, догадались: я выбрал момент, когда старикашка отвернулся и... что есть сил, рванул. Эх, ноги мои ноги! Страшно мне стало. А когда мне страшно, я очень хорошо бегаю.

Долго я бежал. Боялся, что старикашка за мной гонится. Ведь, несмотря на то, что он старый, догнал бы, как пить дать догнал. Ведь он никто иной, как колдун. А то откуда бы ему фамилию мою знать – Шпонка – и псевдоним. Вот и получается: Шпонка-Риф... А может он сатана?

Я добежал до парадного подъезда какого-то учреждения. «Институт исследования занятости населения», – прочел я вывеску. И понял: здесь мое спасение. Здесь, в этом здоровенном здании, очень напоминающем карака-тицу, колдун или дьявол, или кто он там, словом, старикашка миллион часов может меня искать – не найдет. Вот зайду в какой-то кабинет и пропаду навечно – ищи-свищи. Да, скрываться здесь от кого-нибудь лучше, чем в лабиринте.

Дурак я все-таки. Ох, дурак. Сразу ведь можно было догадаться, что старик этот нечистый. По одежде. И несет от него, будто он двести лет не мылся. Двести лет? Точно колдун! Так это же он, он время остановил! А на меня это не подействовало. Я Картину писал во время его колдовства. Теперь же он и меня заколдует. Ох, плохи мои дела. Небось, старикашка только потому за мной не погнался, что нет у него необходимости за жертвами своими по городу бегать. Вот доест он суп, вернется домой – в свою колдовскую каморку – скажет заклинание и... пропал Шпонка-Риф, остановилось его драгоценное время. Что же делать? А вот что. Рисовать. Красками. Углями. Огрызками карандашей. Рисовать. Творить. Нет у старикашки власти над творящими. Не в силах он заколдовать художника! Ну, держись, старикашка, держись, демон проклятый, держись, сатана!..

И все-таки, почему он назвал меня Шпонкой-Рифом? Ведь мое настоящее имя Павел Шпонка и мой псевдоним Эдуард Риф – это, как небо и земля, они не могут сочетаться. Да еще – через черточку. Странно все это.

Меня разбудило солнце. Едва проснувшись, я продолжил рисовать: портреты людей и виды из окна, с натуры и по памяти, ручками, фломастерами, карандашами, огрызками карандашей. Я должен был противостоять колдуну. Хотя бы для того, чтобы выиграть время. Вот колдонет он пару раз, пока я рисую. Глядь, ничего не выходит. Плюнет и не станет попусту меня преследовать. А я за это время, будьте уверены, найду другие средства себя защитить. Более надежные, чем рисование.

Однако чтобы защитить себя, нужно иметь хоть какую-нибудь информацию о колдуне. Кто он: по профессии, по интересам? Ха! Я ведь даже не знаю, как его зовут. Когда он просыпается, когда ложится спать. Может, не спит вообще? Сколько ему лет. Когда он завтракает, обедает, ужинает; ест ли он

кроме чужого супа еще что-нибудь? Судя по тому, какой он ленивый, его обиталище где-то неподалеку от ресторана. Где именно и что это: квартира, частный особняк или все-таки каморка без окон?.. Мало я знаю о старикашке. Ох, как мало! А значит, плохи мои дела. Ужасно плохи.

После встречи со старикашкой я стал держаться ближе к людям. Нередко я просто-таки преследовал их. Увижу интересного человека и – за ним. В данный момент я находился в кабинете начальника отдела социологии. К нему по вопросу устройства на работу зашла бывшая студентка, а теперь – «молодой специалист-социолог». Другой бы сказал, что это не очень красивая девушка. Фигурой, да, хороша. А вот черты лица неправильные. К тому же – рыжая. Вот и не замужем.

Свои документы она на стол начальника аккуратно в папочке положила. Я эти документы изъял. Получил копию, можно сказать. Диплом. Направление. Паспорт. Инна Бережко. Точно: не замужем.

Наивной она была. Ручками своими застенчиво колени прикрывала. Эх, посмотрела бы она на ухмылку этого старпера. Он спиной к ней стоял. Кофе у окна готовил. И ухмылялся. Не нужны ему были Иннины коленки. Этот кот блудун вовсе не на коленки ее зарился. Ох, не работать ей в отделе социологии. Потому что, блудуну надо будет покориться. А она не покорится!

Я отобрал у Инниного начальника чашечку с кофе, сербнул пару раз. Хороший кофе приготовил блудун. Не одну, видать, девчонку таким кофе уже попотчевал. Но я кофе пил, а сам рисовал, карандаша от бумаги не отрывая. Ведь нельзя мне было останавливаться.

Но эту сцену кабинетную я решил все же не запечатлеть. Не лежит у меня душа к жанровым сценам. Я Инну рисовал. Портрет ее. Понравилась мне Инна Бережко. Глазами понравилась. Они у нее были не такие, как у всех. Настоящий взгляд, как в настоящей жизни.

Рисовал я, рисовал, а потом глянул в эти глаза в очередной раз и не смог больше от них оторваться. Смотрел в эту бездну, в синеву эту бесконечную и не мог понять, что со мной происходит. А в воображении разные картинки возникали. Яркие, красочные: море, парусник, ветер – сильный, порывистый, свежий ветер. Холодный, но приятный.

Не знаю, как все произошло. По каким законам мира этого заколдованного, но в какой-то момент, выронил я из рук карандаш. И лист бумаги с недорисованным портретом на пол упал. Потому что лицо Инны Бережко к моему лицу приблизилось и она меня поцеловала.

И тут же к ней стыд ее вернулся. И она, застенчивая и покрасневшая от стыда, кротко вниз глаза свои опустила. Хотела и вовсе убежать. Да только успел я ее обнять и к себе прижал: что же ты краснеешь зря, счастье ты мое синеглазое? Никуда я тебя теперь не отпущу. Мое ты. Мое счастье. На всю жизнь.

И вдруг я пришел в себя. Я обнимал девушку, которая только что сидела на стуле. Инну Бережко. Стул остался пустым. Она не просто ожила. Я ее каким-то образом оживил. Я украл ее у мертвой вечности.

Инна подняла глаза и снова посмотрела на меня. Казалось, мы знаем друг

друга целое тысячелетие. Не сразу она поняла, что же на самом деле происходит.

Нас разбудило солнце. Мы лежали в парке на траве. Мы были похожи на Адама и Еву. Мы были счастливы и, казалось, никто и ничто не в силах это счастье разрушить. И я рассказал Инне свою историю, как рассказал вам.

Она долго не могла во все это поверить. Это очень трудно – поверить в небыль. Тогда я показал ей людей. Мы прошлись по улицам города, по аллеям парка. И когда она наконец поняла, что все мои слова правда, что мы одни в этом мире – вы же согласны, старикашка не в счет – она просто заплакала.

Но я ее уверил, что все прекрасно, все хорошо. Ведь мы с ней вдвоем можем сесть на какую-нибудь яхту и уплыть далеко-далеко, за горизонт. Там, за горизонтом, мы наверняка найдем какой-нибудь необитаемый остров. Мы станем жить вдвоем, вместе, среди кокосовых и банановых пальм, как в раю. До самой старости. А еще я могу запросто научиться водить самолет. Небольшой, конечно же. И тогда мы не уплывем, но улетим. Далеко-далеко. В неизвестные края...

– Почему ты не хочешь оживить всех, как оживил меня? – спросила Инна, когда перестала плакать. Мы шли с ней тихой тропинкою парка. Я выбрал ее намеренно: сейчас Инна не должна была видеть людей, ведь они ее расстраивали. А здесь были только птицы. Много птиц. И мы слушали, как они поют свои песни.

Вот укромно на ветке уместился скворец. Я никогда не видел скворца так близко. Он выводил веселую трель. Я взял скворца в руки. И он умер. Но появился новый скворец и продолжил петь. Инна с ужасом смотрела на меня. Я держал в руках мертвую птицу.

– Видишь, я не могу оживить всех, – сказал я ей. – Я не люблю скворца. Мне все равно, живой он или мертвый. Мне нравится его песня, но я его не люблю. Я знаю, это очень злая правда.

Инна посмотрела мне в глаза, и я понял: продолжать нельзя. Слов достаточно. Она все чувствует и все понимает. Но я не удержался.

– А тебя я люблю, поэтому и оживил, – произнес. Я хотел обнять ее. Так же крепко, как в первый раз. Ее губы было коснулись моих. И вдруг, она оттолкнула меня. Сильно. Отчаянно. И снова на глазах ее появились слезы.

– Нет. Не оживил, а убил. Это мертвый мир. Здесь все мертво движется.

Она бросилась бежать. Я не сразу сообразил, что произошло, а когда ринулся за ней вдогонку, было уже поздно. Она выбежала на проспект и на остановке вскочила в трамвай.

Его двери захлопнулись прямо перед моим носом. Трамвай тронулся, и я погнался за ним. Долго бежал, пока он не исчез. Пока не растворился в воздухе. Инна исчезла вместе с ним.

Я давно уже сбился со счета, сколько раз меня разбудило солнце.

После нашего расставания с Инной я вернулся жить в родную квартиру.

Каждый раз после пробуждения я спешно завтракал, одевал свой вечно новый костюм, повязывал галстук, начисто брился, подмигивая своему отражению в зеркале и, говоря ему что-то вроде «может быть сегодня нам повезет!», отправлялся на поиски старикашки.

Я больше не боялся колдуна. Напротив, теперь я стал искать с ним встречи. Если я сумел оживить человека, значит, мы были со старикашкой на равных. Я несколько раз заходил в ресторан «Греза», надеясь встретить его там. У ресторана уже не было «Мерседеса». Старик убрал машину, как и обещал. Каким образом ему это удалось, понятия не имею. Девушка, которую я видел в машине мертвой, теперь была жива. В момент скачка времени она появлялась, как по мановению волшебной палочки, у входа в «Грезу», и грациозной походкой дефилировала по тротуару. Я был очень рад видеть ее живой. Пусть жизнь ее длилась всего две минуты с четвертью. Пусть так. Это все же намного лучше, чем торчать из «Мерседеса».

В конце концов нашел я и самого старикашку. Жил он в доме напротив «Грезы», в роскошной пятикомнатной квартире, которая сплошь была завалена разными вещами. Были там помимо хлама и великие ценности: картины Леонардо да Винчи, Рафаэля и Пикассо, статуэтки и амфоры из античной Греции, а так же древние китайские вазы. Но музейные ценности с некоторых пор меня не интересовали.

Старикашка ходил на различные работы: на киностудии он снимал кино, на телевидении – мыльные оперы; проектировал в институтах дома, дворцы, башни, компьютеры, экскаваторы, корабли; выпускал миллионными тиражами газеты и журналы, книги. Иногда он ездил на космодром и запускал в космос спутники. Я же думал, как поскорее выбраться из мертвого мира.

После экскурсии по квартире он усадил меня за обеденный стол. Да за какой стол! Форель, ветчина, жареный поросенок и утка в яблоках, устрицы... Я в жизни еще не пробовал устриц. Изумительный вкус!

– Да ты с вином, с вином! – посмеивался старикашка. А сам кушал суп.

– Люблю суп. И для желудка хорошо, – повторял он и ел, ел, ел...

– А коньяку не желаете? За компанию, – спрашивал его я.

– Вообще-то я редко и мало пью. Но с тобой, Шпонка-Риф, выпью.

– А помните, как мы с вами познакомились? – задал я свой каверзный вопрос, но через мгновение об этом пожалел.

– Я то помню, Шпонка. А вот ты, помнишь ли нашу встречу ты, а?.. Ты тогда чуть под машину не угодил. Бежал по улице с вот такими глазищами. Прямо по шоссе. По разделяющей. Я тебя подобрал, коньяком отпоил. Ну и сам до чертиков напился. Еще бы: я же живых людей отродясь не видывал. Думал, один я во вселенной такой уродец. Оказалось, что не один. Есть еще Паша Шпонка... Да, а с чего это ты тогда, в «Грезе», от меня, как от негодяя какого-то убежал?

Ответить на этот вопрос было трудно. Ну что мне было сказать, что я боюсь его, колдуна? Но теперь-то я его не боялся!

– Да спешил я. Очень сильно спешил, – стал я врать.

– Странный ты, Паша, человек. Куда ты мог спешить, если вокруг всегда все по-прежнему? Темнишь, – он махнул рукой, – Ну... темни.

Обиделся. Но я решил продолжить разговор.

– А где это мы с тобой болото нашли?

– Ну, наконец, Паша, ты перешел на «ты»... А болото... Не совсем болото. Ты в речку купаться полез. В нашу. В городскую. Ну и я за тобою вслед. Оба – прямо в одежде – в сточную канаву. Речка та Вонючкой зовется. В любом городе есть такие речки. Я об этом статью в газете совсем недавно читал.

А потом мы с тобой, Паша, на митинг пошли. На политический. Ты о национальной культуре речь толкнуть решил.

Тебя, естественно, никто не слушал. Там, на митинге, другой оратор выступал. Ты ему промеж глаз кулаком и саданул. Он рухнул. Снова возник. Ты ему еще раз промеж глаз. Он снова появился. Я тебе стал помогать... Потом мы на депутатов переключились. Потом – на полицейских. Там много людей было.

Помнишь: я – апперкот, ты – хук левой, хук правой; ногой в живот... Через час мы гору трупов навалили у трибуны. Что сказать, «повеселились»... Давай лучше выпьем.

– Давай, – согласился я. – На брудершафт... Тебя как зовут то? Запомнил...

Старикашка в ответ побагровел и уронил рюмку с коньяком на пол.

– То есть как это: как зовут? Ну ты и сволочь, Шпонка-Риф. Это что же получается? Я к тебе, значит, со всей душой, а ты как зовут меня спрашиваешь?

Все, – подумал я, – сейчас колдонет. Останутся от меня рожки да ножки. А он, вместо того, чтоб колдовать, превратить меня во что-нибудь этакое, в мышь, например, сел на стул, снял свою французскую шляпу и... замолчал.

– Ты чего, эй! – стал я теребить его за плечо, – ну прости меня, идиота.

А он руку мою недовольно отверг и говорит:

– Риф мое имя. Эдуард Риф.

– Ты... Ты что врешь то? Это ведь я Риф. Это меня зовут Эдуард!.. – вскипел я.

Сам ты врешь. Это всего-навсего твой псевдоним. А я – по фамилии Риф. Эдик. Эдик Риф. Но все это мелочи. Ты внимательно посмотри на меня.

“С чего это вдруг мне на тебя смотреть?” – подумал я.

– Ну, что, не узнаешь? Мы с тобой двойники. Только ты... без бороды. А бороду приклеить – в точности я.

У меня закружилась голова, комната поплыла в тумане. Ноги мои подкосились, и я рухнул на стул: я узнал его, то есть – себя!

Я словно прошел через зеркало и встал рядом со своим отражением: со старикашкой по имени Эдуард Риф. Я – тот, кто написал гениальную картину и завладел временем. Я творец, я создатель, я – бог этого мира. А старикашка – червь, дьявол. Это ведь очень удобно – иметь старикашку-колдуна,

виновного во всех твоих неудачах и слабостях. Это он, колдун, украл у тебя твои счастье и любовь, все у тебя украл!

Я знал, что я добрый, красивый, благородный, но не понимал, что могу становиться жадным, тщедушным и злым в застывшем мире своих грез. Прости меня, Риф, теперь я все исправлю. Я приму тебя – свою некрасивую половину и стану самим собой.

Я вышел из-за стола, расправил плечи:

– Извини, старик. У меня есть дело, я спешу.

А Риф и не возражал. Он только лишь поднял на меня глаза и улыбнулся. Да-да, он мне улыбнулся.

– Конечно, Паша, раз ты так решил, надо идти. Прощай.

Он меня уже не называл Шпонкой-Рифом. И это правильно. Но я не стал с ним прощаться. Я сказал «до свидания».

Мне понадобилось не слишком много времени, чтобы дойти до автостоянки у проходной сигаретной фабрики, где я оставил свой «Запорожец». Я достал из салона Картину – какой же все-таки прекрасной она была, жаль, что ее никто так никогда и не увидит! – достал из багажника топливную канистру, облил свой шедевр бензином и поджог.

Моя Картина занялась пламенем. Солнце на ней стало просто огромным. Его жадные протуберанцы начали меня обжигать, и я понял, что иду в ад. Там, в чреве светила, я проведу вечность, и неизвестно, выберется ли моя душа из преисподней.

Я мог все остановить перед тем, как сказал «да» своему солнцу.

До того момента, как меня снова разбудило солнце, минула целая вечность. И все же, следующий день наступил.

Я нашел Инну Бережко в том же институте. Она устроилась на работу. Нет, не в отдел социологии, в отдел статистики. Конечно же, она вспомнила нашу с ней встречу и сказала, что будет помнить её всю жизнь. Вскоре мы поженились.

Я по-прежнему работаю на сигаретной фабрике. Нет, что вы, не слесарем: мастером участка. Каждую субботу с Инной и сынишкой мы ходим в гости к моему старому другу Эдику Рифу. У него большая пятикомнатная квартира. Почти в центре города, напротив ресторана «Гроза».

Риф очень интересный человек. Я даже немного ревную к нему свою жену. Инна говорит, что он очень интеллигентный, образованный, умный, а еще – будто бы мы с ним очень похожи. Но это вряд ли. Он гениальный художник. А я...

Я больше не пишу гениальных картин.

Литературно-художественное издание.

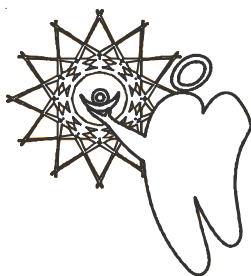
**Владимир Храмцов.
Энио, или Чертовски невероятные
приключения ролевиков в городе Ру:
медитативный роман.
Рассказы**

ISBN 978-5-499-00226-1

Иллюстрация к роману Сергея Гречаного

*Автор выражает искреннюю благодарность Игорю Хиже,
Юлии Сус, Анне Соболевой и Евгению Новикову за
помощь в редактировании этой книги.*

Оригинал-макет оформлен и изготовлен автором.

Творческая лаборатория "АЛАМАН"
(авторский бренд)

<http://alaman.narod.ru/>

2012 год

Приобрести печатный экземпляр можно по адресу:

<http://my-shop.ru/shop/books/1273489.html?partner=5063>

Вы можете поддержать автора, перечислив всего **1 доллар** или любую другую сумму на любой из следующих счетов:

На карту Visa:

Счет №29246800007135 в ПАТ "КБ "Надра", МФО 304193, ЕГРПОУ 20165528

Назначение платежа: Пополнение поточного счета №80611566, Храмцов Владимир

На расчетный счет в платежной системе Яндекс.Деньги:

р/с 4100178883828

На любой из нижеуказанных счетов в платежной системе WebMoney:

E685376317379

U180703529722

R228760566897

Z301910443557